

17 СМЕНА

*К 175-летию
Бородинского
сражения*

Уроки
революции.
Убежденность

Делегаты
съезда комсомола
за работой

Кто поможет
кооперативу

Письма о детстве

Вернисажи.

Новая рубрика

Мужчина и мода

Ники Лауда:

гонки со смертью

«Смена»

будущего года

Время движется вперед. В жизни свершаются перемены, которых мы ждали. И как важно сегодня не отстать от времени, а быть в его стремительном движении своим человеком, человеком, участвующим в событиях, а не сторонним наблюдателем. Предыдущие поколения ценой великих жертв и усилий подняли страну на высочайший уровень, сегодня наша очередь. Да, в своем порыве вперед нам не избежать ошибок, как известно, избежать их может лишь тот, кто ничего не делает, кто плывет по течению, но нами должна двигать непоколебимая убежденность в том, что цели наши высоки и справедливы, человеклы и нравственны. Человек только тогда проживает свою жизнь достойно, когда она оплодотворена достойной целью, когда ею соизмеряет он свои поступки и устремления.

Сегодня в нашей рубрике «Уроки революции: современное прочтение» своими размышлениями о нашем времени революционных перемен делится член редколлегии «Смены» Владислав Пахомович Сериков — Герой Социалистического Труда, лауреат Государственной премии, заслуженный строитель РСФСР, работающий ныне заместителем директора Центра НОТ и управления производством Минуралсибстроя СССР. Жизненный и рабочий опыт этого человека может служить ярким примером стойкого, самоотверженного служения своим убеждениям, своим взглядам.

— ЛЕТИЮ
ВЕЛИКОГО
ОКТАБРЯ

Герой
Социалистического
Труда

Владислав Пахомович, если взглянуть на прошлое с позиций современности, то какие уроки можно вынести из нашей истории? В чем преимущество октябрьских дней семнадцатого и дней сегодняшних? Какие традиции сохранились и окрепли, а какие стали слабее? Что мы приобрели на семидесятилетнем пути и что потеряли?

— Главный урок — победить могут только идейно убежденные люди. Это они совершали революцию, выводили страну из разрухи и отсталости, выигрывали сражения... Да, были тяжелые годы, когда верх брала несправедливость, когда наше социальное и экономическое развитие тормозилось волюнтаристскими решениями, — и, могут заметить, те, кто был повинен в этом, действовали тоже исходя из внутренней убежденности в своей правоте. Но, во-первых, победа несправедливости может быть лишь временной, что доказывает вся наша история. Во-вторых, я сомневаюсь, что неправое дело может основываться на идейной убежденности. В таких случаях людьми движут — пусть и подсознательно — совсем другие помыслы: ложное честолюбие, карьеризм, себялюбие, жажда власти, наконец. Не думаю, например, что тот же Лысенко был до конца убежден в правильности своих теорий. Истинная убежденность не боится честного спора, полемики.

Происходящие перемены в нашем обществе мы называем революционными. Возрождение традиций Октября я вижу прежде всего в демократизации нашей жизни. Мы не придумали — мы восстанавливаем принципы широкой гласности, выборности сверху донизу, рабочего самоуправления, атмосферу открытой критики, дискуссий по самым острым социальным и экономическим проблемам — все то, что в первые послереволюционные годы было в порядке вещей, а потом постепенно заглохло. Но восстанавливать утраченное непросто: это процесс трудный. Я вот в последние годы много езжу по стройкам, заводам и часто с большой тревогой замечаю безучастность рабочих — даже в лучших бригадах! — к общим делам. Прямо загадка какая-то: беседуешь с молодыми рабочими поодиночке — все они умные, понимающие. А соберутся в коллектив — становятся инертными. Даже поговорку придумали: «Перестройка — это как в тайге: наверху шевелится, а внизу тихо».

— Вы можете определить корни этой безучастности?

— Она особенно распространилась там, где администрация всю власть забрала в свои руки и близко не подпускает рабочих к участию в управлении производством.

— Теперь, с созданием советов трудовых коллективов, многое должно измениться...

— Как мы относимся к новым идеям

и явлениям, возникающим в ходе перестройки? Чаще всего — не критично, а то и с опаской: разве ж можно критиковать новое, не попадешь ли в противники перестройки? Не только можно, но и нужно, и чем оперативнее мы это сделаем, тем лучше для дела. Например, после создания агропрома сразу раздался дружный хвалебный хор, восторженные голоса: ну, теперь-то у нас в сельском хозяйстве все разом наладится! Кое-кто полагал, что уже через месяц завалим страну мясом, зерном... А теперь выясняется, что многие РАПО работают по старинке — все та же мелочная опека, регламентация, сковывание инициативы. Сегодня вдруг оказалось: проблем и неувязок в этом деле больше, чем представлялось иным журналистам. Если бы мы сразу обратили больше внимания на слабые стороны этой крупной реорганизации — больше пользы было бы. Не потеряли б столько времени...

Так вот, о советах трудовых коллективов... За последнее время я был на заседаниях советов пяти разных предприятий в разных городах. Мне эти заседания живо напомнили благополучно забытые ПДПС — постоянно действующие (точнее сказать — бездействующие) производственные совещания. Сидят люди часами, парятся, мучаются — пустая трата времени. На совете если уж решать, то коренные вопросы развития коллектива, а они пытаются, собравшись раз в месяц, решить все оперативные. И, конечно, ничего не получается. Разве Ивановский Совет рабочих и солдатских депутатов заседал, когда шли бои? Он, наверное, воевал!.. Текущие вопросы на стройке, на заводе возникают ежедневно, ежедневно — и решать их специалисты и сами рабочие должны сразу же, немедленно. А не дожидаться какого-то заседания. Но по-настоящему управлять большинством рабочих еще не научились. Когда я рассказываю им об опыте работы своей бывшей бригады в Заполярье — слушают недоверчиво...

Победа придет, когда мы по-настоящему, неформально сумеем организовать рабочее самоуправление. Если же администрация — теперь уже под флагом рабочего самоуправления, демократизации и перестройки — по-прежнему будет навязывать трудовым коллективам свою волю, то у людей это ничего не вызовет, кроме недоверия и пессимизма по отношению ко всем нашим планам преобразования. А еще встречались мне советы, где председателем — руководителем предприятия! При такой концентрации власти какой уж тут демократизм.

— В шестидесятих годах вам немало пришлось побороться за то, что нынче всеми признано передовым и прогрессивным, — я имею в виду бригадный и коллективный подряд.

— Да, столкновений и конфликтов хватало... И это вполне естественно. Мы ведь начали тогда настоящую рево-

люцию в строительстве, а революции редко бывают бескровными. Отжившее всегда трудно и неохотно уступает дорогу новому, молодому, и конфликты здесь неизбежны. Вообще, когда человек вступает в борьбу за новое, нельзя рассчитывать на спокойную жизнь, надо быть готовым ко всему. Всякое движение, развиваясь шире и глубже, встречает и открытое сопротивление, и подводные камни. И сейчас, когда мы начали революцию по всему хозяйственному фронту, надо быть готовым к самой бескомпромиссной борьбе. Но остерегаться следует не обнажения противоречий, а их затушевания, искусственно создаваемого единогласия. Задача не в том, чтобы обойти острые углы, а совершенно в другом: не дать естественному течению жизни, которое неминуемо без противоречий, развиваться во вражду, сведение личных счетов. Нужны убежденность и принципиальность, ум и талант, знания и опыт, чтобы любое острое столкновение интересов вести в деловое русло.

— Бурные конфликты с отдельными руководителями и целыми организациями, даже открытые гонения на бригаду не повлияли, однако, на дело: ваша бригада стала одной из лучших в Заполярье, заслужила широкое общественное признание. Что же спланивало рабочих, помогало отстаивать свои принципы?

— В первую очередь — большая цель, настоящее дело. Одной бригадой мы брались за очень крупные объекты — теплоцентраль, рудник, комбинат... Причем объекты срочные, чрезвычайно важные для города, для всего народного хозяйства. В нашем большом — до ста человек — коллективе каждый рабочий не только не терялся, но, наоборот, раскрывался как личность. Много лет спустя я прочел у Антона Семеновича Макаренко: «Человек, определяющий свое поведение своей близкой перспективой, есть человек самый слабый. Если он удовлетворяется только перспективой своей собственной, хотя бы и далекой, он может представляться сильным, но он не вызывает у нас ощущения красоты личности и ее настоящей ценности. Чем шире коллектив, перспективы которого являются для человека перспективами личными, тем человек красивее и выше».

Наша убежденность помогала в трудные минуты твердо отстаивать свои принципы. Бригадный подряд долго не признавали официально, хотя мы именно благодаря ему и показывали отличные результаты. Но даже когда в Госстрое, в 1963 году, идею бригады разгромили в пух и прах, мы были твердо убеждены — все равно подряд будет! Так я и заявил высокопоставленным чиновникам в Москве. И мы, как видите, в конечном счете оказались правы.

— Мы сейчас много говорим о рабочем самоуправлении. С чего оно начиналось у вас в бригаде?

Владислав СЕРИКОВ

УБЕЖДАЁННОСТЬ

— Главное, чтобы все знали свою перспективу на много месяцев вперед. Знали, что будут делать, и сами решали, как это сделать. Видите, все очень просто. Но сейчас у большинства рабочих коллективов нет перспективы на год-два, а то и три, как бывало у нас в Мурманске. Редкая бригада имеет план-задание на строительство объекта «под ключ» — со сроками, разбивкой по этапам, графиками поставок материалов, заранее определенной суммой зарплаты. Нынче основная цель множества бригад — выдать план месяца или квартала в рублях. Вот и становятся бригады какими-то безликими, а люди безучастными. Невозможно управлять производством, не зная конечной цели.

Так что провозгласить рабочее самоуправление на словах — это одно, а осуществить его на деле — совсем другое.

— Что мешает? Или, поставим вопрос иначе, чего не хватает для осуществления?

— Прежде всего — идейно убежденных борцов. Я не раз задумывался об этом. Как-то поинтересовался судьбой бригадиров, с которыми встречался в разных городах. Еще недавно их имена гремели, их опыт представляли на ВДНХ. А теперь они плюнули на дело и ушли — кто в рабочие, кто в прорабы. Таких примеров могу привести десятки. Что же происходит? Почему люди отступают, ведь открытых противников подряда теперь вроде нет? Открытых нет — скрытые остались. И с ними предстоит еще серьезная борьба. А люди к ней не готовы! Мы умеем готовить хороших профессионалов, но не научились еще воспитывать настоящих общественных деятелей, стойких борцов за свои убеждения. Они вступили было в схватку с рутинной, косностью, но, встретив сопротивление или непонимание, сдали позиции. Потерпели поражение, потому что не проявили страстности в отстаивании своих идей, непримиримости к застою, не проявили бескомпромиссности, идейной убежденности. Все это относится, как вы понимаете, не только к подряду... Начатая в стране перестройка — борьба еще более острая и требует еще более стойких, убежденных людей.

— Но и у вас были не только победы... Взять, к примеру, спор о коллективном подряде в 1975 году.

— Идея была выношена, выстрадана рабочим коллективом. Семнадцать раз собирались мы все вместе, обгова-

ривая и разрабатывая новую форму организации труда. Поддержки мы тогда не нашли. Администрация испугалась, что рабочие получат слишком большую власть. А один из руководителей треста заявил на совещании в обком, что предложение бригады противоречит законам социализма. Ни больше ни меньше!

И все-таки, хоть ненадолго, но мы и тогда вырвали власть. Формально коллективного подряда не существовало, но фактически мы работали по такому принципу. В чем он заключается? Во взаимодействии всех бригад стройуправления и участии каждого рабочего в управлении производством. Мы создали систему, при которой каждый человек не мог не управлять. Бригады вели широкий и самостоятельный маневр техникой, материалами, людьми. Без всяких приказов сверху направляли, при необходимости, рабочих на помощь соседям, одалживали друг другу — строго по квитанциям — бетон, раствор, швеллер и так далее. Это была четкая, осмысленная работа, настоящий хозрасчет.

Беда в том, что наше предложение слишком опережало время. Да, мы тогда не победили. Но путь-то наметили правильный! Верили, что рано или поздно по нему пойдут. Другое дело, что механизм торможения, сформировавшийся в те годы, не дал возможности показать все преимущества рабочего самоуправления: оно нарушало спокойную жизнь руководства, а нередко и ставило под сомнение его компетентность. В то время не требовалось, чтобы рабочий коллектив имел реальную силу.

— Как вы относитесь к выборности руководителей?

— Глинка считал, что музыку сочиняет народ, а композиторы лишь аранжируют ее. Думаю, что это верно и в отношении социального творчества: надо лишь правильно аранжировать то, что рождено в народе.

Надуманное, насаждаемое сверху «кабинетные» починки, распространявшиеся формально, принося кратковременную славу лишь их авторам, вскоре забывались и умирали. Но родники инициативы снизу, к счастью, не иссякли. Ведь и выборность — это тоже начинание, идущее от народа. Выбранный кол-

лективом руководитель берет на себя огромную ответственность. И он справится с ней, если даст возможность коллективу полностью использовать предоставленные ему демократические права.

Стране нужно неформальное, настоящее участие рабочего в управлении производством. И до тех пор, пока в трудовом коллективе участие в управлении не будет действительно коллективным, подлинно демократичным, руководители будут в одиночку биться за дело, а рабочие, что еще нередко бывает, пассивно созерцать эти усилия. Объединить их, поставить плечом к плечу, сделать соратниками в борьбе за перестройку — вот наша главная цель.

Принимать решения — не только привилегия, но — что, пожалуй, еще важнее, — тяжелая обязанность и ответственность перед людьми. И потому надо разделить эту ношу на всех поровну. Дальновидный руководитель новой формации такую диалектику поймет, будет постоянно обращаться к народной мудрости и сделает все, чтобы обратить ее на пользу делу. Он поймет, что, пока безучастны низы, никаких положительных перемен не произойдет.

К сожалению, и сейчас я нередко встречаю руководителей — пока еще назначенных, — принимающих желаемое за действительное или просто не понимающих сути происходящих процессов.

Недавно в Оренбурге один строительный начальник с гордостью, как о яркой примете идущей восточной перестройки говорит мне:

— У нас сейчас люди стали активными.

— А в чем, — спрашиваю, — их активность проявляется?

— Активно выступают, критикуют, требуют...

— Что требуют?

— В основном фронт работы...

Выступать и требовать — это еще не активность. Нет работы у бригад? Да ведь в городе жилищная проблема еще не снята; на стройках не хватает двух тысяч человек — приглашаются желающие. Работа для любой бригады всегда есть — надо приложить минимум усилий, чтобы ее найти. А думать, искать никто не хочет. Что тогда толку в криках на собраниях? Демагогия это, а не активность!

— Понятно, внешние приметы и атрибуты перестройки воспринять проще, да и безболезненней. Видимо, велико желание раньше других доложить: «Мы уже перестроились!»

— Я вот о чем подумал... Убежденность убежденности рознь. Есть люди, которые меняют свои убеждения моментально, в зависимости, откуда «ветер дует». Нам же особенно важно критически осмысливать каждый свой шаг. Поэтому надо со вниманием относиться к людям сомневающимся и даже противникам преобразований, ломки устоявшихся порядков. Они необходимы! Помню, как еще в Мурманске разговаривал со знающим, умным инженером — противником бригадного хозрасчета. В споре с ним я впервые понял многое из того, о чем раньше и не задумывался.

Противник своими возражениями сам помог мне найти верные аргументы. Бывает, конечно, что взгляды тех, кто одинаково искренне болеет за дело, не совпадают. Но споры между старым и новым должны вестись корректно, экономически грамотно, аргументированно. Но, к сожалению, люди часто боятся высказать свое мнение — боятся, что их размышления по поводу новых решений неправильно поймут и осудят. А часто нам не хватает мальчишка из сказки, который может сказать: «А король-то голый!» — о некоторых решениях, «спускаемых» в народ, и некомпетентных руководителях.

Ошибки надо исправлять немедленно, не дожидаясь негативных последствий. Не следует попадать под магическое влияние авторитетов и имен и тем более бояться потерять кресло, теплое местечко. Любое мнение не есть истина в последней инстанции.

— Как-то вы сказали, что в ходе перестройки необязательно все ломать, и чуть было не попали в консерваторы.

— Консерваторами называли и тех, кто отставил «неперспективные» деревни. Другие «консерваторы» отстояли личный скот, третьи — посеяли пшеницы, когда предписывалось сеять кукурузу. Нет, не консерваторами были эти люди! Старое не значит плохое, и они сумели увидеть моральную и практическую пользу этого «старого» в перспективе. То, что мы называем прошлым опытом, не должно оставаться только в прошлом. Без прошлого нет будущего. Мы говорим: «Наш современник Пушкин». Но наш современник и Макаренко, и многие еще станут нашими современниками, надо только хорошо исследовать, по крупицам собирать прошлый опыт. Так, мы начали как бы заново создавать систему самообразовательности и самофинансирования, забывая, что она давно и блестяще действовала в нашей стране. Пример тому — колония имени Дзержинского под руководством Макаренко. Выпускная фотоаппараты «ФЭД», коммунары полностью содержали себя и ежегодно давали государству пять миллионов рублей чистой прибыли.

— Я заметил, вы часто ссылаетесь на опыт Антона Семеновича Макаренко...

— Мне вот что не дает покоя... Если он из преступников мог делать идейно убежденных коммунаров, то неужели из обычных людей мы не сумеем? Не должно такого быть.

— Владислав Пахомович, а ведь вся ваша жизнь могла сложиться совершенно иначе, прими вы после службы в армии предложение стать инструктором Уральского обкома комсомола.

— Да, но для этого требовалось отречься от родителей, сменить фамилию...

— Мы с вами встречаемся далеко не в первый раз, но есть вопрос, который я почему-то никогда не задавал, хотя иногда он просто вертелся на языке: казалось, вопрос не совсем тактичен. Но давайте уж сегодня совсем откровенно... Пережив тяжелое детство и юность, вы, по житейской логике, должны были бы озлобиться на весь мир, сломаться духом, опуститься...

— Пойти воровать — это точно.
— Что было бы, в общем, понятно. Думаю, пришла пора сказать и об этом, мало кому известном периоде вашей биографии.

— В тридцать седьмом, когда я был десятилетним мальчишкой, в результате ложного доноса погиб мой отец — герой гражданской войны. К десяти годам безвинно приговорили мать. Я же попал в сталинградский спецдетдом для детей репрессированных, где пробыл до сорок второго года. Вышел я оттуда только благодаря тому, что охрана разбежалась от обстрелов и бомбежки города. Вернее, не вышел — меня на руках вынесла старшая сестра Зоя. Ее по возрасту не отправили в тот детдом вместе со мной: пятнадцатилетних оставляли на свободе. А сам я идти не мог из-за полного нервного и физического истощения... Уже после войны меня как сына «врага народа» два с лишним года продержали в тюрьме.

— Что давало вам силы выступать? А после не просто жить тихо-спокойно, как живут многие, но постоянно искать себе новые испытания: вспомните целину, северные ударные стройки?

— Да мне и самому трудно до конца все это понять. Если скажу: поддерживала уверенность в своей правоте, вера в справедливость, — не усмехнутся ли иронически молодые читатели «Смены»? Затерли мы изрядно многие «высокие» слова, произнося их по любому поводу... Что делать, много объяснения я сейчас найти не могу.

— Но на чем-то эти вера и убежденность основывались?

— Тут первый и главный фактор — семья. Всего десять лет детства с родителями, но они успели дать мне много хорошего, заложить твердую нравственную основу. Все главное в человеке — целенаправленность, убеждения, — как я теперь понял, рождается, пока мы еще малы. А если фундамент заложен прочно — это я уже как строитель говорю, — здание простоит века.

Мой отец Пахом Федотович — большевик с семнадцатого года. Из батраков, как и мама. В первую мировую был на фронте унтер-офицером, в гражданскую командовал полком. Одно время воевал в Чапаевской дивизии. Дрался с белоказаками на Урале, а мать ездила за ним в обзоре. В тридцатые годы он работал директором треста совхозов Сталинградской области.

Из тюрьмы ему удалось передать записку маме, там он писал в конце: «Владу передай, что его отец — честный человек и мы с ним встретимся, когда он будет большой-большой». Не встретились... Но я никогда, ни на минуту не терял чувство огромного уважения и любви к родителям, ни на миг не усомнился в их кристальной честности.

Мы, дети, воспитывались на рассказах отца и его однополчан о революции, о гражданской войне. Отец хорошо знал нужды, заботы и настроения рабочих, жил их жизнью, был всегда в гуще людей. Ежедневно к нему приезжали рабочие из совхозов, он принимал их дома, за обедом, поэтому мама всегда готовила обед «с запасом». Говорили о работе, о насущных делах. Помню, рабочие нередко спорили с отцом, а то и отчитывали: «Пахом, запомни, тут ты неправильно поступаешь». Общение с рабочими не было данью моде или игрой в демократию. Оно было жизненной потребностью большевиков-руководителей тех лет. Вот это качество сейчас во многом утрачено, и восстанавливать его необходимо.

Что самое главное я вынес из детства? Стремление ощущать себя личностью. Наверное, это шло прежде всего от отца. Он воспитал во мне чувство собственного достоинства. Мысль его была проста и понятна: все рождены равными, имеют равные права и обязанности, и, значит, все зависит от самого человека. Это чувство не смог сломать и спецдетдом с его порядками.

Как-то у начальника детдома пропала пачка папирос. Он отдал приказ: производить ежедневный досмотр — раздевать детей догола, искать в одежде. А какая летом одежда? Трусы и майка. И вот нас выстраивали в две шеренги — мальчиков и девочек. Мы раздевались, клали одежду перед собой. Между шеренгами шел холеный человек в форме и палочкой с крючком встряхивал наши майки...

Когда мы наконец снова встретились с мамой, она мне сразу сказала: «Ты, сын, главное, никогда не имей обиды на Советскую власть». Она была убежденной коммунисткой, хотя в партии не состояла. И обиды такой у меня не возникало никогда, только к отдельным представителям власти, которые, как мне тогда казалось, проявляли личный произвол и беззаконие. А в день смерти Сталина я тоже плакал.

В первые послевоенные годы непросто было верить, что несправедливость скоро кончится. Но я почему-то был убежден: впереди меня ждет другая, интересная жизнь. Я всегда чувствовал в себе силы и был твердо убежден, что найду себя. Теперь, когда позади уже большая жизнь, могу подтвердить: человек от природы способен на многое. Только один теряет веру в себя, другой не боится испытать свои силы. Они, когда очень надо, обязательно появляются, если человек ставит перед собой большую цель. После Уральска я работал грузчиком — сначала в Магнитогорске, потом в Сталинграде. Порой казалось, что нет у меня никаких перспектив, но я свято хранил веру в то, что наступит перелом. Главное, убеждал я себя, не лениться.

— Я знаю, книги Ленина стоят у вас на полке не для проформы, вы часто обращаетесь к его трудам. Какие ленинские мысли вы считаете наиболее актуальными сегодня?

— Ленин не история. Ленин — наш современник... Я, например, не встречал у него мыслей, которые не были бы актуальны и сегодня. Разве не остро современны, например, его слова о том, что правда не должна зависеть от того, кому служит? Разве за долгие годы не привыкли мы говорить в основном ту «правду», которую «наверху» принимают благосклонно?

— Ну, про вас-то этого не скажешь. Вы во все времена отказывались славословить.

— Речь не обо мне... Не будем наивно полагать, что все негативные, застойные явления остались позади. Вспомним период после XX съезда партии: и тогда был взрыв гласности, да еще какой! Как мы критиковали, прямо громили прошлые ошибки! А в то же самое время уже сеяли кукурузу аж у Полярного круга, резали скот, строили целлюлозный комбинат на Байкале. А большинство трусливо молчало. Хуже того — одобряло все подряд. Видели же, что делается не то, но... раз одобрено «наверху»... И в наши дни многие люди свое участие в перестройке проявляют лишь в форме одобрения и поддержки разных идей и постановлений, вместо того чтобы обсуждать, спорить. А главное — мало практических дел. Иные верят в перестройку лишь на словах, другие заняли выжидательную позицию: пусть кто-то другой пробует, ищет новые пути и набивает шишки, а я посмотрю, что с ним будет. Не перевелись и любители втереть очки, выдать желаемое за действительное. Даже в газетах стали появляться восторженные материалы нового образца о коренных, «революционных» преобразованиях на местах. Немало поездив по стране, могу сказать со всей ответственностью: пока еще этого нет! Перестройка — дело не одного месяца, года. Человеческая психология не скоро меняется, а это главное... Перестройку сделает не горстка энтузиастов или героев, а миллионы рядовых людей, если они будут ее убежденными инициаторами, и соавторами, и сознательными исполнителями.

Беседу вел
Владимир АНИСИМОВ.

СТОЯТЬ НА

Делегаты XX съезда ВЛКСМ за работой: ОТ СЛОВ К ДЕЛАМ

Фото Леонида Валеева

Алексей ПАЛАГУШКИН,

секретарь комитета ВЛКСМ
Ульяновского авиационно-
промышленного комплекса

Наша продукция в особой рекламе не нуждается. Это прежде всего знаменитый «Руслан», который поднимает в небо свыше 170 тонн груза, — самый мощный транспортный самолет в мире. В сборке его участвует молодежь, ведь третья часть работающих на авиакомплексе — комсомольцы. Согласитесь, сила немалая. Как же наш комитет управляет ею в период перестройки, насколько полно мы используем права и возможности, предоставленные новым Уставом ВЛКСМ, решениями XX съезда комсомола?

С апреля нынешнего года комитету комсомола авиакомплекса ЦК ВЛКСМ предоставил право самостоятельно распоряжаться собственными привлеченными средствами. Открыт счет в банке. Деньги, заработанные комсомольцами, теперь остаются на заводе, а не перераспределяются по району, как было прежде. И, как мы и ожидали, возможности нашей комсомольской организации возросли. Комитет теперь имеет средства на проведение культурно-массовых мероприятий, поощрение актива. Уже приобрели несколько комплектов кино-, фото- и радиоаппаратуры, сами финансируем детские праздники в подшефных школах микрорайона авиастроителей, в Чердаклинском детдоме. Организовали молодежный фестиваль, все расходы взял на себя. Эксперимент идет четвертый месяц, и можно говорить о его первых итогах.

Счет в банке расцениваем как факт доверия к комсомолу. Но безлический расчет не все наши проблемы решает. Волейбольную сетку, например, по безлическому расчету можно купить, а волейбольные мячи к ней — нет (они в списке лимитированных). Более разумным, на мой взгляд, было бы наряду со счетом в банке (для расчетов с организациями) иметь еще и сберегательную книжку — на оперативные расходы, ведь система выдачи денег под отчет на заводах отлажена. Доверие — так уж доверие.

В последнее время наш комитет и его активисты стали больше внимания уделять «узким» местам производства, организации труда в комсомольско-молодежных бригадах. Теперь мы держим на контроле ход внедрения каждого рационализаторского предложения, поданного комсомольцами. Куда смелее стали действовать прожектористы. Я считаю, что наш актив должен принимать участие в решении всех производственных, социально-бытовых вопросов. Пока этого нам не удалось добиться. Приходится сталкиваться и с тем, что начальники цехов, партгорги не знают своих комсоров, не интересуются заботами молодежи. Мы сейчас настаиваем на том, чтобы администрация, партийные и профсоюзные работники не только бывали на комсомольских собраниях, но и делом поддерживали наши инициативы.

САМОСТОЯТЕЛЬНОСТИ

«Перестройка в комсомоле, — подчеркивалось на XX съезде ВЛКСМ, — это выход комсомольских организаций из состояния инертности и застоя на передовые участки борьбы за ускорение социально-экономического развития страны, за формирование нового человека, обращение к живой, повседневной, кропотливой работе с молодежью».

Прошло четыре месяца, как делегаты съезда вернулись на свои рабочие места, в трудовые и ученические коллективы. Конечно, за этот срок трудно добиться заметных перемен в комсомольских и производственных делах. Поиск новых форм комсомольской работы, борьба с формализмом требуют времени и сил. Не вызывают доверия те секретари и активисты, которые уже сейчас заявляют: «Мы уже перестроились». Но встречается и другая крайность, когда комсомольские вожаки, расписываясь в собственной беспомощности и безынициативности, говорят: «Мы не знаем, как перестраивать свою работу, — пусть дадут конкретные рекомендации из ЦК».

А какие могут быть «рекомендации»? Не лучше ли исходить из реальных проблем, которые волнуют молодежь вашего предприятия, вашей организации? И, главное, помнить, как говорилось на съезде, что «в центре комсомольской работы всегда должен стоять человек, нельзя допускать, чтобы среди людей он оставался один на один со своими жизненными проблемами».

Да, за несколько месяцев трудно добиться коренных перемен. И все-таки один существенный сдвиг — там, где комсомольцы проявляют самостоятельность и инициативу, — есть: у многих молодых изменилось отношение к комсомольской работе. «Мы теперь стали больше доверять комсомолу», — подчеркнул в своем письме в редакцию ленинградский токарь Иван Борисов.

Как же участвуют в перестройке делегаты XX съезда ВЛКСМ? Им — слово.

Сергей КИРЬЯНОВ,

рабочий Ленинградского судостроительного завода имени А. А. Жданова, член комитета ВЛКСМ

Фото Евгения Стецко

Скажу откровенно: когда после съезда я вернулся в свой цех, ребята встретили меня с некоторой прохладцей.

— Сергей, мы тобой недовольны, — заявила группкомсорг участка Елена Косенок. — Почему ты не попросил слова и не поставил вопрос о комсомольском самоуправлении, о том, что «первичкам» нужен документ, который бы гарантировал нам независимость от решений администрации?

— Да все как было, так и останется! — разочарованно протянул Гена Петров. — Начальству не до комсомола, наше мнение никого не интересует.

Что я мог тогда ответить ребятам? Они ведь по-своему правы: сколько постановлений принимает ЦК ВЛКСМ — нужных и полезных, однако для заводского руководства они не указ! «Комсомольские бумажки» — только и всего!

Да и сейчас, уверен, многие администраторы лишь по диагонали познакомились с материалами XX съезда, разве что прочитали речь Михаила Сергеевича Горбачева... От одного начальника цеха услышал мнение:

— Теперь стало модно заигрывать с молодежью. Вот только куда нас приведет это «заигрывание»? Ведь на шею сядут, начнут права качать...

— Не нужно с нами «заигрывать», — сказал я ему. — Доверять нужно, советовать почаще... Можете насчет своей шеи не бояться, а вот свои права будем отстаивать.

Молодых рабочих больше всего возмущает то, что администрация никогда с нами не советуется. Но теперь должности руководителей цехов выборные. Карьера зависит от мнения коллектива, а не от звонка «сверху». Это заставит начальство прислушиваться к мнению коллектива.

Перемены уже наметились: комитет комсомола самостоятельно, без указки райкома планирует свою работу. Например, решили ускорить строительство семейного общежития — и все силы

были брошены на «малосемейку», согласовали с администрацией и направили на площадку несколько бригад рабочих, будущих жильцов. Кстати, и жилье мы теперь распределяем сами.

Запланировали построить новое молодежное кафе, где разместятся клубы по интересам. Открытие его отодвинулось по уважительной причине — судостроители обязались досрочно отремонтировать «Аврору» и вернуть легендарный крейсер на его вечный пирс.

На «Авроре» наши ребята работают самоотверженно, не глядя на часы: все понимают, что это дело чести и наш комсомольский долг. Часто приходится слышать: «Ну что, парни, сутки пополам?» — «Нет вопросов!»

Что делаю лично я, как член комитета ВЛКСМ? Мне поручено заниматься организационными вопросами, подготавливать комсомольские собрания. Вместе с цеховыми активистами мы решили: не надо проводить их для «галочки», нужно, чтобы на собраниях поднимались «болевые» вопросы, которые тормозят нашу работу, — внедрение средств малой механизации, профессиональная и экономическая учеба...

Если раньше буквально за уши приходилось затаскивать на собрания комсомольцев, то теперь в красных уголках яблоку негде упасть. А все почему? Да потому, что больше стали говорить о конкретных делах, которые всех волнуют. Сами комсомольцы предлагают повестку дня. Слово предоставляется любому, кто пожелает высказаться. Собрания стали носить характер дискуссии, откровенного разговора — такими они и должны быть.

Конечно, проблем еще много: к нам, например, до сих пор не прислушиваются члены квалификационной комиссии, когда молодые рабочие подают документы на повышение разряда.

За то время, что прошло после съезда, я и мои товарищи поняли, что его главный урок как раз заключается в том, чтобы больше рассчитывать на свою инициативу, на собственные силы.

Анна ВАСЬКИНА,

ученица 10-го класса школы № 2 г. Смоленска

Сейчас я то и дело слышу: «Васькина, помоги — ты же делегат!», «Аня, иди в горком — тебе не откажут!», «Раз ты делегат, то должна «пробить!»».

После XX съезда я по-другому начала смотреть на комсомольскую работу в школе. Так уж повелось, что многие ребята к ней серьезно не относились, да и учителя не очень-то считались с нашим комитетом. Наверное, поэтому он разучился «воевать», отстаивать мнение своих комсомольцев.

Например, нынешним летом мы хотели всем классом поработать в колхозе — в поле и на ферме. Там в это время наши руки позарез нужны. А что получилось? Учителя объявили нас чуть ли не «предателями».

— Как вам не стыдно? Вы, как самые старшие, должны помочь отремонтировать родную школу, чтоб о вас добрая память осталась.

В школе мы так и не поработали, а сидели в таксопарке, где у нас практика от учебно-производственного ком-

бината, и перебирали в диспетчерской бумажки. Кому от этого польза — нам, производству? Да за это время мы могли бы стогектарное поле прополоть, стадо телят выводить!

Обидно, что нас, шестнадцатилетних девушек и парней, в школе и дома продолжают считать детьми: все боятся, что мы переработаем. Впрочем, мы сами, наверное, в этом виноваты — боимся показать свое «я». А чего бояться, если правы? Не побоялись же мы первый раз за последние годы провести отчетно-выборное комсомольское собрание без учительских указаний и выступлений по «чужой» бумажке! И все удивлялись, как оно активно и интересно проходило, как самые пассивные ребята рвались выступить... И новый комитет выбрали без подсказки из учительской.

Я считаю, что комсомольцам-школьникам нужно больше верить, и доверять, и спрашивать с нас, как со взрослых!

Фото Альберта Лехмуса

СВЕТ

175 лет назад в Бородинском сражении была фактически predeterminedена победа русского оружия в Отечественной войне 1812 года. Еще предстояли тогда сдача Москвы, пожар в белокаменной столице России, наступление русских войск, бегство Наполеона, разгром французов на Березине. Да, после Бородинской битвы это еще предстояло, но уже было ясно, что непобедимой доселе армии французского императора покорить Россию не удастся. В дни славного юбилея, когда отмечается памятная дата нашей истории, нельзя без волнения читать скупые строки записок и дневников (ранее не публиковавшиеся) участников героического сражения: начальника штаба 1-й армии генерал-майора от артиллерии А. П. Ермолова, рассказывающего о начальном периоде войны, о командующих 1-й и 2-й армиями М. Барклае-де-Толли и П. Багратионе, о самой битве; героя Отечественной войны генерала Н. Н. Раевского, скромно описывающего свое участие в сражении и встречи с фельдмаршалом М. Кутузовым; шестнадцатилетнего дворянина-патриота А. В. Чичерина, погибшего в заграничном походе русской армии, в чьем дневнике идет речь о последствиях Бородинской битвы; двадцатилетнего Николая Митаревского, подпоручика 12-й легкой роты 7-й артиллерийской бригады.

ПЛАТЬЕ СРАЖЕНИЯ

САМЪ БОРОДИНСКЪ

Битва 26 Июня 1812 года

ИЗДАТЕЛЬСТВО

МОСКОВСКОЕ ОБЩЕСТВО ИСТОРИКО-ПАМЯТНИКОВОЕ

МОСКВА

БОГА

ИЗ ЗАПИСОК Н. Н. РАЕВСКОГО

...Немного занимательно могу я сказать относительно действий моих в сей кровяной битве. Я имел в моем распоряжении только 15 батальонов, ибо два из моих полков, под командою графа Воронцова, как мне помнится, были посланы в лес, а два другие, как я выше сказал, отправлены были внутрь России для укомплектования. Отряд мой поставлен был в две линии; правое крыло опиралось на недокопанный редут, который после сохранил мое имя, а левое по направлению к деревне Семеновской. Напрасно говорит генерал Бутурлин, что конница моя стояла в овраге, а вторая на отлогости холма, на вершине коего находился корпус генерала Дохтурова. В редуте моем было место только для артиллерии, позади коей начинался овраг, означенный на карте, и в коем стояла моя первая линия.

Князь Багратион предупредил меня, что он будет брать подкрепления из второй моей линии, и вместо некоторой части оной взял при начале дела почти всю линию.

Видя тогда, что первая моя линия, оставшись без подпоры, не может противустать с успехом неприятелю в растянутом построении, я свернул оную в колонны, не выводя из оврага, дабы деятельнее защищать редут помощью противудвижений. Она расположена была следующим образом: 4 батальона 12-й дивизии под командою генерала Васильчикова поставил я на левом и 4 батальона 26-й дивизии под командою генерала Паскевича на правом крыле, с повелением, в случае атаки редута неприятелем, идти и ударить на него с обоих флангов. Вскоре потом подошли ко мне два батальона 19-го егерского полка под командою генерала Вуича, кои поместил я в том же овраге позади редута. Ссылаюсь в этом на реляцию, поданную мною после сражения, и хотя за неимением документов я пишу теперь на память, однако же не страшусь противоречия самому себе, ибо всегда говорил истину. С самого утра увидел я колонны неприятельской пехоты, против нашего центра сливавшиеся в огромную массу, которая, пришед потом в движение, отделила сильную часть от себя, направившуюся к моему редуту. Колонна сия шла ко мне косвенно, и сражение завязалось спустя

три четверти часа после атаки, направленной против князя Багратиона. В эту-то минуту генерал Коновалов пригласил меня в Семеновское, по случаю полученной князем Багратионом раны. Я отвечал ему, что не могу отлучиться, не отразив прежде атаки, направленной против меня, и просил его действовать до прибытия моего сообразно с обстоятельствами, прибавив, что не замедлю явиться к нему в Семеновское. Действительно, это была решительная минута, в которую я ни под какими предлогами не мог оставить моего поста. По приближении неприятеля на выстрел моих орудий пальба началась и дым закрыл от нас неприятеля, так что мы не могли бы видеть ни расстройств, ни успехов его. После вторых выстрелов я услышал голос одного офицера, находившегося при мне на ординарах и стоявшего от меня недалеко влево; он кричал: «Ваше превосходительство, спасайтесь!» Я оборотился и увидел в шагах пятнадцати от меня французских гренадеров, кои со штыками вперед обегали в мой редут. С трудом пробрался я к левому моему крылу, стоявшему в овраге, где вскочил на лошадь, и, взяв на противоположные высоты, увидел, как генералы Васильчиков и Паскевич, вследствие данных мною повелений, устремились на неприятеля в одно время; как генералы Ермолов и граф Кутайсов, прибывшие в сию минуту и принявшие начальство над батальонами 19-го егерского полка, ударили и совершенно разбили голову сей колонны, которая была уже в редуте. Атакованная вдруг, с обоих флангов и прямо, французская колонна была опрокинута и преследуема до самого оврага, лесом покрытого и впереди линии находящегося. Таким образом, колонна сия понесла совершенное поражение и командующий ею генерал Бонам, покрытый ранами, взят был в плен. С нашей стороны граф Кутайсов убит, а Ермолов получил в шею сильную контузию. Я полагаю, что неприятель сам был причиною своей неудачи, не устроив резерва для подпоры колонны, шедшей на приступ.

ТЫЯРИ

Памятник участвовавшему в битве Неженскому драгунскому полку, возведенный на Бородинском поле (вверху).

Медаль в память Отечественной войны 1812 года, которой награждены все участники боевых действий.

Бородинская битва вдохновила многих художников на создание монументальных полотен.

Никогда не только Корф, ни же один кавалерист, не помогал пехоте в сем случае: это погрешность в истории Бутурлина. После сего успеха я приказал привести на батарею все в прежний порядок, а сам отправился в Семеновское, где нашел Коновницына, Сен-Приеста и генерала Дохтурова, заступившего место князя Багратиона. Сен-Приест получил сильную контузию в грудь в то время, когда князь Багратион был ранен. Не имея там никакого дела, я возвратился в мой реду; но застал уже в нем егерей под командою генерала Лихачева. Корпус мой так был рассеян, что даже по окончании битвы я едва мог собрать 700 человек. На другой день я имел также не более 1500. Впоследствии сей корпус в другой раз был укомплектован; но тогда нечем уже было действовать.

С самого прибытия князя Кутузова в армию я не мог явиться к нему за раной в ногу, о коей я упомянул выше; будучи же теперь свободным и без команды, я к нему отправился. В это время позиции наши были еще за нами; огонь неприятельский начал ослабевать, но артиллерия наша нуждалась в зарядах. О сими известиями я прибыл к фельдмаршалу. Он принял меня ласковее обыкновенного, потому что за минуту до меня кто-то представил ему дела наши весьма с дурной стороны. Надобно сказать, что, быв еще гвардии поручиком, я начал военную мою службу в турецкую кампанию под начальством фельдмаршала князя Потемкина и находился при особе Кутузова, о чем он всегда вспоминал благосклонно и во всяком случае оказывал мне особое благорасположение. Он сказал мне: «Итак вы думаете, что мы не должны отступить».

Я отвечал ему, что, напротив, мне кажется, нам должно атаковать завтра неприятеля, ибо в делах нерешенных упорнейший всегда остается победителем. Это было не хвастовство с моей стороны, может быть, я обманывался, но я именно так думал во время сего разговора. Князь Кутузов тогда же, в присутствии его высочества герцога Александра Виртембергского, начал диктовать адъютанту своему Кайсарову план завтрашней атаки, а мне приказал немедленно пересказать об оной изустно генералу Дохтурову. Я бросился выполнить сие повеление, в намерении сверх того известить об этом и все наши линии, зная совершенно, какое действие произведет известие сие на дух войск наших. Проезжая к левому флангу армии, я видел генерала Васильчикова с литовским гвардейским полком в упорном бою с неприятелем. Сей полк особенно отличился в сем случае. Генерал Васильчиков, не имевши никакого дела на правом, перешел на левое крыло, где была тогда самая жаркая битва. Извещая о сей, может быть, неизвестной черте его рвения и храбрости, я руководствуюсь единою истиною...

ИЗ ЗАПИСОК А. П. ЕРМОЛОВА

Настал 1812 год, год памятный каждому россиянину, тяжкий несчастьями, знаменитый блистательною славою в роды родов.

Первою западную армию, сильнейшую числом войск, начальство поручено было генералу от инфантерии Барклаю-де-Толли, военному министру, коего главная квартира была в Вильне.

Вторая западная армия состояла в команде генерала от инфантерии князя Багратиона, и главная его квартира была в Пружанах. Третья западная армия под начальством генерала от кавалерии Тормасова находилась в Дубно и окрестностях. Молдавская армия, предводительствуемая адмиралом Чичаговым, находилась большею частью в Валахии, и хотя уже подписаны были прелиминарные с Порту пункты мира, но до совершенного окончания оного вывести ее оттуда было невозможно.

Таково было расположение войск наших, когда неприятель перешел грани-

цу. Полная уверенность, что вскоре сие произойти не может, удерживала войска в рассеянном на большом пространстве положении. Неприятель ступил на наш берег Немана, и единственным к соединению войск наших средством было отступление.

Июля 1-го дня возложена на меня должность начальника главного штаба сей армии (имеется в виду 1-я Зап. арм.— Прим. Л. И.). Таким образом, в звании сем находясь при главнокомандующем, который в то же время был и военным министром, имел я случай знать о многих обстоятельствах, не до одного управления армии касавшихся, а потому все, мною описываемое, почерпнуто или из самих источников, или основано на точных сведениях, не подверженных сомнению.

Армия князя Багратиона отошла от Несвижа через Слуцк к Бобруйску и в отступлении имела несколько арьергардных дел.

Желая узнать, что думают солдаты об отступлении нашем, а паче, как рассуждают они о грабежах, которые начинали размножаться от вкрадшегося неповиновения, вначале или совсем не взысканного, или наказанного слишком слабо, я вмешался в ряды их и, не будучи в темноте узнаваем, расспрашивал. Солдат роптал на непрерывное отступление и в сражении надеялся найти конец оному, главнокомандующим был недоволен и в главную вину ставил ему то, что он был не русский. Измена — первое свойство, которое приписывает русский солдат начальнику-иноземцу. Одно средство примирения — победы; ради их — средство снискать доверие, иногда и самую любовь. Главнокомандующий в то время был совсем в другом положении: по обстоятельствам судьба отказывала нам не только в победах, но и в малейших успехах.

От князя Багратиона получено известие, что он приближается беспрепятственно к Смоленску и, если нужно, то одним днем после нас вступит в город.

Я видел, что соединение с князем Багратионом было неприятно главнокомандующему: как военный министр, он мог иметь над ним некоторую власть; князь Багратион, как старший по чину, мог не покоряться. Кажется, министр не имел довольно твердости! Надобно было именем государя объявить, что ему поручено начальство; но и князю Багратиону надлежало дожидаться сего объявления.

Армия продолжала путь к Смоленску. С последнего перехода главнокомандующий отправился туда; но князя Багратиона еще не было в городе. На другой день прибыла 1-я армия и расположилась лагерем. Началось приготовление хлеба, в котором мы уже нуждались; запасы в городе были весьма незначительны, из губернии же столько не могли привозить, чтобы достаточно было впредь на некоторое время.

На другой день прибытия 1-й армии к Смоленску, 2-я армия была от города в 12 верстах. Князь Багратион приехал к главнокомандующему с несколькими генералами, большою свитою и пышным конвоем. Они встретились с всевозможными изъявлениями вежливости, со всем видом признания, с холодною и отчуждением в сердце.

Совершенно различные свойства их, и при первом ознакомлении с ними весьма ощутительна противоположность их. Оба они служили в одно время, служили довольно долго в небольших чинах и в одно время вышли в звание штабс-офицеров.

Барклаю-де-Толли долго невидная служба покоряла общему порядку постепенного возвышения и, стесняя надежды, стесняла честолюбие; сознание посредственных способностей не внушало доверия к самому себе, доверия, могущего открыть пути, от обыкновенного порядка не зависящие.

Князь Багратиона счастье в средних степенях сделало известным и на них не оставило его: быстрый ход его оно украсило блеском славы, собрало ему

почести, внимание общее на него обратившие, изошрило в нем способности, внушало доверие к собственным силам. Гений Суворова, покровительствовавший его, озаря лучами своей славы, утвердил на нем надежды всех: каждый готов был видеть в нем воскресшие Суворова воинские доблести.

Барклаю-де-Толли, порывистым ходом вдруг достигнув назначения главнокомандующего в Финляндии, внезапно получив звание военного министра, вскоре соединя с оным и власть главнокомандующего 1-ю армию, не только возбудил против себя зависть, но приобрел много неприятелей. Неловкий у двора, он не расположил к себе людей, государю близких; холодною в обращении не снискал признания равных, не сделал приверженными к себе подчиненных. Скорый ко введению новых постановлений, строгий в обличении недостатков прежних, он вызвал злобу сильного своего предместника, который малейшую из его погрешностей выставлял в невыгодном для него свете. Чрез меру недоверчив, иногда доверчив до чрезвычайности. И не всегда достоинствами снискивалось его доверие. Из числа окружавших наиболее близких по сношениям имел людей, достоинствами не отличных, способностями не полезных, трудов его не разделявших. Все мнил наполнить собою, и потому началом было медленное дел течение, впоследствии — несогласное в частях и с временем несообразное действие и, наконец, неизбежная запутанность.

Князь Багратион, на тоже высокие степени возведенный (исключая должность военного министра), возвысился согласно с общим на счет его мнением и ожиданием каждого; мог иметь завистников, но менее имел неприятелей. У двора сделал сильные связи и утвердил их; вежливым и обязательным обращением удержал равных в хороших к себе отношениях, с прежними своими приятелями остался на прежней ноге. Обогащенный воинскою славою, допускал разделять труды свои, не похитил чужих в пользу свою и всегда выставлял их в настоящем виде. Подчиненный награждался достойно, за счастье почтал служить с ним, всегда боготворил его. Обхождение с подчиненными имел очаровывавшее: никто из начальников не давал менее чувствование власти свою, никогда подчиненный с большею не повиновался готовности. Окружающие его, коль скоро имели способности, могли иметь на него влияние и во зло употребляли его доверие, и сие встречалось в делах, которые менее прочих бывали ему знакомы; но редко были случаи, в коих бы слишком ощутительна была слабость сия, или бы недостаток способностей его слишком был очевиден.

Барклаю-де-Толли, которому до поздних лет жизни судьба не только не дала достаточно состояния, но и скудного не удела, должен был бороться с нуждою, смирять желанья, стеснять потребности. Такое состояние, конечно, не всегда препятствует душе порождать благородные наклонности и допускает ума высокие дарования; но всеконечно не бедность дает способности явить их в настоящем виде. Недостаток состояния, отдалив его от общества, сокрыл среди семейства, между малым числом приятелей неизвестных; более обширных связей он не мог сделать, ибо нередко они требуют взаимных жертвований. Семейная жизнь его не могла наполнять всего времени единения: жена не молода, нехороша, не имеет тех приятностей, которые долго могут удерживать в некотором очаровании и все другие чувства покоряют; дети в младенчестве; хозяйства военный человек не имеет; и так свободное время употребил он на чтение, приобретал сведения или занимался службою и образованием офицеров своего полка. По свойствам воздержан во всех отношениях; по состоянию — неприхотлив; по привычке — без ропота сносит недостатки. Терпелив в трудах, заботлив о вверенном ему деле.

Храбрости необычайной: не разумеет опасности, недоступен страху. Не тверд в намерениях, робок в ответственности. Внимателен к трудам других, но выгоды приближенных предпочитает пользе людей для посторонних. Храва скрытного, которым управлять умеет, но вообще не снисходительного. Сохраняет память потерпленных неудовольствий; людей, благотворивших ему, не всегда помнит. Чувствителен к наружным изъявлениям уважения, недоверчив к истинным чувствам оного. Осторожен в обращении с подчиненными: боится вольного и непринужденного обхождения, опасаясь сближения; а потому приверженности их не обладает. Пред государем боязлив, не настойчив в предложениях, не имеет дара объясняться, боится потерять милости его, недавно ими пользуясь, свыше ожидания воспользовавшись. Словом, Барклаю-де-Толли имеет недостатки, с большею частью людей неразлучные; достоинства же и способности хотя и не чрезвычайные, но употребляет их в пользу службы с усердием.

Князь Багратион с равным недостатком состояния с ранних лет брошен был в общество молодых людей, в вихрь рассеянности — настоящую среду военного человека. Живых свойств по природе, пылких наклонностей к страстям, лстящих развратности молодых людей, он сделал с ними связи. Сходство свойств уничтожало разность состояний: расточительность товарищей отдаляла от него всякого рода нужды, и он, не порабощая себя умеренности и всеми удовольствиями жизни пользуясь, не мог потерять к сему роду жизни сделанной привычки, не мог и отдалить себя от товарищей, не мог оторваться от рассеянности. Обстоятельства войны отдалили его от приятелей и средств их, в таком положении пришел он в Италию, под знамена великого Суворова. Война жестокая требовала людей храбрых и решительных; тяжкая трудами, требовала людей, исполненных доброй воли... Суворов остановил на нем свое внимание, проник, употребил, отличил, возвысил. Современники Багратиона не были ему опасны, сколько, впрочем, Суворов ни был снисходителен в требованиях своих относительно способностей. Один Милорадович мог несколько соперничать; но ловкий начальник, ведя оboих к общей цели, отдалил столкновение частных выгод. Багратион возвратился из Италии в сиянии славы, в блеске почестей. Нельзя уже было возобновить прежних связей, неприлично было пользоваться чужими воспоминаниями, надобно было состояние собственное; государь избрал ему в жены прекраснейшую, состояние огромное. Но государь в сердце жены не вложил любви к нему, не сообщил ей постоянства: нет семейного счастья, нет домашнего спокойствия. Уединение не свойство Багратиона; искать средств в самом себе было уже поздно; рассеянность сделалась необходимою и беспрепятственно в службе вращение усилило ее. Багратион пренебрег своею молодостию и счастливыми своими способностями, не учился; малейшее же пособие воспитания к пылким дарованиям, от природы ему данным, сделало бы его человеком весьма замечательным. Все понятия о ремесле военном извлекал он из опыта, не руководим будучи правилами и учением; все суждения о нем — из происшествий, впадая в затруднения, малейшею обстоятельством переменяю принимаемые. Проницателен был в сцеплении обстоятельств, и нередко мнение его предпочиталось перед другими. Храбр в сражении, хладнокровен в опасностях, решителен в продолжении дела, не всегда предпримчив в начинании. В трудах неумоим, блюдет подчиненных, напрасно не напрягая силы их; но в нужде требует полного в оных употребления. В награждениях мало преклоняем, но расточает их более тем, которых считает себе полезными по разным видам, часто сам их нимало не уважая. Почтителен к достоинствам. Нравом кроток, не

своеобычлив, щедр, расточителен, скор к примирению, менее скор к гневу; не помнит зла, вечно помнит благодеяния. Если бы Багратион имел ту же степень образованности, какую Барклай-де-Толли, то без сомнения сей последний не мог бы идти в сравнение с ним.

Наконец прибыла 2-я армия к Смоленску; совершенно соединение.

ИЗ ДНЕВНИКА И ПИСЕМ А. В. ЧИЧЕРИНА

Мы выступили в поход¹. Славный день Бородин (26 августа)² заставил забыть объятий пламенем Смоленск, а затем последовало отступление, необходимость которого я понимал, отступление неизбежное, но бедственное.

Наконец, 1 сентября я увидел себя у врат Москвы.

Когда мы шли через город, казалось, что я попал в другой мир. Все вокруг было призрачным. Древние башни Москвы, гробницы моих предков, священный храм, где короновался наш государь, — все взывало ко мне, все требовало мести.

Я остановился в какой-то крестьянской избе. Мне было отрадно провести среди крестьян этот, казалось, последний день России, отрадно быть среди своих, среди соотечественников, которых, казалось, я покидал навсегда.

Крестьянин, пославший двух сыновей защищать Москву, сложивший уже свои пожитки в телегу, чтобы бежать от неприятеля, беспощадность которого он знал, все же захотел непременно накормить меня; вся семья засуетилась, мою лошадь отвели в стойло, старались предупредить все мои желания, а когда я захотел отблагодарить их, то едва уговорил принять кое-что «на счастье» — по русскому обычаю.

12 сентября.

Главнокомандующий

Светлейший³ прибыл к армии, сопровождаемый благими пожеланиями всей империи. Но тут же возникли новые сговоры, стали образовываться новые партии. Только что его хвалили за победу при Бородине, а назавтра стали упрекать за нерешительность. После сдачи Москвы его обвиняли в слабости, равной предательству, а несколько дней спустя те же, кто обвинял, стали находить ему оправдание. Недавний смертельный — без причины — враг теперь хвалит его, потому что светлейший мимоходом бросил ему любезное слово; восторженный сторонник становится его врагом, потому что светлейший прошел мимо, не поздравившись. Наши успехи преуменьшаются, наши потери преувеличиваются.

7 октября.

Как все, я жаловался на наше бездействие. Как все, я не мог удержаться от сравнения отличного состояния нашей армии с тем, что мы узнавали о французской от перебежчиков и пленных; я терялся в предположениях и не мог понять, почему мы словно робеем неприятеля.

Наконец, вечером 5-го числа вся армия выступила в поход. Мы перешли Нару. Французы стояли в пяти верстах от реки. Десять кавалерийских полков атаковали их с тыла, а Баггвут — с левого фланга; панический ужас овладел неприятельскими войсками, они побросали весь свой обоз; канавы и куты различными экипажами, овраги и ку-

сты завалены снарядами ящиками и лазаретным снаряжением. Захвачено 33 орудия и множество пленных. До самой ночи мы преследовали бегущих в беспорядке, а затем наша армия немедленно вернулась на свои позиции.

Мы стоим теперь там же, где стояли раньше, наши потери весьма невелики (только генерал Баггвут был поражен пулей), время нами использовано не так уж плохо, а главное — дух наших солдат поднялся от сего удачного нападения; неприятельская же армия, должно быть, пришла в полнейшее расстройство. Пользоваться артиллерией французы уже почти не смогут. И — что всего важнее — их солдаты, привыкшие к тому, что мы отступаем, теперь так поражены неистовством нашего нападения, в такой ужас пришли от ярости, увлекавшей вперед наших храбров во время атаки, что теперь дух неприятельских войск, надо думать, совершенно упал.

12 октября. Лагерь в семи верстах от Малого Ярославца.

Французская армия отступает к Боровску. Дохтуров уже выступил вдогонку, он будет теснить ее с тыла и, где возможно, перерезать ей дорогу.

Подходя к Малому Ярославцу, мы услышали сильную канонаду и провели остаток дня и всю ночь в версте от города. Шесть раз французы двумя корпусами пытались его взять. В полночь канонада еще продолжалась. Наконец, ночью, потеряв от 7 до 8 тыс. человек, они отступили вправо, а мы, понеся почти такие же потери, отошли на семь верст влево. Нами захвачено одиннадцать пушек, четырехеста пленных; двенадцать человек утонуло, убито много лошадей.

Сегодня вечером мы продолжаем преследовать неприятеля. Прощайте, покой и сибаритское существование; усталый, грязный, полуголодный, без постели, я все-таки готов благословлять небо, лишь бы успехи наши продолжались.

Теперь у меня нет даже палатки. Сегодня утром светлейший в весьма учтивых выражениях попросил ее у меня, а я не так дурно воспитан, чтобы отказать. И вот я перебрался к Вадковскому, где очень неудобно; а в моей палатке укрыты судьбы Европы¹.

22 октября. Лагерь в Дубровной.

Мы проходили через деревни, в которых неприятель не заглядывал, и через другие, где храбрые жители сумели отбиться от него, а теперь, выйдя нам навстречу, рассказывали о своих подвигах, о своем желании воевать, сообщали нам о движении французов и провожали нас благословениями.

Пока что мы дальше не движемся, пушки где-то застряли, как бывает и на больших дорогах; никаких приказаний еще не поступало, и я пользуюсь первой минутой отдыха, чтобы продолжить записи в этом дневнике, который когда-нибудь с интересом перечитаю.

Вечером 28-го Платов сообщил, что преследует французов по дороге на Духовщину, что он захватил 62 орудия, 3,5 тысячи пленных, двух офицеров и генерала Сансона. Охваченный восторгом, я благодарил небеса, пел, ликовал.

2 ноября. Квартиры в Щелканове.

Вчера мы прошли только 15 верст к Красному и остановились здесь, в 35 верстах от Смоленска. Прибыв сюда, мы узнали, что наш батальон назначен на охрану Главной квартиры.

¹ Этот случай был отмечен М. И. Муравьевым-Апостолом: «По предложению полковника Семеновского полка А. А. Писарева главнокомандующий спокойно провел ночь в палатке поручика 9-й роты А. В. Чичерина». (М. И. Муравьев-Апостол. Воспоминания и письма. Пг., 1922, стр. 34—35).

Жители этой губернии не разорены. Они добровольно все предоставили французам, устроили для них магазины фуража и продовольствия и большею частью сохранили свои дома и скот. Некоторые из нас сурово упрекали этих несчастных крестьян за то, что они хорошо приняли французов. Но разве не следует обвинять в этом скорее дворянство? Жадные и корыстные, помещики остались в своих владениях, чтобы избежать полного разорения, и, волей-неволей содействуя замыслам неприятеля, открыли ему свои амбары; проливая неискренние слезы и рассуждая о патриотизме, они верности отечеству предпочли удовлетворение своего корыстолюбия¹.

Эта война закончится, без сомнения, почетно для нас. Но как возместим мы все наши потери?

Благородные крестьяне из-под Юхнова², покинувшие свои очаги и нивы, принесшие в жертву и семьи, и спокойное существование ради чести служить отечеству, — не посмотрят ли они, когда война кончится, а они будут совершенно обездолены, с завистью на смоленских крестьян, живущих в избытке, сохранивших все, что им дорого, и благоденствующих, не зная добродетели патриотизма. Идеи свободы, распространяющиеся по всей стране, всеобщая нищета, полное разорение одних, честолюбие других, позорное положение, до которого дошли помещики, унижительное зрелище, которое они представляют своим крестьянам, — разве не может все это привести к тревогам и беспорядкам?.. Мои размышления, пожалуй, завели меня слишком далеко.

3 ноября. Главная квартира в Юрове.

Вчера мы прошли 20 верст до этого села, а сегодня у нас здесь дневка. Мы хорошо размещены в чистых и теплых комнатах и не можем похвастаться тем, что испытываем все тяготы войны.

Вчера мне было поручено выбрать дома для пастора нашего батальона, который несет караульную службу при Главной квартире. Тепло одетый, удобно растянувшись в санях, запряженных парой резвых лошадей, я проехал эти 20 верст по-барски. Но только я начал удивляться, как можно жаловаться на усталость от кампании, как увидел группу пленных. Обмороженные, почти нагие — среди них было много раненых, брошенных на дороге, — они пытались согреться, разложив большой костер; я подумал, что, может быть, мои родные испытывают то же самое и не находится ни одной сострадательной души, которая бы им помогла... Меня охватило самое тяжелое чувство, я готов был выйти из саней — будто возможно помочь ближним, разделив их страдания.

6 ноября. Лагерь за Красным.

Пленных берут партиями непрестанно, они складывают оружие без боя, сами выходят сдаваться и идут к нам, не дожидаясь нападения.

7 ноября.

11-тысячный корпус Нея сложил оружие сегодня утром. Вчера светлейший объявил нам, что после Смоленска мы захватили 157 орудий и 4 знамени. Громкое «ура» приветствовало эту славную весть, и в лагере воцарилось величайшее веселье.

Публикация
Ларисы ИСАЕВОЙ.

¹ Некоторые дворяне в Белоруссии охотно присягнули Наполеону и снабжали его армию продовольствием и фуражом. После вступления русских войск в Могилев губернский прокурор Вакар был уволен, а архиепископ Варлаам, приведший духовенство Могилевской губернии к присяге Наполеону, лишен сана.

² В Юхнове были сосредоточены отряды Дениса Давыдова. Многие местные крестьяне участвовали в партизанской войне.

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ Н. МИТАРЕВСКОГО

По утрам в субботу, 24 числа, заняли мы настоящую позицию, против селения Бородина, между деревней Горками с правой стороны и люнетом или батареей на возвышении с левой; батарея эта занята была корпусом генерала Раевского... С самого прибытия к армии фельдмаршала Кутузова распространился слух, что будет генеральное сражение. Теперь не было никакого сомнения, что настала решительная минута, что с нетерпением ожидали и желали все, от генерала до солдата, тем более, что беспрестанное отступление наскучило до крайности. Все в один голос роптали: «Когда бы нас разбили — другое дело, а то даром отдают Россию и нас только мучают походами». Таков был общий голос.

...Приготовлялись к сражению, но приготовлений у нас только и было, что ослабили заряды в ящиках, отправили назад запасные лафеты, дроги и очистили орудия. По обыкновению, лафеты у нас были нагружены чем попало: мешками с овсом, сухарями, тортами, скребницами и сеном. Особенно дорожили мы овсом, давая его лошадям только в экстренных случаях. Так как нам нечего было делать, то артиллеристы и пехотные офицеры собирались в кружки и толковали о предстоящем деле. Все предполагали, что будет славное дело. Наполеон и его солдаты — не шутка! Ну, да какая надобность! Как будто мы и не видали их?..

...На рассвете 26 числа, в понедельник, на левой стороне от нас, грянул пушечный выстрел. — «Ого! начинают!» — отозвался кто-то из офицеров. — «Не пора ли подыматься?» — «Нет, рано еще, — сказал штабс-капитан, — до нас еще дело не так скоро дойдет, можно и полежать». Это замечание, слышанное мною сквозь сон, было для меня очень приятно, потому что я поздно возвратился из фуражировки и теперь мне страшно хотелось спать. Выстрелы начали усиливаться и приближаться. Фельдфебель подошел к биваку и объявил, что приказано запрягать лошадей и строиться...

...Поевши и закури трубки, мы вышли. Орудия были сняты с передков. Впереди сошлись мы с офицерами своих полков, стоявшими направо и налево в батальонных колоннах. Рассматривали, насколько было возможно, позиции, разговаривали, шутили и смеялись.

...Вскоре загремела сильная канонада на люнете. Нашей роте велено было взять шесть орудий на передки и идти к Бородину. Спустившись с возвышенности, мы повернули влево и, на довольно крутом, хотя и небольшом овражке, выстроились правым крылом к Бородину, а левым к стороне люнета, снялись с передков и приготовились. Вскоре показались огромные неприятельские колонны; они шли прямо и стройно со стороны Бородин на люнет. Солнце ярко светило, и блеск от ружейных стволов прямо отражался нам в глаза. Хотя батарея неприятельская, со стороны Бородин, порядочно осыпала нас ядрами, но мы на это не смотрели, все наше внимание обращено было на колонны, по которым тотчас же началась жесточайшая пальба. Не могу определить, на каком именно расстоянии были мы от неприятельских орудий, но мы могли наблюдать все их движения; видели, как заряжали, как наводили орудия, как подносили пальники к затравкам. Пока мы готовились, у нас убили одного человека, выбили косяк у колеса и оторвало ногу у лошади, с которой успели, однако, снять хомут и привязать ее к передку. После было уже не до хомутов... Как только мы открыли огонь, на нас посыпались неприятельские ядра и гранаты, они

¹ Лейб-гвардии Семеновский полк, в котором служил А. В. Чичерин, выступил из Петербурга в поход к западным границам России 9 (21) марта 1812 г.

² В дневнике и письмах А. Чичерина сохраняются даты старого стиля.

³ «Светлейшим» в армии называли князя М. И. Голенищева-Кутузова, ставшего 8 (20) августа 1812 г. главнокомандующим.

уже не визжали протяжно, а только и слышно было над головой, направо и налево, вж... вж... вж... К счастью, позиция наша была такого рода, что впереди нас тянулась легкая возвышенность, так что линия направления наших орудий только проходила через нее и неприятельские снаряды больше били в возвышенность и с рикошета перелетали через нас, гранаты же разрывало далеко позади. Если бы не это обстоятельство, нас уничтожили бы, кажется, в полчаса времени... И в нашей роте, несмотря на ее выгодную позицию, много было убито людей и лошадей. Людей стало до того мало, что трудно было действовать у орудий. Фейерверкеры исправляли должность канониров и подносили снаряды. В неприятельской артиллерии тоже заметно было сильное расстройство. Видно было, как и у них орудия ворочались набок и многие убирались назад.

Пехота, кажется, большею частью стояла сзади нас; видна была только часть ее в ложбине, в овражке и в прикрытии нашем, за люнетом, да и делать ей тут было нечего. Когда же встречалась надобность в пехоте, она как будто из земли вырастала: где выстрелит, где в точки ударит.

...Вдруг французская артиллерия страшно, усиленно загремела. Наш ротный командир велел зарядить и стрелять картечью. Нам отвечали тем же. При первых выстрелах ударило меня как будто палкой по левой ноге; я присел и увидел порядочной величины картечь, но уже на излете; она моей ноге не пробила, а только зашибла. Значит, мы были на близком расстоянии от неприятеля, когда из орудий в орудия могли стрелять картечью. Почти вслед за тем я упал подле орудия без всякого сознания и боли и тоже без всякого сознания очутился впереди зарядных ящиков. Вторым ударом меня совершенно ошеломило. Когда я опомнился и сел, то почувствовал резкую боль в левой стороне лица; приложил я руку к щеке и на руке оказалась земля и кровь. Спустя несколько минут я почувствовал тупую боль в левой ноге у колена. За всем тем хотел было встать и идти опять к орудиям, но не мог подняться и упал от боли в ноге.

...Я был в недоумении, что мне делать?..

Не успел я кончить своих рассуждений, как произошла у орудия суматоха. Бросились брать орудие на передки и тут же из-за люнета показалась толпа наших егерей, в расстройстве перемешавшихся с артиллеристами. Вслед за ними гнались французские кирасиры в касках с конскими хвостами. За всем тем два орудия успели взять на передки, а два целых орудия и два с разбитыми лафетами и передками окружили и захватили французы. Наши спасались кто как мог, вертясь между орудий, а французы гонялись за ними с палашами, почти окружив их. Все это происходило вокруг меня; мне не к кому было обратиться, — всяк думал о себе, — и я больше на руках успел дотащить до ложбины и там, поскользнувшись на запекшуюся кровь, повалился между трупами. Оставался я тут недолго. Из-за люнета показался конный артиллерийский фейерверкер с лошадей в поводу. Увидев меня, он сказал: «Садитесь, ваше благородие, на лошадей... наших там сбили». Горько было мне узнать, что наших сбили, однако, слава богу, вышло после не совсем так. Вблизи от меня упала граната и горела подле нашего солдата, у которого часть внутренностей была наружу, значит, он находился в положении безнадёжном, но какие усилия употреблял несчастный, чтоб отползти подальше, — страшно было смотреть. Я прислонился за убитого, гранату разорвало и меня не задело...

Стало вечереть, и пальба почти затихла. Наши войска остались на прежней позиции. Так кончился для нас достопамятный день 26 августа.

Публикация
Александра ГОРБУНОВА.

ПОСЛЕДНИЙ ВЫБОР

Игорь АГАФОНОВ

О ставив сумку в вагоне, она вернулась на платформу. Мимо бежали пассажиры с вещами, с детьми, молча и переговариваясь, и никому из них не было никакого дела до нее, это почему-то настраивало на тоскливый лад. Муж не смог ее проводить, да и нужды особой, в общем, не было. И все же...

— Заходи, — позвал из тамбура тусклым голосом проводник, — сейчас трогаемся. — Он снял фуражку с лакированным козырьком, обнаружив полное отсутствие затылка: лоб его почти сразу небольшим закруглением переходил в шею, поросшую реденькими, свалывшимися волосками.

Лариса вошла, встала рядом с ним. По перрону, вслед медленно тронувшемуся поезду, шли трое военных — патруль. На их шинелях сверкали в неоновом свете латунные начищенные пуговицы. И Ларисе показалось, что это вовсе не пуговицы, а дырочки, через которые брызжет внутренний свет.

«Итак, еду». Она взобралась на свою полку с тем назревшим желанием поразмыслить, чему до этого, казалось, мешала всякая мелочь. Однако, уместившись поудобнее, с раздражением и разочарованием обнаружила, что мысль ее на этом «итак, еду» заколодила. «Едешь, и что?» — попыталась она себе помочь, но безрезультатно.

Сосед по верхнему ярусу уже посапывал, и его гиппопотамий бок ритмично увеличивался и сокращался, губы его, собранные в кругляшок, издавали явственно различимый для постороннего слуха выхлоп, будто попался большой мыльный пузырь. Его жена на нижней полке, тоже рыхлая, громоздкая женщина, отвернулась к стенке и укрыла распаренное лицо казенным вафельным полотенцем. Лишь старушка, невидимая Ларисе, все еще не могла уgomнотиться, скреблась-скреблась по-мышинному, так что хотелось хлопнуть по полке ладонью и спугнуть ее.

По проходу, тускло освещенному желто-молочным плафоном, прошаркал проводник со скошенным затылком. Сверху этот его неординарный затылок гляделся выемкой, и Лариса даже приподнялась на локте — удостовериться в оптическом обмане.

Старушка обратилась к проводнику робким шепотом:

— Кипяточку не будет, мил человек?

Шарканье резко прекратилось.

— Ты что, бабуся?.. — Он, должно быть, намеревался прибавить «в своем ли ты разуме, старая?», но отчего-то воздержался. Сварливо выговорил: — Дома чай тоже, что ль, за полночь гоняешь?

Старуха виновато и опечаленно вздохнула и проворно взялась, словно ей scomандовано, укладываться. Проводник же растворился в полураке коридора.

Чем-то старуха напомнила Ларисе мать. Она тоже вне домашних дел и стен теряла свою хлопотливую целеустремленность, становилась такой же неуверенной и жалконькой, с известным расчелцем на сострадание окружающих. «Имею ли я право?» — постоянно читалось в ее сохранивших живость и карюю сочность глазах, когда она гостила у дочери.

Невольное сопоставление попутчицы-старухи с матерью подтолкнуло мысль, и точно тяжкий маховик (который вначале невмоготу стронуть, а затем так же трудно остановить) стал разгоняться, подстраиваясь под такт колес и накручивая одно воспоминание на другое, выкладывая в уме зыбкую пестрядь.

Последнее время, когда еще не было опасений в скорой кончине отца, среди детей обсуждался вопрос о том, кому из них надлежит взять родителей к себе: стары-де они стали жить одни в деревне — и скот содержать трудно, и огород обрабатывать не по

силам. И вообще... Это их «во-об-ще» не поддавалось точному, однозначному определению, но присутствовало в нем нечто от похвальной сыновней совестливости: неужели, дескать, мы, дети, старшим из которых за пятьдесят, а младшим за тридцать, не в состоянии обогреть родительскую старость?

Желание приютить стариков изъявили все, друг перед другом выказывая свою любовь к родителям, однако никто особо не настаивал, как бы выжидая, кто первым возьмет на себя инициативу.

Самым приемлемым вариантом сочли наконец такой: привезти на зиму стариков в Омск — там жили старший и средний сыновья, Осип — Анатолием, и, главное, старшая дочь Наталья — все семьями. И если б устроилось задуманное, родители жили б в равномерной удаленности от остальных своих детей — младший сын Юра жил на Дальнем Востоке, младшая дочь Лариса — в Подмоскowie, средняя, Вера, — на Урале. Поначалу старики загорелись, поехали погостить у каждого по очереди, попробовать, что называется, сыновний кусок. И постепенно затея эта тихо-тихо угасла. Вернее, мать была не прочь, да уперся отец. Дома у себя он мог сколько угодно пить и опохмеляться, стонать по ночам и шарахаться в поисках рюмки, к зудению своей старухи он давно привык, и она, выговаривая по привычке, всякий раз «входила в положение». А на чужбине (так окрестил старик житье не дома) с этим мириться не пожелали, сразу взяли отца перевоспитывать; даже сыновья, сами, между прочим, закадычные друзья змия.

Впрочем, затею с переездом время от времени гальванизировали, но не так рьяно, как прежде. И само собой как-то сошлись на том, что надо ждать кончины отца — одну мать пристроить куда легче, да и хлопот вокруг нее никаких (якобы), одна выгода (якобы) — и не с пустыми руками войдет в любой дом (ведь деревенское хозяйство предполагалось реализовать). А по дому руки ее всегда пригодились бы. И нянька тебе, не то что наемная... Словом, головы у всех работают, мысли — будь они хоть какие: моральные или, наоборот, аморальные — лезут, не спрашиваясь. Пока же порешили приезжать помогать в сезон посадки и уборки огорода. Отца же в периоды обострения болезни помещать в районную больницу.

И вот он при смерти. Последние дни куролесит, заговаривается, и бабке мерещится по ночам, что он хочет забрать ее с собой на тот свет (так в письме), и она зовет к себе детей...

«И, стало быть, последний сбор?»

Некоторое время Лариса следила, как в ночи за окном скорого поезда мелькают редкие огни, и отчего-то ей сделалось зябко — то ли от законного свежего ветра, сосущего вагонное тепло через щели, то ли от необходимости или даже неотвратимости принимать четкое решение.

В деревню она добралась лишь к вечеру следующего дня. На автобусе, на попутке, пешком — и вот знакомый поворот, разросшийся куст бузины, и за ним — еле приметный домик с низкой крышей... Не то от быстрой ходьбы, не то от волнения у нее сбилось дыхание.

Двор — небольшая, поросшая травой полянка, прикрытая с фасада дома от дороги тридцатиметровыми кряжистыми ветлами, посаженными в пору детства старших детей. Меж их стволами еще остались зарубки от сопревшей изгороди. Две заклинившие в распнутом положении калитки. Старенький, больше похожий на шалаш, сарай. Рядом с ним конура, каждый год с новой бестолковой собачарой (вот и теперь она, лопухая и сонная, выкарабкалась наружу, нюхнула кое-как гостью и загремела цепью обратно). Посреди двора, вдоль замусоренной щепками дорожки к колодезю, разбросаны истлевшие ульи. Пчел не держали

с тех самых пор, как их переморила болезнь. Новых заводить хозяйину было уже не под силу. Улья, что покрепче, сторговал сосед, остальные же... И омшаник, серый снаружи, светящийся дырками изнутри, где зимой раньше хранились пчелиные домушки, ныне завален углем, и скособоченная дверь не затворяется плотно. След от угля черной дорожкой тянется до покосившегося крыльца в дом.

Все это Лариса увидела как бы заново, с каким-то новым, особенным чувством, которое она не успела себе объяснить, так как из терраски вышла старшая сестра, Наталья, дородная баба, почти одного размера во всех трех измерениях, так что братья называли ее кубышкой.

— А мне почудилось, Вера приехала, — сказала она буднично, осторожно спускаясь с крылечка, — почеломкаемся.

— А что, Вера не приехала еще?

— В том-то и дело. Ты-то что ж долго так собираешься?

Телеграмма от матери пришла две недели назад: «Отец плохом состоянии приезжай». Но дело в том, что подобные телеграммы мать давала не впервые — по сути, каждый раз, как на отца накатывала дурь и матери становилось страшно с ним наедине. Телеграмма также имела цель послужить толчком для администрации, от кого зависел Ларисин отпуск. А ведь она планировала поехать в деревню на отдых. Вместо этого ее сулили протомить в сиделках. Бойтесь мать — ну и что? Чай, не одна в деревне, старух соседок не счесть. И, кроме того, на работе тоже не простики: ну, один год — телеграмма в летний период, ну, два, ну, три. Сколько можно? Что же это за старик такой — не умирает и не умирает, не хитрость ли тут? Нет бы зимой помирал...

И как это сестре объяснить? Хотя, похоже, она спросила так просто, и объяснений ей не нужно.

— Братовьям-то нашим сообщено?

— А какой от них толк? Как свершится, так телеграммой...

Умер отец на четвертый день после приезда Ларисы. Перед этим она сидела подле него, утомленная, с притупленным вниманием. Он вдруг впервые за все время после возвращения из больницы очнулся, привстал, выкатил невидящие глаза и, жалобно застонав, потянул руку к дочери, то сжимая, то разжимая корявые пальцы. Лариса оцепенела в ужасе, затем

вскрикнула и отшатнулась. С ней случилась истерика. Наталья отвела ее на кухню, и там мать, узнав, чего дочь напугалась («Он хотел меня с собой... с собой хотел забрать!..»), тоже заблуждала:

— Ой-ешеньки мои! Ой, горюшко пришло! Человек родной напугался, напугался — значит, смертушка в комнате!

И точно, спустя полчаса отец преставился.

С этого момента с Ларисой произошла странная и неприятная метаморфоза. Она как бы раздвоилась: внешне принимала участие во всем, что происходило вокруг умершего, внутренне — наблюдала за всем происходящим точно со стороны. И вопрос: «А не я ли его подтолкнула?» — глодал и глодал ее беспрерывно. — Не испугайся я, и все было бы иначе. Дала бы ему руку, и он бы удержался, еще пожил...»

Видимо, эти рассуждения можно было прочесть на ее лице, потому что Наталья не выдержала и прикрикнула:

— А ну-ка, девонька, давай прекращай! Ты чего не в себе? Еще не хватало с тобой возиться. Ей-богу. Он же не с бухты-барухты помер, ну, и нечего глаза закатывать...

И тут же постаралась включить сестру в сиюминутные, неотложные проблемы:

— И чего это наша Верка не едет? Как явится, я ей задам, дочь называется.

Но видя, что ни мать, ни сестру этот вопрос не волнует, затрагивала большую тему — братьев:

— И эти поросята! Хотя как-то же могли бы откликнуться!

Вспыхивал разговор о трудностях с билетами на самолет, о нелетной погоде, о телеграмме, которую забыли заверить у врача, о телефонном звонке родственницы тетки Агаши, якобы сказавшей, что Ося с Толей уже в Москве и вместе собираются с двенадцатичасовым поездом. И поскольку их все еще нет как нет, то не случилось ли с ними чего плохого — вдобавок к смерти отца?

На это предположение Лариса откликнулась, потому что увидела на глазах матери слезы:

— Да нет, просто-напросто мимо могли проехать.

— То-очно! — подхватывала Наталья. — Залили бельма свои и дрыхнут на верхних полках. Им же вместе нельзя. Как сойдутся, так дым коромыслом. Уж я-то с ними пожила в одном городе — зна-аю!

Лариса возразила, что не это имела в виду.

— Да, Натальюшка, — поддержала мать, переводя ищущие успокоения глаза с младшей дочери на старшую. — Лара верно говорит: не тот ноне случай.

— Э-эх! Таисия Артамоновна, не знаете вы своих мужиков! Слепая ваша любовь! Слепая-ая!

— А ты знаешь, так подсказала б! — пискнула мать неожиданно, и всхлинула, и отвернулась, прикрыв ладошкой глаза.

Лариса сморщила нос, посмотрев на сестру, сердито пошевелила губами.

— А я что говорю? — смутилась Наталья. — Я и говорю, что ничего не случилось непредвиденного, ничего такого особенного, никаких вам несчастий и тэ дэ и тэ пэ. Нажрались, как свиньи, и опочивают. Для них это именно тот случай.

И она что-то еще недовольно буркнула себе под нос и опять сердито махнула пухлой рукой.

Лариса постепенно вновь впадала в апатию и реагировала на все, вокруг нее происходящее, лишь постольку, поскольку требовалась ее помощь. Однажды, почувствовав к себе раздражение со стороны сестры, она виновато сказала:

— Может, мужа моего вызвать?

— Зачем? — не поняла Наталья.

— Помог бы.

— Да ты что?! В самом деле думаешь, что наши братовья не приедут? Очнись, хавроша! И не суйся ты с этим ни к кому, без тебя трескотни хватает!

Однако время похорон близилось, а о братьях и сестре Вере не было ни слуху ни духу. И это обстоятельство угнетало все больше.

Разбудила Наталья.

— Вставай, — и ничего больше не прибавила. Вышла, неплотно прикрыв дверь.

Лариса вылезла из-под одеяла и, постукивая зубами от холода, стала шарить в разреженной тьме по натянутой в углу проволоке — разыскивать одежду. Надевши на себя все, что с ней было, вышла в орошенный синеватой свежестью двор. Справа, как в сказочной келье; теплился размытый запотевшим оконным стеклом огонек свечи — в доме над покойником. Слева, опершись одним коленом о скамейку, чистила картошку Наталья.

— Проснулась? А из наших никто еще не приехал. Так вот. Вот стыдобница-то будет...

— Приедут, — уверенно сказала Лариса. — Мне сон приснился... спокойный такой...

И точно. В двенадцатом часу приехала Вера. Она напомнила коренастую лошадку-пони, с сумками наперевес, с добродушно-хитроватым личиком. И, глядя на нее из сарая в дверной проем, Лариса вспомнила, как Вера любила мыть порог: вот затеют они втроем уборку — Наталья моет, например, комнату, Лариса — кухню, Вера же — ни там, ни здесь, а в самом конце подсутится и вымоет порог, чтоб люди видели...

Во дворе стало оживленней, сновали какие-то старухи, с неприкаянным видом слонялись родственники, чем страшно раздражали Наталью. Не выдержав, она наконец зычно рявкнула:

— Да помогайте же! Что вы маячите туда-сюда?!

Желая избавиться от шепотков и тягостного ожидания братьев, которое сделалось всеобщим, Лариса ускользнула в сад.

На ветвях рдели яблоки — никто их не обрывал. Сад был неухожен, запущен, заброшен даже, и тем чудеснее гляделись среди поредевшей листвы грузные плоды. Антоновка светилась изнутри, настолько была ядрена и сочна... Лариса сорвала одно, впилась в парафиново-прозрачный бок, и в нос ей брызнуло соком.

Сыновья приехали перед самым выносом. С их приездом и погода резведрилась, словно воздала последнюю милость умершему.

К братьям, затеявшим во дворе разговор со знакомым о работе, должностях и прочем, подсочила раскрасневшаяся Наталья и гневно зашипела:

— К отцу идите! — И они, подталкивая друг друга, заторопились в дом. У гроба выстроились по старшинству справа налево: Осип, тощий, с торчащими лопатками, ровно оципаннный куренок; Толик, широкоплечий крепыш, слегка лупоглазый; Юрик, нечто среднее между ними, не тонок и не коренаст, рыж и страшно близорук даже в своих толстенных линзах (в детстве он имел привычку убежать из дому, протестуя таким образом против отцовских запоев, и однажды какой-то мужик — тоже, очевидно, нетрезвый — сбросил его с лесовоза, после чего у Юрика стало плохо со зрением). Рядом с ними плакала, утираясь кончиком головного платка, грузная тетка Агаша, благодаря которой, собственно, они и добрались благополучно.

Старуха отпевальница бубнила своим гнусавым, неразборчивым голоском. Ларису замутило, и она поспешно протиснулась в коридор на выход.

Вынесли гроб, поставили на табуретки у террасы. Мать и дочери запричитали. И громче всех Лариса,

вдруг ощутившая, что в рыданиях она может освободиться от психической заторможенности. Но кто-то негромко заметил: «И чего ты так убиваешься, Ларик? Сколько он вашей кровушки попил...», — и она замолчала.

— Ладно! — отмахнулся от кого-то Юрий. — Без нас не сделают, что ли? Не хватало, чтоб мы еще сувались — сыновья!

И это так неприятно резануло Ларисе слух, что она почувствовала ненависть к братьям.

Зачем-то взялись переставлять гроб с места на место. И Ларису разозлило, с какой это свершалось бестолковостью: мужики толком не знали, как и что делать, двое из них совершенно несогласованно пытались командовать, и в результате едва не опрокинули гроб. Лариса закричала на того мужика, который, укаывая другим, сам только и делал, что мешал и вносил неразбериху. Какое-то бешенство подкатило к горлу, в отчаянии она подумала, что иметь дело с этими людьми возможно при одном условии — самой быть в той же степени опьянения.

Неожиданно выяснилось — шепот испуганный, даже панический! — что могила недорыта: вчерашние могильщики не пришли (кто-то саркастически заметил: «Наку-ушались!»), и надо срочно снаряжать кого-нибудь вперед, пока шествие движется на кладбище. И Лариса увидела, как мать засемила в дом и вынесла поллитровку.

Метров четыреста гроб несли на плечах. Земля подскохла против вчерашнего, уже не липла, как столлярный клей, слегка пружинила под ногами, и Ларисе казалось, что ноги ее легки и упруги. Потом гроб поставили в кузов «КамАЗа» с откинутыми бортами, и большая часть сопровождающих двинулась на кладбище напрямик — через школьный сад. Родные же пошли за машиной. Братья сидели на табуретках у гроба, обняв по-моряцки друг друга за плечи. Шофер тянул машину медленно, аккуратно, лишь черный дым выхлопа то вздувался облачком, то растекался под ноги шествию.

Вдруг мать, сидевшая прямо на досках кузова в ногах у сыновей, заблуждала — кликушески, искусственно, и так же вдруг, сочтя, вероятно, что уже довольно, резко оборвала свой крик и стала о чем-то торпливо переговариваться с сыновьями, склонившимися к ней.

«И чего я дергаюсь?» — спросила себя Лариса. И опять немотивированно всплыло в ее памяти давно вроде забытое. «Ну как тебе, ма, не стыдно, — бранила она гостившую у нее мать. — Как тебе только не стыдно! Разве я когда-нибудь тебя оговаривала? Что ж ты пишешь, что ж ты славил меня на всю-то деревню, а?.. А почему Надя пишет, спрашивает, выведывает, уточняет?.. С какой такой стати она такие письма шлет? Как тебе только не стыдно, ма? Ты живешь у дочери и спрашиваешь, можно ли поест творогу! Ну в своем ли ты уме? Да еще пишешь...»

А может, Лариса тогда не поняла соображений матери? Старая уже думала о том, что ежели переезжать ей в город, то нужно будет продать дом и, значит, надо набить на него цену. Потому и писала: «В гостях хорошо, а дома лучше», — чтобы возможные покупатели не пытались сторговать ее «хоромы» подешевле.

С кладбища возвращались ближней дорогой, через школьный сад. Все пребывали в каком-то приподнятом настроении, словно сбросили с плеч непомерную, надоевшую ношу. Лариса слушала, как женщины (в том числе ее бывшие школьные подруги) обсуждали всяческие, казалось бы, не подходящие к моменту вещи: моду, погоду, кто с кем сошелся или разошелся, — и угнетенность ее усиливалась.

Поминки она выдержала еле-еле: обыкновенная пьянка, в которой лишь поначалу кто-то обмолвился добрым словом о покойном, а затем потянулись пустые, никчемные разговоры, и кое-кто, забыв, по-видимому, о причине застолья, пытался сбавить чечетку.

Когда в доме остались только свои, женщины, обесиленные колготой, на время рассредоточились по углам, и за столом остались одни братья. И между ними потекли опять же несерьезные разговоры, будто они собрались в родном доме, в котором уже не было по нескольку лет, не на похороны, а в отпуск, счастливо совпавший у всех троих.

Таисия Артамонова слушала-слушала, присев на краешек кровати, и вдруг вскрикнула.

— Да что ты, ма-а, все хлипчешь? — спросила Наталья с дивана, где примостилась, подобрав под себя уставшие ноги. — Теперь хоть отдохнешь. Вот только выпроводим этих обалдуев.

Мать обиженно махнула на дочь рукой и, утирая концом платка глаза, проворно поднялась и засемила на кухню.

Толик поднял на сестру свои ослепевшие глаза и крутанул у виска ладонью:

— Ты, Натк, все не то чегой-то гутаришь.

— Одним словом — тор-ба! — поддержал Осип. — Кубышка.

— Торба и есть, именно, — согласилась Наталья. — А откуда быть здоровью? Черт бы с вами, мужичьем, сами виноваты, а мы-то в чем провинились?

— Ну понесла-а! — протянул Юрий, указательным пальцем поправил сползавшие с носа очки и затем желтым от курева ногтем почесал под рыжей своей

бородой. — И посидеть спокойно не дадут мужикам. Дома жены чуть что стонать начинают, здесь — сестры. Даже любопытственно, за что мы вас только любим и почитаем?

— Да, понесла! Какое у меня здоровье? — Ладно тебе, ты уже пожила, хватит, — попробовал остановить ее Толик шуточно.

— Я-то пожила, а дети твои? Или у тебя нет детей? Ай-яй-яй! Где ж они? Вырожда-аешься, милый мой То-олюшка. У Юрки еще под стол ходят, про них не буду распространяться. А мои каковы? Всю жизнь оставшуюся буду себя корить, что столько лет прожила с вами в одном городе, а дети мои на вас глядели, пример брали. От одних ваших разговоров с ума сойти можно. И теперь что дочь, что сын — одна колея. Вот и ездим за ними, стережем, чтобы чего с ними не приключилось — из одного города да в другой.

— Ну уж ты не заливай особо-то, — усомнился Толик.

— А у Осипа — хорош молодец? Второй раз уже сидит...

— Ты моего сына не тронь, — предостерегающе поднял ладонь старший брат.

— Ай-ай, идите вы! С вами разговаривать, что воду в ступе толочь!

— Вот и ступай на крылечко — охолонись, не мешай нам сосредоточиваться, — хмыкнул Толик.

— У меня сын, — постучал Осип по столу пальцем, — не промах. Вот в прошлый месяц ездил к нему в зону, зубы парень вставил себе золотые и деньги хотел передать, жаль, не получилось. А она говорит — плохо живем. У самой, небось, одни помыслы — о побрякушках. Вот и завидно.

— Я ему про Ерему, он мне — про Фому.

— Чем хвастаешься? — подала голос из кухни Лариса. — Полжелудка тебе отрезали, а все хорохоришься. День под градусом, день под капельницей, и вся твоя жизнь.

— Ша! Тебя не спрашивают! — рявкнул Осип. — Ишь, пигалица. Старого дурака учить — только портить.

— Хватит вам ругаться! — взвизнула неожиданно мать из-за перегородки. Все затихли. Осип принялся почесывать свою тощую грудь, Анатолий то открывал, то закрывал свои большие нависшие глаза и языком что-то высасывал из передних зубов. Юрий, пошвыркнув носом, налил всем по стопке.

Осип вдруг повалился со стула и захрапел. Братья поднялись и перенесли его на кровать, где еще недавно лежал покойник.

— Компанье-он! — пренебрежительно процедил Анатолий. — Разве с таким посидишь по-человечески? Чебурах — и никаких тебе угрызений совести. А ты тут лопай за него горючую в одиночестве. Вот у меня теща была, так я тебе скажу — те-ща! В ночь-полночь прихожу, бужу: вставай, лить будем. Она: сей момент, Толик. Вскочит, встряхнется, как курица, и за стол.

И не просто так, поровну пьем, иначе что за интерес? Никакого взаимопонимания. Я закуриваю — и она нюхательный табак достает. Извазюкается этим своим табачищем, развезет его по всей роже — умора. Так я ее перед приходом жены умою — возьму тряпку, намочу и говорю: ну-ко, ма, дай-ка я тебя утру. А жена все равно сразу унюхает. Только заходит и: «Опя-ать нанюхались!» Нанюхались, понимаешь? Хорошая была теща.

— Ладно тебе, — перебил Юрий, — заладил одно про одно. Давай лучше выпьем.

— Ты своей бородой не трясись — все равно щегол противу меня. А выпить — вы-ыпьем, я разве когда против? — Он потянулся через стол за бутылкой, а Юрий выдернул из-под него табурет. На грохот сбежались женщины. Мать заприметила над распластавшимся и не подающим признаков жизни сыном, сестры набросились на меньшого брата:

— Это опять ты что-нибудь устроил! Не иначе!

— Ну все, погиб! — почему-то радостно подмигнул Юрий молчавшей Ларисе и выскочил из дома.

Лариса проснулась от приглушенной суматохи. По потолку сарая мелькали красивые сполохи. Она встала на лежанке, выглянула в оконце. За домом догорал стожок сена, около него шныряли тени и слышались взволнованные голоса.

— Это Юрка, подлец, подпалил, он же курит. Переспать, должно быть, хотел, — этот голос принадлежал Осипу.

— А яво самого-то там нету? Ты повороши, повороши! — Это взывала Таисия Артамонова.

— Да ну, ты что, мам, — пробубнил Анатолий. — Пошли, Ося, бабы докочнат.

Лариса легла, накрывшись одеялом с головой. Вскоре во дворе все затихло, примолкло и в доме, а свет погасили даже на терраске. Сон у Ларисы перебили, и она лежала, вздрагивая от нервного озноба, в состоянии какой-то оглушенности, которую начинала пересильвать болезненная ломота в суставах.

Наутро собрались за столом в горнице: бабка Агаша, Таисия Артамонова, дочери. Сыновья и брат Таисии Артамоновы спали: Анатолий — за откинутым поломом кровати, на другой кровати, у окна, под матерчатым ковриком с выцветшими лебедями, — валетом храпели Осип с Юркой (Лариса даже подумала: уж не

пригрезилась ли ей ночная сцена с пожаром). Родион Артамонович храпел на печи, и туда уже дважды бросали клубком шерсти. На что Наталья заметила:

— Вы утюг бросьте — такой же результат будет.

— А може, правда, растолкать всех? — Таисия Артамонова выжидательно замерла, прежде чем сесть за стол.

— А ну их! — отмахнулась Наталья и протиснула свое громоздкое тело на диванчик рядом с такой же пышной теткой Агашей и, обращаясь уже к ней непосредственно, добавила:

— Их теперь разве что дрыном по горбу, а так не прочухаются.

Но Таисия Артамонова все не садилась, переводя вопрошающий взор с одного да на другого, и тогда Наталью поддержала Вера:

— Да пусть спят, ма, нажраться всегда успеют, а нам с ними еще на могилку надо сходить, чтоб люди нас всех вместе увидели. Так что незачем, мамуль, только навредишь.

Но тут пробудился Юрий, приподнял свою взлохмаченную голову, близоруко поморгал рыжими ресницами, обиженно прогудел:

— Пье-оте?

— Поминаем, — весело ответила Вера.

— А нас, значит, не обязательно приглашать?

— Что же вас приглашать, когда вы в той же комнате дрыхнете без задних ног?

— Все равно могли бы побеспокоиться по такому случаю.

— Вот оно, бабье, всегда так, — прорычал со своего ложа Анатолий. — Надень очки, Юрий, и задай им перцу.

— Сейчас. Ну-ка отвернитесь, я встану.

— Да, будем мы тебе отворачиваться, мал еще командовать, — сказала Наталья.

— Мал, не мал, а мужик в доме.

— Ой, мужик-ик, все вы мастера хрюкать.

— Что за гомон? — высунулся из-за спины Юрика Осип. — Если кто тут и главный, так это я.

— Ну, понятно, командир! Подъем, быстро собираться и на могилку к папе, — скомандовала Наталья.

— А мы дойдем? В таком-то состоянии?

— А уж как знаете, на себе не потащим.

— Да ладно вам, девки, — пожалела мать, — дайте парням опохмелиться.

— Ну уж, мама, не будет этого! На вчерашнюю закваску они тут же и попадают.

— Плохо ты нас знаешь, сестрица.

Кончилось тем, что опохмелиться им все же дали. И после этого на кладбище отправились одни женщины.

Час спустя после возвращения оттуда Лариса услышала из коридорчика, куда она неслышно вошла со стороны хлева, разговор Анатолия с матерью: он выпрашивал у нее выпить, а та старалась его образумить:

— Толик, ведь мне с вами поговорить надоть...

— Да успеем, ма! Наговоримся! Ты прям как полководец: совет тебе держать надо! Видишь ты, мы не в форме? Какой может быть разговор? Ну!

С каждой фразой он все больше раздражался, отчего мать вскрикнула и даже сделала попытку завывать. Сын дернулся, вскокинул, треснул головой о притолоку, чертыхнулся, еще раз ударился о косяк, рванувшись из кухни в коридор.

— Да когда ж успеем-то?! Черт ты этакий! — метнулась за ним мать.

— А-а! — отмахнулся тот.

Лариса вышла в противоположную дверь и у погреба натолкнулась на Осипа, он, по-видимому, скрывался от матери и делал вид, что занимается переборкой картофеля, двигал мешки, изнемогая от не полностью заглушенного похмелья. Лариса ушла и от него. Однако в огороде натолкнулась на Родиона Артамоновича, который, по всем признакам, заблудился в крапиве.

— Слушай! — обрадовался он человеку. — Как это тут... это...

От него Лариса увильнула за дом, нервически пришептывая: «Я от бабушки ушла, я от бабушки ушла, а от тебя и подavno...» — и вдруг спохватилась: «Странно, чего это я бегаю? С ума схожу!»

На припеке за столом, оставшимся с поминком, сидел Юрий и в ус не дул. Его тоже заметно поколачивал озноб похмелья, но он спасался курением, смолит «беломорины» одну за другой и потирал то и дело свою кирпичного цвета шею с выступающим из-под рыжей бороды белым кадыком.

— Присаживайся, — кивнул он Ларисе. — Тут хорошо сидеть — безветрие. И солнышко. Когда еще вот так посидишь беззаботно.

По двору просемила мать, глядя обиженно чуть в сторону. Под ноги ей попала курица, взлетела, раскудахтавшись.

— Ух, оглашенная! — ругнулась на нее Таисия Артамонова. — Покой ты рожон мешаешься!

Увидела Осипа, нырнувшего от нее в сеник, направилась к нему. Юрий на это время сгорбил, точно желая сделаться незаметным. Но когда мать миновала его, распрямился:

— С меня взятки гладки — я младшой, — и, подмигнув сестре, выщелкнул из пачки очередную папиросу.

Из веранды высунулся Анатолий, опасливо огляделся, крадучись, приблизился к сидящим, просительно обратился к брату:

— Юрк, скажи мамане, пусть курице башку свернет, поест охота бульону. Ну и соответственно...

— А чего ты ко мне-то обращаешься, ты вон Лариске скажи, — кивнул Юрик, попыхая папироской. — Она помладше меня будет.

— Да-а, — ощерился Анатолий и потешно пригнул голову, и ветер как раз встопорщил хохолком волосы на его затылке. — Она сама рычит хуже тигра, твоя Лариска... — Тут он увидал мать с Осипом и быстро шагнул за терраску и оттуда погрозил брату кулаком, беззвучно гримасничая губами.

Из дома вышли Наталья с Верой, одеты они были по-рабочему.

— Расселись! — бросила Наталья. — Хотя бы стол отнесли к соседям.

Лариса поднялась и пошла за сестрами. Женщины сидели кружком у расстеленной мешковины и выколачивали палками семечки из сухих подсолнухов. Время от времени кто-нибудь заводил разговор, который потихонечку так или иначе сводили на мать.

— С огородом мамане надо завязывать, — сказала Наталья. — Чего жилы тянуть. Вот эти подсолнухи — зачем? Денег ей, что ль, не хватает? Ведь еще кореньюшки дергать, таскать, жечь. А без мужика мыслимое ли дело.

— И продать нужно, самое главное, — поддержала Вера, — сколько нервоотрепки. Их никто в этом году и не берет — везде урожай. Тетка какая-то приехала скучать, так по восьми копеек стакан, да и то с большой неохотой. Ей: бери по десяти. Нет, по восьми, и все тут.

— А дочкам кто ж будет помогать? — встала слово тетка Агаша.

— Дочки сами уже должны ей помогать, — сказала Наталья и, усмехаясь, покосилась на Ларису.

— А все-таки, девочки, я рада, что мы в кои-то веки собрались опять все вместе, — Вера оглядела всех лучающимися глазами, прикрыла веки, подставила одну щеку солнцу, затем другую. — Конечно, жаль, что по такому случаю, но...

— Слушайте, — грубовато перебила Лариса, и все с удивлением повернулись к ней. — Что-то мы все вокруг да около, а пора бы и о главном. Как маме-то быть, с кем жить? Вот что обсудить надо. А то поговорим, поговорим и тихо-мирно разъедемся, так, что ли?

— Ты, Лара, не кипятишься, — осторожно сказала Вера. — Вот братовья наши очухаются, все вместе и обсудим...

— Во, глядите-ка, — хмыкнула Наталья, — легки на помине.

К работающим подходили братья. Осип передвигался петушком, скаля зубы; Анатолий же без конца спотыкался и вовсе не скрывал своего мрачного настроения; Юрик, почесывая в затылке, следовал за их спинами.

— Что, бедолаги? — засмеялся, на них глядя, Вера. — Не прошел номер? Не выцганили у матушки? То-то! Кто не работает, тот не пьет. Или этот принцип вы ставите под сомнение? Скептики, да?

— Мать сказала, у тебя имеется, — сердито буркнул Анатолий без предисловия, набывчив лоб.

— Имеется! А как же, — и Вера показала язык. — Есть да не про вашу черм.

— Налей пятьдесят граммов.

— Шиш! Вот бери мешок и вперед. Борозду пройдем туда-обратно, мешок подсолнухов наберете, нам сюда высыпите, тогда и налью.

— Сначала налей, а то упаду.

— Не упадешь, — сказала Наталья. — Не поддавайся, Вера.

— И не подумай.

— Ну и мымыры же вы, — игриво хихикнул Осип. И тут ему в лицо ударился подсолнух. — Ты чего? — уставился он на младшую сестру. И все тоже воззрились на Ларису.

Она стояла бледная, губы у нее кривились, в глазах горел злобный огонь:

— Вы!.. Вы! Алкаши несчастные! На что вы способны?! Да ни на что! Небось девять деней собираетесь справиться — разнежилась тут? Чтобы тут за вами ходили, поили вас с ложечки! Убирайтесь отсюда! Немедленно! Видеть вас не могу! — И, зарывдав, она упала на гору подсолнечных шляпок.

Через несколько лет, такой же поздней осенью, Лариса поехала в деревню.

Уже перед тем, как сойти с поезда, решила, что, если даже не будет попутного транспорта в сторону деревни, пойдет пешком. Потихоньку, в свое, что называется, удовольствие.

Шагая по заворонченному предрассветным часом пристанционному поселку, по его гулким, заполненным голубоватой дымкой улицам, радовалась своему предчувствию хорошей погоды. И повторяла про себя: «Ничего, в последний разочек пешочком — милое дело. Разве я не хаживала? А это последний раз... другого не будет. Обратно уж точно на машине. Так что шагай и не кручинься...» И она попыталась припомнить, когда — с тех пор, как уехала из дому учить-

ся, затем работать — приходилось ей одолевая эти двенадцать километров от железнодорожной станции до родного дома. И показало ей теперь — всегда охотно проделывала она этот путь, без досады на свою неудачливость и местные власти, не сподобившиеся организовать автобусный маршрут.

Ехала она за матерью, которая долго не могла решиться оставить пусть плохонький, но свой дом.

И вот ситуация созрела... Три года еще после смерти деда она перебивалась одна, на зиму отправляясь гостить то к одному, то к другому из своих «чад», дом же оставляя на подружку детства, теперь такую же бабу, Феколу (у нее хибарка совсем худая и холодная). А теперь и Фекола померла.

...Едва Лариса повернула на свою дорогу, сзади загормыхала машина. «Остановится — не остановится?» — успела подумать. Грузовик обехал ее и, прижавшись к обочине, затормозил, скрежетнув колесами по щебню.

— Ну и народ! — восторженно осклабилась лохматый шофер и постукал тяжелой ладонью по баранке.

— А что такое? — полюбопытствовала Лариса, усаживаясь и устранивая в ногах сумку.

— Ну как же! Еду и вижу: во, ранняя пташка, сейчас руку подымет. Сбрасываю газ, давяю по тормозам... а пташка эта и не собиралась голосовать! На что похоже?

— На что?

— Вот я и говорю: ну, и нар-родец! То ли шибко гордый, то ли еще с каким изьяном...

Лариса поглядела на парня и поняла, что обижаться на него не следует. По-видимому, он уже давно в дороге и изголодался по общению, по разговорам.

Не утруждая себя ответами, она вполуха внимала случайному попутчику, а сама глядела за окном на пронсившийся знакомый пейзаж: поля, поля, редкие околки, чистое, умытое небо с летящей высоко-высоко паутиной. Уже дня три установилась теплынь бабьего лета, но чувствовалось, что и оно скоро надломится.

— Ну так тебе куда? — притормозил шофер у развилки. — На Мичуринск или в тую степь?.. А жаль. Хорошо с тобой беседовать.

Она полезла было за рублем в кошелек, но он отмахнулся:

— Нябо-ось обойдемся. Я не куряц. Отсель-то пешком пехать?

— Да, — ответила она весело.

— Ну-ну. Тебе, знать, в аппетит.

Машина умчалась. Лариса же постояла под шитом с аллюватом нарисованными колесьями и шестеренками и надписью «Колхоз «Путь Ильича», наслаждаясь охватившим ее неожиданным покоем. Тишина кругом, тепло исходит земля, и запахи плывут такие дурманще-сладкие, такие пронзительно родные, что она зажмурилась и улыбалась так, закрывши глаза, некоторое время.

Оставшиеся три километра показались ей чрезвычайно скорыми и легкими. Она как бы не успела надыхаться привольем, насмотреться на просторы.

Миновала корпуса фермы, свежепобеленный магазин, клуб (все еще только просыпалось, только-только начинало оживать) и очутилась на своей улице. Дорога теперь была поднята насыпью из крупного щебня метра на полтора, и она, жалея каблучки, шла по травянистой обочине, словно вдоль железнодорожного полотна, благодаря провидение, что уберегло от дождя — иначе грязи развезло бы, как и положено в черноземье.

А вон и крыша отчего дома. Разросшийся куст бузины, накрывший сарай. Семь огромных ветел по фронту дома... Лариса замедлила шаг. Напрягая зрение, пыталась угадать шевеленье матери на терраске — она рано поднимается, да к тому же телеграмма послана. И тут увидела маленькую сгорбленную старушку, торопко, по-ежиному выкатывшуюся, но не из терраски — из сарая. И сжалось сердце в недобром ожидании.

— А что же они, в дом тебя не пускают? — спросила она сразу же после того, как «почеломкались».

— Да я сама не хочу, — ответила мать, отворачивая сморщенное лицо. — Мне тут вольнее.

Дом был продан молодым Гусям, жившим до этого с родителями через двор. Они пользовались славою людей ненадежных, по характеру склочных. Но, даже все про них зная, никак не могла Лариса предположить, что те выгонят старуху на ночные заморозки. Мать сообщала в письме, что в доме делают ремонт, рушат перегородки, но то, что ее при этом «попросили»... Да уж неужели б дочь не приехала по этой причине раньше? Какое б начальство на работе ни было, а все же за таким делом отпустило бы.

Лариса, не заходя в дом, будто и не собиралась вовсе, сразу пошла на огород, где, как писала мать, ее ждали подсолнечные шляпки, которые нужно было вылучить, семечки проветрить и сыпать в мешки. В этом году перекупщики сюда не завернули, а в деревне продать не удавалось: никому не нужно — у всех полно своих. И волей-неволей нужно было везти с собой и продавать на месте. Дело хлопотное, не с руки, но что ж делать. Мать успокаивала тем, что все же перевоз, мол, окупится. Однако что там окупится — рук жалко, нервов, а пуще всего времени.

Четыре дня за хлопотами и сборами пролетели как один. Обиде и тоске по утраченному предаваться было некогда. Усталость и холод по вечерам быстро смаривали. Лариса прижималась, как в детстве, к материнному боку, укрывалась с головой периной и мгновенно засыпала. В дом она за эти дни так ни разу и не заглянула, боясь разрушить в памяти весь тот уклад и порядок, который не менялся с ее детства и прочно жил в памяти священным образом.

Случились за это время и разные казусы, так или иначе приправившие однообразие сборов. Например, разговор с молодой хозяйкой.

— Что ж это вы не заглянете? — спросила та на второй, кажется, день Ларисино приезда.

— Да некогда, — попыталась наскоро отговориться Лариса.

— А то бы поглядели, как мы все по-своему устроили. — И, не чувствуя отчуждения к себе, продолжала: — Мы тут все на следующий год переделаем. Денюжат подколпим, мебель новую справим. Да и вообще!

— А денюжат-то откуда возьмете? — не утерпела Лариса.

— Да с огорода. Эвон сорок соток. По уму если, так сколько барыша можно сорвать.

Девчонка говорила мечтательно, с упоением.

— Так ведь огород нужно обрабатывать.

— Ну.

— Вот те и ну. (Про себя Лариса подумала, что фиша эта не больно-то и переломится, какая-то она была неловкая, не рукастая). Чтобы огород давал отдачу, его унавозить нужно. Значит, корову завести. А к корове и все остальное приложить. А то ведь земляца — она и не откликнется. Бурьяном порастет, да и все. Вон у бабки моей силенок хватать не стало... так это еще мы к ней приезжали помогать.

— А, — по-королевски махнула ручкой молодая хозяйка. — На то есть мужик у меня.

— О-о. Мужик — коне-ечно.

Лариса ни разу не увидела ее мужика за хозяйственными делами. Сперва решила: в колхозе робит, да бабка просветила — на охоте с утра до ночи мотается. Только однажды, вернувшись пораньше, да, видимо, чем-то раздосадованный, он схватился за пилу: ветлы принялся обкарнивать, которые летом берегли от дорожной пыли, а зимой без листьев: солнцу в окна светить опять же не прелятствовали...

— Знаешь, — сказала Лариса ему, подавляя в себе желание накричать, — ты погодил бы их трогать. Вот уедем через пару дней, делай что хочешь. Прошу!

Он усмехнулся, но послушал.

То ли соседи их пристыдили, то ли еще почему, но на третий день молодые усиленно стали зазывать в дом — дескать, холодно, простудитесь. «А до этого тепло было?» — мысленно огрызнулась Лариса. Но бабку все же прогнала в дом. Не хватало ей, и правда, захворать перед дорогой. Да и сама бабка стала с приездом младшей дочери посмелее, нет-нет и прикрикнет на молодую хозяйку:

— Фроська! Куда горшок заделава. А ну показывай! — и, не дожидаясь, пока та расшевелится, сама проверит там и сям, да в чулан заглянет. — А инструмент где, Вовк? Тут тока что топор лежал...

Не жалко бы и мелочей всех этих, всего с собой не увезешь. Но то, как не по-людски вели себя новые хозяева, не вызвало желания одаривать. И бабка продавала всю утварь и прочее деревенским за рубль, за гривенник — лишь бы энтим не оставили. Ну а те, понятное дело, рассчитывая поначалу, что весь «хлам» останется им в наследство, занервничали, кое-что «прибрать» решили.

За день до отъезда, на радостях, что ли (наконец-то уберутся), молодой хозяин обещал помочь погрузиться на машину. «И на том спасибо, — подумала Лариса, — а то искать бы человека пришлось. А с шофером они мигом побросают вещи». Однако утром Вовик тихонько; чтобы не стукнуть дверью, вышел через задворки и был таков (на охоту подался).

Но вот вещи погружены, и в душе Ларисы возникла щемящая пустота. Глянула она на свою мать-старуху, увидела, что у той глаза испуганно бегают по сторонам, и всхлинула. Тут еще соседка прибежала и запричитала: «Да почто ж вы уезжаете, оставляете нас промеж этих гусако-ов. О-о, горюшко мое! То с одного боку не здоровались, забором отгораживались, а теперича с двух-ух...» И зарыдала тут в три ручья. А молодуха, вышедшая все же напоследок поглядеть вслед уезжающим, поджала губенки и процедила:

— Ну, поплакали и будя! Вам еще рано расслабляться. Еще с багажом помаетесь. Мелкие-то денюжки есть? Смотри. И тому дать, и другому... Я их там всех знаю! С богом! — И уже вдогонку закричала: — Приезжай-ай! Приезжайте, если погостить потянет!

А по небу летели, точно дым пожара за горизонтом, грязные тучи, то закрывая, то открывая солнце. И лес то зажигался золотыми прожилками берез на сером фоне, то тускнел. И как тучи летели справа налево, так и лес справа налево зажигался и затем потухал. Лариса закрывала глаза, и перед ней возникали золотые стволы берез. «Хоть это запомнить», — подумалось ей.

Мать сидела рядом, хмуро сдвинув бровки и спрятав свой кругленький подбородок в платок.

Игорь КУВШИНОВ

ВЕРЮ ВАМ, ЛЮДИ

**К СОЖАЛЕНИЮ, ЧАСТО БЫВАЕТ ТАК:
СОВСЕМ ЕЩЕ ЮНЫМ РЕБЯТАМ
НЕ ДАЮТ ВОЗНОСИТЬСЯ В МЕЧТАХ,
ИХ ПРИУЧАЮТ К МЫСЛИ, ЧТО ОНИ ОБРЕЧЕНЫ
НА ЗАУРЯДНУЮ, СРЕДНЮЮ ЖИЗНЬ —
ВЕДЬ ОНИ ТРУДНЫЕ, НЕУСПЕВАЮЩИЕ,
НЕБЛАГОПОЛУЧНЫЕ.
НАШ РАССКАЗ ОБ УЧИЛИЩЕ, ГДЕ
«ЛЕНИВЦЫ», «НЕДОУМКИ»,
«СОВСЕМ ПРОПАЩИЕ»
ОТКРЫВАЮТ В СЕБЕ ТАЛАНТЫ И СИЛЫ
БЫТЬ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ ЛИЧНОСТЬЮ,
ЕДИНСТВЕННОЙ
И НЕПОВТОРИМОЙ.**

Она начинала в этом городе секретарем горкома комсомола.

Она любила свою работу, но однажды вдруг почувствовала, что перестает понимать, за что ей здесь платят зарплату. И подала заявление об уходе.

— Будешь работать, — сказали ей.
— Я и уйду, потому что работать хочу.

— Ах, так... Тогда пойдешь рядом учителем. (У нее было педагогическое образование.)

Ну что ж, подумала она, из рядовых учителей получались секретари горкома, а вот получится ли из секретаря горкома учитель — это надо будет доказать.

Теперь Любовь Николаевна Настюкова — директор профессионально-технического училища в Янгибаде. Оно готовит горнорабочих, слесарей

и машинистов для шахт, бурильщиков, сварщиков, водителей, крановщиков — еще недавно чуть ли не диковинных для этих мест специалистов.

Когда училище только рождалось, его работники взяли на себя такую сомнительную задачу: дать всем этим ребятам, пришедшим к ним, то, что, может, не сумели дать им ни семья, ни школа.

— Мы хотели, чтобы училище стало домом для них, — говорит Настюкова. — Человек не может, не должен оказаться без дома. Я не только крышу, не только стены имею в виду, а те устои — нравственные и духовные, которые лежат в основании жизни.

И сегодня, когда училище известно в Союзе, когда оно имеет прекрасную базу, когда его ученики десять лет трудятся во многих отраслях народного хозяйства, разнося о нем добрую славу, все равно у педагогов жизнь непростая.

ВОЗРОЖДЕНИЕ

Вот выдержки из одной школьной характеристики:

«Акбарходжаев Саид (Фамилия изменена. — И. К.) Прилежан, но безынициативен, эмоционально глух, интеллектуально развит слабо. Участвовал в художественной самодеятельности, имеет артистические наклонности».

Вот такой образец педтворчества! А ведь характеристика на руки выдается.

Когда в училище с «артистом» познакомились поближе, оказалось, что это не безынициативный, как было сказано в его характеристике, а уж просто забытый мальчишка.

Небольшой стайкой они стояли поодаль и курили. Увидев, что приближается взрослый, загасили окурки и, поскольку урны рядом не оказалось, все свои «бычки» сунули Саиду в карман пиджака: «А мы и не курили. Это он один курит», — смеялись они. Когда их спросили: «Разве можно к человеку,

как к плевательнице, относиться?», — он еще заступаться стал. «Ничего, — говорит, — щеткой потрешь, от пепла пятен не остается». «Ну и сколько ты будешь такое терпеть?» — «Пока терпится». — «А потом?» — «Потом я не знаю».

Самые трудные, самые тяжелые дети — это не те, кого именуют неуправляемыми, не протестующие, а вот такие — тихо смирившиеся. Потому что у смирения тоже есть свой предел, а потом они могут пойти на все...

Как это ни горько — начало положили учителя. Когда в училище его спрашивали, почему в школе не ходил на уроки, он отвечал: «А меня ругали все время: «Саид — дурачок, тупица». Я понимаю, конечно, что глупый. Но каждый день слушать это мне неприятно было». Начали учителя — продолжили их воспитанники.

Он был робкий, слабый паренек, и мальчишки в школе над Саидом просто глумились. Чтобы с ним хоть кто-то общался, он должен был быть готовым на все. Помните, из характеристики: «участвовал в художественной самодеятельности, имеет артистические наклонности»? Что стоит за этими строчками, он тоже здесь, в училище, объяснил: «Я ишака хорошо показываю. Собаку исполнить могу, барсука, как кот молоко лакает...» Его на поводке приводили в компанию, как иногда медведя приводят на ярмарку, и он изображал осла, собаку или медведя, и, если мальчишки и девочки смеялись, ему, как медведю, со стола бросали кусок, а он на лету ловил. Ну, а когда не смеялись, получал тумачи. Такая вот «самодеятельность». Продолжалась она до тех пор, пока как-то в компании одна из девочек не возмутилась. Это была красивая девочка с характером. Можно сказать, местного масштаба принцесса. Она при всех содрала с него ошейник, поводок и предложила дружить. Он тогда страшно обрадовался. Эта дружба действительно могла стать началом его человеческого возрождения. Но судьба распорядилась иначе.

Когда на свое первое свидание с девочкой он явился с трехлетним братом, потому что как раз в это время забирал его из детского сада, даже она, эта принцесса, решила, что он все-таки и вправду недоделанный, и от него отступилась. Дома его давно уже не очень-то замечали — детей куча, больные родители — без него, в общем, хватало забот. Что ему приходилось слышать всю жизнь? Недоумок, хляк, недотепа. И самое страшное, что он в это поверил. Знаете, есть такие погасшие, покорные люди — вот он был такой.

Пытались сблизиться с ним в училище, расспрашивали его: что происходит, Саид, что тебя мучит? А он только улыбнется, лицо вдруг осветится этой улыбкой и благодарностью за то, что все-таки его замечают, — и ни слова в ответ. Но однажды он вдруг как-то жался весь и сказал:

— Хочу стать сварщиком!

Тут необходимо небольшое отступление. Саид занимался в группе облицовщиков-штукатуров. Желающих овладеть этой профессией немного. А вот в группу сварщиков даже конкурс.

Но, слава богу, тут поняли, что нельзя отнимать у человека надежду.

Саид приступил к изучению сварки.

Его бесконечное терпение, помноженное на желание, быстро дало плоды. Очень скоро в своем ремесле он обогнал всех сверстников. Теперь Саиду не надо было искать их расположения — к нему самому обращались. Сначала на занятиях: «Саид, объясни, Саид, посоветуй...» Потом — после уроков: «Саид, помоги оградку сварить бабушке на могилу», «Саид, поможешь на «Жигулях» крыло заварить?». Он никому не отказывал. Когда приходил помогать, в доме его встречали, как желанного гостя.

Мальчишки перестали называть его Саидом-дуррачком. Давно уже никто над ним не смеется. Да и какой может быть смех, когда видно, что Саид нужен людям?

В общем, думаю, станет он надежным, уважаемым человеком. Потому что умелый работник, потому что не рвач, потому что добрый, отзывчивый парень.

Его часто отмечают и как лучшего по профессии, и по итогам социалистического соревнования. Он выходит на сцену, и видно, что он с собой борется, что крепится, но потом все равно не выдерживает и плачет у всех на глазах.

Что это? Слабые нервы? Я думаю: человеческое возрождение. Почему оно все-таки состоялось? А потому, что в Саида поверили. Истинный дом — это как раз то место, где, несмотря на то, вопреки здравому смыслу, вопреки тебе самому верят в тебя. И тогда появляются силы всегда верить в жизнь, как бы она порой ни была трудна и жестока.

«ЛЮБОЧКА»

Этого маленького мальчишку ребята прозвали Любочкой. А в спецшколе, откуда он к ним пришел и в которую был направлен из детприемника за бродяжничество и уклонение от всеобщего, он носил прозвище Конек-Горбунок.

В первый раз Настюкова увидела его на базаре.

Восточный базар — буйство красок, запахов, звуков — фантастическая страна. Вдруг — и вправду, как в сказке, — из-за горы арбузов, казалось, простирающейся до неба, выскочил крохотный человечек. Величиной с первоклашку, но с повадкой истинного торговца, он вдруг заголосил так, что все остальные на секунду умолкли, замерли и уставились на него.

— Эй, директор! Подходи скорее, директор! Тебе все дешевле, директор!

Она не знала, куда деваться. Попыталась скрыться в соседних рядах, но он догнал ее, схватил за руку.

— Эй, куда бежишь от меня, директор? — потянул за собой. — Я тебе за так все отдам.

У кого-то из покупателей отнял, буквально вырвал из рук большой арбуз и вручил ей. А когда покупатель возмутился, сказал со значением:

— Это директор! Директор, я тебя знаю! Ты запомни меня, директор. Я к тебе учиться приду.

Ей суждено было надолго запомнить его. Окончив спецшколу, он действительно зашел в кабинет к Настюковой, а следом почти сразу прибыл милиционер.

— Тебя распределили в другое училище. Тебе никто даже документов не выдает.

— Вот и пусть мои документы учатся там, а я буду здесь.

— Пойми ты... Должен порядок быть?

— Вот и наведите его. У вас в том училище не учителя, а шпана верховодит.

— А сам-то ты кто? Хулиган...

— А хоть бы и так. — Любочка поблещел, лицо его покрылось испариной. — Думаешь, за меня некому заступиться? Прокурора сюда! Прокурор! — вдруг заблажил он во всю глотку, схватил телефонную трубку и начал судорожно вращать диск.

— Прокурор! Тут нарушается конституция! Отнимают на образование право! Вставший на путь исправления Любочка... Защити конституцию, прокурор!

Милиционер вышел из кабинета на улицу, некоторое время постоял в раздумье на солнышке, потом плюнул в траву и уехал.

Документы прибыли через несколько дней, и Любочка прочно обосновался в училище. Так прочно, что даже начал в общежитии выращивать в горшках разные дикие цветы, — он очень любил красоту. Но если кто-то стряхивал пепел в горшки или, не дай бог, срывал с ветки бутон, он устраивал такое дознание, что от него просто прятались.

— Милиция! Я вызываю милицию! И прокурора сюда! Прокурор защитит красоту.

Вот как любил красоту — так, что от его любви все рыдали.

Очень его угнетал маленький рост, казалось, что все беды из-за этого... И в цветы его плюнуть можно, и оскорбить безнаказанно, только простить нельзя. Любочка был, конечно, тяжелым истериком. Но было в нем и нечто, заставлявшее уважать.

Каждое лето он занимался к какому-нибудь крестьянину торговать на базаре его дынями, арбузами или луком, а деньги отсылал матери. В прошлом она была артисткой, певицей. Потом голос пропал... Теперь она жила подавляющим и бродила по тем местам, где когда-то выступала с концертами и пользовалась успехом. Ее давно лишили родительских прав, а сын посылал ей по почте деньги. Посылал даже без твердой надежды, что она их получит. Его отговаривали, объясняли, что все равно она деньги пропьет, но он никого не слушал.

— Зато и покушает чего-нибудь, — говорил он в ответ и опять шел на почту.

Отец его отбывал срок в колонии. Однажды Любочка пришел к своему мастеру очень грустным и попросил, чтобы она отдала ему деньги, которые он хранил у нее. И объяснил, что папа ему написал: есть возможность через кого-то передать ему деньги в «зону». Но мастер наотрез отказался: зачем ему там деньги — в карты играть? Они собрали и отослали посылку.

Каждый раз, когда мастер приводила группу на обед, она думала о лишней порции для этого заморыша... И когда Любочку стали нормально кормить, когда его посмотрел эндокринолог, Любочка вдруг начал расти... Выправился, как говорят в народе. Куда-то улетила его истерия. Оказалось, никакой он не Любочка и не Конек-Горбунок. А справный и ладный парень.

Мне кажется, эта история лишняя раз напоминает о том, что дом не построить из одних высоких матерей, таких, как понимание, проницательность и тактичность. В фундаменте его лежат простые и, может быть, на чей-нибудь вкус грубоватые основания. Дом — такое место, где тебя накормят и пожалуют, и тогда из тебя не получится психованный доходяга, а вырастет нормальный, уравновешенный человек.

НА ХЛОПОК

Каждую осень училище уезжает на хлопок.

Совхоз, куда они едут, целинный. Очень разные люди — не одни комсомольцы — селились на целине, и потому здесь всякое бывает. Повара, помпоза поначалу встречали целые делегации: слушай, мясо продай, масло продай...

Дом, где ребята жили в прошлом году и где должны поселиться опять, очень плохо приспособлены для жизни. Большие столы растаскивают для тоев, свинчивают выключатели, лампочки, вынимают оконные стекла. Тащат все, что в состоянии унести. Поэтому Настюкова сначала отправляет туда «десант», который все приводит в порядок. Когда база готова, отправляются все остальные. Берут с собой ансамбль, радиоаппаратуру, здесь же выпускают газету. Периодически издают бюллетень, из которого видно, кто из ребят сколько собрал сырца. Каждые десять дней победителя декады награждают часами. У ребят даже есть такое выражение: «Я пошел на часы». Это значит — он идет на рекорд. Сводная группа лучших едет на каникулы в Ленинград.

Однако все эти радости не так просто даются. Хлопок — труднейшая, изнурительная работа в открытом поле, под немилосердным, обжигающим солнцем. Потому ребята готовятся к этому выезду, как к труднейшему экзамену. И взрослые стараются сделать этот экзамен — нет, не легче — радостней. Отмечают праздники, дни рождения.

Везут сюда из города сласти: пирожные, торты — и все вместе пируют. «Республика ням-ням», — иногда шутя говорят они о своей коммуне. Ну что же, в хорошем доме всегда пахнет в праздники пирогами, а ребенку без дома нельзя.

Ребенку без дома нельзя, и горе дому, откуда пропадает ребенок. Однажды на хлопке стряслась у них такая беда. Исчезла Зинка, своенравная, необузданная девочка. Она только поступила в училище, но уже, как говорят, ее было видно. А исчезла — как испарилась, никто и не заметил, когда ушла, куда, с кем.

Кинулись к ее матери. «Не денется никуда, найдется», — сказала мамаша. Потом уже вслед закричала: «Вы мне отвечаете за нее, учтите!»

Они вернулись в совхоз, когда уже стемнело, а Зинки все не было. Обратились в милицию, обыскали все канавы, арыки, ездили в морг ближайшей больницы. Что они за эту ночь пережили — не рассказать. Не пришла Зинка к подъему, не было ее на завтраке.

Она появилась уже во время работы в поле, появилась так же незаметно и неожиданно, как и исчезла. Оказывается, познакомилась с какой-то девочкой на дальней усадьбе, засиделась в гостях, а потом родители новой подружки побоялись ее отпустить обратно в поздний час.

— Ну как же ты, Зина, могла? — укоряла Настюкова свою ученицу. — Твой мастер всю ночь глаз не сомкнула. С милицией и с собакой рыскали по всей округе, искали тебя.

Чтоб не расплакаться, не раскричаться, она перечисляла по порядку всех людей, искавших девочку. Зинка смотрела равнодушными глазами.

— А вы? — спросила она.

Издевается, подумала Настюкова.

— А ты как считаешь? — разозлилась она. — Я могла спать?

Зинка повернулась, раскинула руки и побежала, будто бы полетела. Она бежала по полю к ребятам и кричала не то им, не то солнцу и ветру — всему миру кричала:

— Меня искали! Слышите, вы, меня искали!

Я был вместе с Настюковой в совхозе, когда там находился десант. «Силы передового базирования», — смеялась она. Настюкова придирчиво проверяла готовность базы к приезду остальных учащихся. Ребята гуртом ходили за ней. Все как будто было в порядке, но она все заглядывала в подсобки, комнаты, санузлы, на склады...

Один из пацанов не выдержал:

— Любовь Николаевна, давно стол накрыт, все остынет.

Мы сидели за сколоченным из грубо оструганных досок столом. Узбекский парень сделал для нее плов, русский сварил борщ. Всю жизнь она заботилась об их доме, а теперь вот у них представился случай отплатить ей, показать, чему она их научила. Да только вряд ли они об этом думали. Просто знали, что надо хорошо покормить уставшего, голодного и доброго человека.

РЕПУТАЦИЯ

И на одном фронте тяжело бывает сражаться. А на нескольких?..

А если с теми, кто должен соратником быть? Их почти уж теперь нет никого — тех людей в органах городского управления, с которыми Настюкова столкнулась в первый год работы. Но помнится ей они будут долго. Потому что люди уходят, а традиции, предубеждения, ими воздвигнутые, стереотипы деловых и человеческих отношений — все это долго еще остается.

Итак, первый год. Идет совещание в горисполкоме. Встает начальник милиции и всем объясняет, что если порядка в городе нет, то за это училище надо «спасибо» сказать: оно рассадник криминальной заразы.

Встает городской прокурор: в городе наблюдается рост преступлений, потому что училище формально ведет профилактическую работу. И т. д., и т. п. Интересная получилась картина: был

идиллический, почти патриархальный городок, никто в нем не слышал ни про пьянство, воровство, ни про насилие. А открыли ПТУ — и вдруг вспышка правонарушений и подростковой преступности. В общем, еще не родившемуся учебному заведению такую вот репутацию пытались организовать.

Тогда она встала и сказала им всем:

— Ну что, потешили мужское свое самолюбие? (Там, кроме нее, были одни мужчины.) Так вот что я вам скажу. Не надо с большой головы валить на здоровую. Мы не рассадник зла. Вместо того, что работать, вы весь трудный контингент направляете к нам. Вот и вся ваша работа. Имейте в виду: я об этом нигде не буду молчать!

Страсти накалились.

— Скажите «спасибо», — бросили ей, — что вы хоть таких можете подобрать, а то вообще бы в пустых классах сидели.

— Они наши, советские люди, — сказала она. — Я им внушаю, что они самые лучшие, самые необходимые люди в стране, и если мы их подбираем, значит, кто-то выпихивает их из жизни, и я настоятельно советую вам подумать — кто?

Она тогда взорвалась не потому, что за честь своего мундира сражалась. Она добивалась, чтобы для многих ребят училище стало домом, семьей, а у семьи должно быть незапятнанное имя.

— Старая истина, — говорит Настюкова, — сначала ты работаешь на авторитет, потом он работает на тебя. Мы должны были сделать так, чтобы им хотелось идти к нам учиться.

Вот более чем убедительный пример осуществившихся замыслов. В близлежащих городках, где есть свои ПТУ, педагогов и мастеров Настюковой в дни профориентации в школы попросту не пускают, пока не укомплектуют собственные училища. Я беседовал с несколькими парнями, которые выдирали свои документы в Ахангаране и теперь каждое утро и каждый вечер должны трястись в автобусе, но довольны и ни о чем не жалеют, потому что хотели обучаться именно здесь.

Теперь у училища прекрасная репутация. А у директора? У директора по-прежнему та репутация десятилетней давности: не очень сговорчивого, не очень уживчивого, не очень удобного человека. Ну что же, наверное, это та цена, которую вынужден заплатить человек, который хочет не угождать, а работать.

...Я брожу по училищу — вернее было бы написать путешествую. Любуюсь внутренним двориком, где высадили крымские сосны и пол которого украшают каменной инкрустацией, восхищаюсь изысканными кабинетами эстетики и литературы; экспонаты и настенная роспись воссоздают здесь мир пушкинских произведений. Можно было бы еще написать о химических и физических лабораториях, о картинной галерее, о розах, цветущих во дворе, — в общем, одно перечисление всех красот и чудес заняло бы еще много места. Но не оставляет меня в покое одно обстоятельство...

Каждый год здесь проводят социологический анализ. Настюкова приводит мне несколько цифр. Семьдесят процентов родителей самой неблагополучной группы за год ни разу не пришли на родительское собрание. Конечно, можно, наверное, найти этому какие-то объяснения (люди достаточно устают на работе, чтоб получать головомойку еще и после нее), в том числе и объективные. В последнее время немало пишут, что современная семья переживает кризис, и все же разве не становится страшно, что по крайней мере половине родителей нет дела до своих детей? А потому, по словам Настюковой, хоть со школой у них одна общая цель — воспитание человека, — конкретные рабочие задачи и пути их осуществления различные. Школа — прежде всего организатор обучения, учебного процесса. А училище, хорошее училище, — это организатор жизни. А жизнь у человека должна быть красивой.

НИКТО НЕ ХОТЕЛ ЗАЩИЩАТЬ

Евгений БИРУН

Эх, Бурлаков, Бурлаков, все-то тебе не терпится, все-то высунуться хочется. — Твое дело написать, а ты тянешь со статьей. Время уходит. Жалко. Сколько добра людям можно сделать.

— Ты уже раз сделал...
— И теперь не отступлюсь.

Вот так, наверное, торопил мой институтский однокурсник Бурлаков с публикацией автора той давней заметки. Дорого обошлась тогда газетная популярность Бурлакова. В деньгах это составило 21 тысячу 147 рублей 24 копейки. А в моральном плане? Что стоит за безжалостными строками официального документа: «Прокуратурой Красногвардейского района г. Москвы возбуждено уголовное дело № 16310 по признакам преступления ст. 153 ч. 1 УК РСФСР (частнопредпринимательская деятельность) в отношении Бурлакова Юрия Семеновича?»

В детском спортивном клубе «Самбо-81», директором и создателем которого был Бурлаков, с 1300 подростками занимались 16 тренеров высшей квалификации. За три года деятельности клуба государственная казна получила (не израсходовала, а получила!) около 50 тысяч рублей, не считая тех денег, что потом уплатил по суду Бурлаков лично.

Итак, «золотой телец» был зарезан городскими финансовыми органами. Популяризация оказалась смертельной для «Самбо-81». Три года все обстояло благополучно с позиций райфо и КРУ, все их предписания выполнялись неукоснительно. Но, как только за дело взялись вышестоящие ревизоры, прочитавшие в газете, что существует платный, на самоокупаемости, спортивный клуб, они быстренько обнаружили крамолу.

Эх, Бурлаков, Бурлаков, ну, что бы тебе не сидеть спокойно в своем директорском кресле, говорил я ему. Честолюбие тебя заело. Хотелось показать, вот, дескать, какие мы молодцы. А он отвечал, что и без газеты молва о «Самбо-81» пошла гулять. К ним то и дело приезжали делегации, чтобы познакомиться с опытом работы по месту жительства. Как раз в начале восьмидесятых годов нарастала пропаганда различных спортивных групп на абонементных началах. И Бурлаков чувствовал себя на коне.

Как часто мы сетуем, что хороший опыт, с которым все знакомятся, даже изучают, обобщают, так и остается без последователей. В случае с «Самбо-81» особенно повезло тем, кто в силу лености или по каким другим причинам не успел создать у себя нечто подобное. А дело шло к тому. Тогдашний Спорткомитет СССР издал в 1983 году специальную брошюру с методическими рекомендациями, как развивать борьбу самбо по месту жительства. В ней

авторитетно говорилось, что «примером организации такой работы может служить спортивный клуб «Самбо-81», основанный в Москве мастером спорта СССР Ю. Бурлаковым».

Что говорили бы возможные последователи Бурлакова, если пришлось бы им иметь дело с прокуратурой, влезать в долги и закладывать вещи в ломбард, чтобы расплатиться с налоговым управлением? Ведь в методических рекомендациях, как пример, подробно излагалась именно финансовая деятельность клуба «Самбо-81», которая кончилась столь печально. И везде ли нашлись бы такие терпеливые, прямо скажу, необыкновенно человеческие администраторы, как в Московском инженерно-физическом институте, где работает Бурлаков преподавателем на кафедре физического воспитания? Непросто, ох как непросто продолжать работать в институте, когда на тебя заведено уголовное дело. Да еще в таком образцовом, как МИФИ.

Это сейчас мы повторяем, что не существует такого понятия — зарабатывать слишком много. В том смысле, что, сколько бы ты ни заработал, все твоё, заработанное. И чем больше, тем лучше. И для тебя, и для государства, для общества. Больше заработок, больше — труда, общественного продукта. А до апреля 1985 года, до Пленума ЦК КПСС, многие и многое понимали по-иному. Потому что до закона «Об индивидуальной трудовой деятельности» было еще далеко.

Если бы Бурлаков просто хотел подзаработать, открыв лично для себя платную группу (мог бы две-три самбо или группы ОФП в ближайшем ЖЭКе, то это не вызвало бы абсолютно никаких осложнений. Человек он, хоть и увлекающийся, склонный к размаху, к эффекту, очень аккуратный, с развитым чувством самоконтроля, когда дело касается ведения финансовой отчетности. Однако Бурлаков хотел совсем много, не только дополнительного заработка от занятий с абонементными группами в свободное от работы время. Его терзала идея создать именно большой подростковый клуб по месту жительства. Клуб самбо. И стать его директором.

«Зачем тебе это нужно?» — спрашивал я Бурлакова. — Для самоутверждения? Он начинал говорить, что в Красногвардейском районе нет ни спортшкол, ни спортсооружений, кроме школьных залов, что ребятам нигде заниматься спортом, что самбо — это прекрасно. Забегая вперед, скажу, что все это Бурлаков говорил в райкоме комсомола, в райспорткомитете, в исполкоме и своим товарищам по кафедре, борцам-самбистам, когда проталкивал идею клуба. И увлек, убедил, создал такой клуб.

Создал на пустом месте, без единой государственной копейки. Ясно, что создал не один, с целой

группой единомышленников, с активной поддержкой районных организаций. Но «двигателем» всего был Бурлаков. И пострадал он один, если не считать, конечно, мальчишек и их родителей. Но это уже потом.

...Это были обычные платные, абонементные группы при ЖЭКах. Групп было сорок. Девять занятий в месяц. Стоимость абонемента — 5 рублей. Вы скажете, да таких групп тысячи — по фигурному катанию, плаванию, аэробике, теннису. Таких, да не совсем. То группы, так сказать, государственные при парках, стадионах, в бассейнах. А Бурлаков открыл абонементные группы частным образом.

До ныне принятого закона «Об индивидуальной трудовой деятельности» действовал другой закон, разрешающий гражданам заниматься частной практикой. Можно было портняжничать, сапожничать, открыть зубоорачивный кабинет и тому подобное. А еще можно было вести кружковую работу. В том числе и по спорту. Правовая сторона дела проста: оформил заявление в райфинотделе, набрал группу подростков, чьи родители согласны оплачивать занятия, и работай в свое удовольствие, крепи материальное благосостояние. Только не забывай платить подоходный налог с частного заработка, содержи в порядке документы по оплате занятий и живи себе спокойно.

Трудно сказать, почему такие частные группы, созданные на абсолютно законных основаниях, не получали распространения в спорте. Дело-то было весьма доходное. Вот расчет: в месяц оплата занятий — 5 рублей с человека, в группе 25—30 ребят, тренировки — два раза в неделю, что совсем необременительно для специалиста. Чистый доход более ста рублей в месяц после уплаты налога. А если проявить расторопность и набрать две, три таких группы? Правда, налог был прогрессивным: чем больше зарабатываешь, тем больше надо платить в казну. Но и в тех условиях, занимаясь с тремя группами, то есть работая ежедневно по часу, можно было иметь доход 200—250 рублей в месяц. Причем, повторимся, на абсолютно законных основаниях.

Я думаю, что в спортивной среде о таких вариантах приработка просто не знали. А возможно, и знали, но пугала сама форма — как это, вести частное дело? К тому же надо было где-то арендовать помещение для занятий, приобретать инвентарь. Сложно, непривычно. Предпочитали обходиться совместительством, подрабатывая на почасовой работе в ДСО или в спортшколах, хотя размер оплаты за такую деятельность был в пять раз меньше, чем при собственном, частном деле.

Когда Бурлаков пришел в Красногвардейский райком комсомола и предложил создать на самоокупае-

ВАШЕ МНЕНИЕ?

мости клуб юных самбистов, то там сразу оценили идею по самому высокому разряду. Этот район столицы — Орехово-Борисово — один из самых неблагоприятных в спортивном отношении. Как и многие новостройки, он не успел обзавестись спортивными базами, спортшколами. Чтобы заниматься в какой-либо приличной секции, ребятам надо было ездить за тридевять земель или довольствоваться школьными тренировками. Но возможности учителей физкультуры небеспредельны. Их хватает на сборные команды школ. Не больше.

А Бурлаков предлагал райкому комсомола создать спортивный клуб, в который будут принимать всех мальчишек от 9 до 16 лет. Независимо от того, хорошо они развиты физически или нет, есть надежды у подростка стать разрядником или очевидно, что хорошим борцом мальчик не станет никогда. В клуб «Самбо-81» должны были приниматься все ребята, и ни над кем не висела угроза отчисления по причине бесперспективности.

Мы согласны, сказали в райкоме комсомола. Но где взять тренеров, залы, борцовские ковры, куртки для самбистов? Кто будет вести административную работу, медицинское обслуживание? И еще — кто все будет оплачивать? «Я, — скромно сказал Бурлаков. — Точнее, все обеспечит сам клуб».

Так институтский преподаватель Бурлаков стал еще и директором самодеятельного клуба «Самбо-81», организованного на основе самокупаемости. Было составлено положение о клубе и, естественно, согласовано с роно и райспорткомитетом. Но главное согласование происходило в райфинотделе. Там утвердили смету доходов и расходов, определили, что и как можно тратить, кому и какую платить зарплату, какой и кому вносить налог. Словом, финансисты сказали свое «добро», обещая, конечно же, контролировать клуб и проводить ревизию. Это они делали регулярно и ни разу за три года никаких претензий не имели. Ни разу!

Помните примерный расчет возможного месячного дохода частного тренера за работу с одной группой? Около 120—130 рублей. Тренерский совет «Самбо-81» установил несколько иные расценки оплаты. За группу тренеру платили только 50 рублей. Остальные деньги шли в общий котел, в общественную кассу клуба. Ими оплачивались аренда помещений ЖЭКам, приобретение спортинвентаря и оборудования, проведение соревнований, строительство раздевалок, душевых и, конечно, работа обслуживающего персонала. А это — директор, бухгалтер, секретарь-машинистка, врач, медсестра, уборщицы.

Понимаете, в чем была сила объединения группы частных тренеров перед тренерами-одиночками? Клуб поддерживали все районные организации, ему выделялись, пусть и за арендную плату, помещения, клуб обзавелся своим хозяйством, спортивной формой. Да и тренеров не смущало положение частного — работали-то в коллективе. А все они были дипломированными специалистами высокой квалификации, мастера спорта по борьбе, преподаватели вузов. Эта дополнительная работа для них не была «халтурой», как часто называют приработок. Работали все на совесть, чем и объясняются спортивные успехи воспитанников «Самбо-81». Дорожили местом. Клуб платил вдвое больше, чем ДСО или спортшкола.

По нынешним временам этот клуб был самым настоящим кооперативом. Какая была потребность среди населения Орехово-Борисова в подростковом спортивном клубе по месту жительства, говорят цифры: в первый год деятельности «Самбо-81» в нем занималось 500 мальчишек, во второй — 1000, в третий — 1300. Районные руководители спрашивали совет клуба: «А можете довести число занимающихся до пяти тысяч?»... «Можем». Этот рубеж намечалось достичь через два-три года. Тормозом была спортивная база. Борцовские ковры под открытым небом не уложишь, в школьном зале тоже — он нужен самой школе для уроков.

Вот рассказываю о клубе «Самбо-81» и чувствую, что мне скоро перестанут верить, — вырисовывается нечто образцово-показательное. А ведь я еще не упомянул, что в этот клуб принимали бесплатно ребят из малообеспеченных семей и по направлению инспекций по делам несовершеннолетних, что освобождалось от платы борцы, выполнившие первый юношеский разряд, что клуб проводил массовые соревнования и спортивные праздники. Но, как говорится, из песни слова не выкинешь. Клуб был действительно и образцовым, и показательным.

Судите сами, ну разве взялся бы его опыт пропагандировать Спорткомитет СССР, если бы «Самбо-81» не стал уникальным детским клубом по месту жительства. Про руководство Красногвардейского района и говорить нечего — оно было довольно работой клуба, снявшего хоть часть забот о подростках. Одним словом, друзей и покровителей «Самбо-81» было не счесть. А если посчитать, сколько их осталось, когда клуб стали закрывать, когда он попал в беду, то оказалось, что ни одного! Никто не захотел защитить ни клуб, ни его директора Бурлакова.

Первая же ревизия Московского городского финан-

сового управления обнаружила грубейшие нарушения в финансовой деятельности клуба. Оказалось, что клуб не платил подоходный налог с тех средств, которые шли на покупку инвентаря, строительство раздевалок и душевых, на приобретение призов для победителей соревнований и тому подобное. Кто директор, он же распорядитель кредитов, главный нарушитель? Бурлаков? Взыскать с Бурлакова 21 тысячу 147 рублей 24 копейки!

Но позвольте, взывал к ревизорам, а затем и к Министерству финансов директор «Самбо-81». Ведь мы все делали с разрешения районных организаций, нас контролировало райфо, претензий к нам не было. А ему отвечали, что борцовские ковры, душевые, раздевалки, призы и атрибутика — это ваша собственность, вот и платите налог, который был утаен от казны. А что касается разрешений районных властей, то они, разрешения, недействительны.

А затем начались другие проверки. Кому, за что и по каким документам уплачено клубом, то есть директором Бурлаковым. Это был титанический труд ревизоров. Надо было найти сотни мальчишек, которым вручались рублевые призы за победы в турнирах, чтобы удостовериться, что акты о списании призов соответствуют действительности. Разыскать слесарей-водопроводчиков, плиточников, отделывавших душевые, и проверить, они ли получали деньги за работу и сколько. Нужно было также проверить сотни товарных чеков. Ведь клуб покупал множество инвентаря и оборудования, покупал за наличные в обычных магазинах.

Всего за три года через руки Бурлакова, как директора, прошло около 140 тысяч рублей. И к ним, к рукам, как оказалось после трехмесячной проверки, не прилипло ни копейки!

Клуб «Самбо-81» был распушен, так как организация, объединение лиц, занимающихся частной деятельностью, просто-напросто запрещена. Нет, пожалуйста, каждый тренер, зарегистрированный в райфо, занимайся частной практикой, бери по 5 рублей с ученика и работай с группами. Но только в одиночку! Создавать же клуб нельзя!

Да, кстати, как бы невзначай вспомнили ревизоры и их начальники в Мосгорфинуправлении после того, как проверка подтвердила честность директора; а кто был инициатором объединения частных лиц в клуб? Бурлаков? Привлечь Бурлакова к уголовной ответственности за частнопредпринимательскую деятельность! Его протесты: «Да ведь все с разрешения районных властей, под их контролем, посмотрите, какое доброе дело мы делали», — остались без внимания. Уголовное дело возбудила районная прокуратура, которая все прекрасно знала о «Самбо-81».

А 21 тысячу с лишком надо было выплачивать. Бывший директор куда только не обращался: я передам на баланс ЖЭКов все оборудование спортзалов, которое является моей личной собственностью, тогда мне уменьшат налог на сумму стоимости этого чертова оборудования. Но, увы, никто не хотел помочь Бурлакову. ЖЭКи не брали ничего на баланс, потому что надо было предъявить товарные чеки на покупки. А чеки были приобщены к уголовному делу. А время шло. И только когда Бурлаков выплатил налог, районные организации решились-таки (странное совпадение) взять на баланс борцовские ковры, всякое другое оборудование, но не сделали этого — не было товарных чеков, которые прокуратура так и не вернула Бурлакову.

А под занавес этой невеселой истории стоит процитировать еще один документ:

«...уголовное дело в отношении Бурлакова Юрия Семеновича, возбужденное прокуратурой, следственным отделом Красногвардейского РУВД г. Москвы, прекращено за отсутствием в его действиях состава преступления. В ходе следствия обвинение Бурлакову Ю. С. не предъявлялось».

— Вот видишь, — сказал мне Бурлаков, показывая письмо из прокуратуры. — Справедливость торжествовала! Можно все начинать сначала.

Он радовался, как погорелец, найдя на пепелище тлеющий уголек, из которого можно было раздуть огонь, развести костер и обогреться. И обогреть других. Жизнь продолжается, жизнь прекрасна!

Оптимизм — врожденное качество души. Оптимисты, как и чудaki, украшают мир. Экс-директор бывшего клуба «Самбо-81» не озлобился, не разуверился, пережив серьезные неприятности. Собирается Бурлаков вновь создать подростковую спортивную школу борьбы для ребят в своем Орехово-Борисове.

Ждет не дожидается, когда утвердят правовые инструкции для спортивных кооперативов. Все вроде бы разрешено законом «Об индивидуальной трудовой деятельности», а райисполком пока тянет, ссылаясь на то, что не пришли какие-то бумаги сверху. Дуют на воду, помня, как обожгли на молоке.

Совсем недавно Бурлакова избрали членом президиума Всесоюзной федерации самбо. Главное ему поручение — создавать платные клубы юных самбистов по всей стране.

Вот как все обернулось. Обычное дело, скажем мы теперь. К счастью, теперь обычное.

В традициях «Смены» постоянно проверять и корректировать свою работу письмами читателей. Живому, честному письму, затрагивающему общественные проблемы, всегда найдется место на журнальной полосе. Почта журнала — это неиссякаемый источник тем и адресов для наших корреспондентов.

Итак, мы хотели бы знать ваше мнение, дорогие читатели, по следующим вопросам:

1. На какие моменты из жизни и деятельности комсомольских организаций журнал должен обратить пристальное внимание сегодня, в условиях перестройки, после XX съезда ВЛКСМ?

2. Какие из молодежных инициатив заслуживают того, чтобы о них рассказал журнал?

3. Назовите адреса трудовых кооперативов, в которых активно и плодотворно трудится молодежь?

4. Что значит, на ваш взгляд, заниматься самообразованием в наше время?

5. Какие из проблем, стоящих перед обществом, перед молодежью, заслуживают особого внимания журнала?

Просим вас ответить и на вопросы, связанные с содержанием и внешним обликом нашего журнала:

1. Нравится ли вам оформление журнала?

2. Назовите ваши любимые рубрики и наиболее понравившиеся публикации этого года?

3. Какие из поэтических подборок были, на ваш взгляд, удачными, а какие оставили чувство неудовлетворенности?

4. Как вы отнеслись к тому, что в журнале резко увеличилось количество полос, отводимых под прозу, стало публиковаться больше крупных произведений? Поддерживаете вы это начинание редакции или оно вызывает у вас возражения?

5. Кого из писателей, поэтов, журналистов вы хотели бы видеть среди авторов «Смены»? Какие новые рубрики можете предложить нам?

Всех, кто примет участие в нашей летучке, просим рассказать о себе: Фамилия, имя, отчество

Возраст, место жительства

Кем работаете?

Подписываетесь вы на «Смену» или читаете журнал нерегулярно?

З. Самхаладзе. Портрет.

и навсегда заключено в определенные рамки, наоборот — у молодых много находок, открытий.

Грузинские художники вообще удивляют смелостью. Их работы часто неожиданны поражают ощущением внутренней свободы, творческой раскованностью. Они умеют следовать своему темпераменту. Может быть, поэтому, сохраняя общие черты (например — любовь к четкой линии), каждый художник обладает индивидуальностью, своим почерком.

Вот портрет девушки, написанный в реалистической манере художником З. Самхаладзе. Большие вдумчивые глаза на оледном, обрамленном черными волосами лице и тонкая кисть руки с длинными пальцами выделяются на общем темном фоне картины. Объемная лепка формы, тонкая цветовая проработка, ясность линии и рисунок подчеркивают духовную силу и красоту, сложность мироощущения нашей современницы.

А вот скульптурный портрет девушки — «Рожденная в 45-м» — работа Т. Кикалишвили. Обобщенный портрет поколения. На тонкой длинной шее, как на колонне, возвышается голова с вздернутым вверх подбородком, с развевающимися,

словно у богини Победы, волосами. Художник не старается изобразить сложность характера, он увлечен передачей мгновенного настроения девушки, вдохновенной радостным порывом. Скульптор лепит реальную форму и в то же время чуть-чуть гиперболизирован ее, чуть преувеличивает, чтобы успеть зафиксировать мгновенность впечатления и передать это ощущение зрителю.

Работа Т. Гоцадзе «Синие кони». Художник переносит нас в мир фантазии, сказки. Необычайные голубые кони с огненно горящими глазами парят в неизвестном пространстве то ли облаков, то ли синего дуга. Движения их красивы и неспешны. Линии фона медленно обтекают коней и подчеркивают волнообразность их задумчивого бега. Такая картина может привидеться мальчику, пасущему их прохладной ночью. Желтая луна, брошенная коням под копыта, верно, отражается в реке, но в то же время можно подумать, что кони парят в прозрачной голубизне неба.

Художник любит увиденной, воображаемой картиной, хочет, чтобы и зритель разделил с ним его восхищение движением, линией.

Невозможно рассказать не только обо всех или многих мастерах грузин-

Мощно, торжественно, красиво и оттого немного грустно звучит мужской хор в московском Центральном Доме художника. Голоса то сливаясь в единый аккорд, то рассыпаясь многоголосной органичной полифонией, вводят нас в необычайно разносторонний мир грузинского искусства.

Художники Грузии еще ни разу не были представлены в Москве так щедро и разнообразно, как на этой выставке, посвященной 70-летию Великого Октября.

Здесь можно увидеть произведения художников, ставшие классикой не только грузинского, но и мирового искусства — Л. Гудиашвили, Д. Какабадзе, Е. Ахвледиани, М. Тоидзе, — и работы совсем молодых, только начинающих свой творческий путь.

Вот строгие величественные пейзажи Давида Какабадзе. Слово с высоты птичьего полета смотрит художник на грузинские холмы, распадающиеся на мелкие квадраты, возделанные рукой человека, засаженные рядами виноградниками, заросшие темной зеленью кустарников и деревьев. Резкие краски, словно выгоревшие под южным солнцем, подернуты белесой дымкой.

Все его работы — от карандашных

набросков старых платанов и строгих портретов до абстрактно-декоративных панно — точно передают жизнь материального мира.

Холсты Давида Какабадзе редко выставлялись и мало известны советскому зрителю, а ведь его произведения хранятся во многих музеях мира.

Работы Ладо Гудиашвили, напротив, фантастичны и созданы фантазией не ума, а духа и сердца, хотя он не увлекался поисками абстрактных форм и построением конструкции, а рисовал реальные лица и предметы. Краски его палитры — всегда мягкие, приглушенные.

Грузинской живописи несвойственна яркая открытая цвет. Присутствие черного почти всегда чувствуется. Подобно тому, как у Нико Пиросмани, который писал на черной клеенке — сколько ни клади на нее яркие цвет, черное всегда просвечивает и приглушает краски.

Этим отличается грузинский национальный колорит, в этом его особенность. Кто был в Грузии, знает, как много грузинских женщин ходят в черных одеждах под зноимым солнцем. Да и национальная мужская одежда преимущественно черная с редкими вкраплениями какой-либо яркой детали. И в национальных узорах прикладного искусства обязательно встретится черное.

Молодые грузинские художники следуют национальным традициям. Это не значит, что их искусство раз

ПАЛИТ

Н. Цицишвили. Свирель.

Г. Кандарели. Баллада о Пиросмани.

ВЕРНИСАЖИ

Р. Тордия. Летний день.

ского изобразительного искусства невозможно даже проследить все направления и стили, в которых работают современные художники.

Я вижу огорченные глаза Зураба Нижарадзе, Джемала Лолуа: А про нас ни слова? А ведь была и в наших мастерских и восхищалась работами! А работы Геловани, Очиаури, Тордия, Махарадзе, Гугушвили! А скульптуры Гогаеришвили, Кандедаки, Бжалавы! А гобелены Кандарели!

Грузинское искусство как тот многоголосный хор, что звучал на открытии выставки, как сама многообразная грузинская природа — сколько ни рассказываи о волнистых холмах, о суровых снежных вершинах, эоинных приморских долинах с кипарисовыми аллеями, оурных реках — все равно еще останутся узкие дороги, ведущие через горные перевалы над головокружительной пропастью, а там и неожиданно тихие озера и буковые леса с весенними подснежниками, и широкие пуга и необозримые виноградники...

Всего не перечислишь. Будем ждать новых впечатлений, новых встреч с Грузией.

Ирина ЛОБАНОВА

ГРА

Т. Гоцадзе. Синие кони.

Т. Кикалишвили. Рожденная в 45-м. Г. Мгевришвили. Декорация к пьесе М. Бесташили 'Макция'.

✉ Считаю, что помочь детям-сиротам может только людская доброта.

Сейчас доброта — дефицит. Самолюбие, эгоизм, жажда денег, вещей — вот что царствует даже в самой глухой деревне, которая когда-то была очагом доброты. Куда девались радость, легкость, порыв души из-за того, что сделал кому-то добро и радость другого человека стала радостью твоей? Нет! Повязать на голову платок красивее, чем у соседки, хвастаться холодильником и другими вещами — вот она, радость! Холодно теперь жить...

А дети верят в доброту. Расскажу такой случай. Когда-то я работала в пионерском лагере на берегу реки. Дети, гуляя, увидели пустой паром и стали просить разрешения покататься. Я согласилась, и они хлынули на паром. Денег у нас не было, я попросила паромщика, чтобы он нас «прокатил». Паромщик выслушал меня, взял толстую веревку и молча стеганул детей по голым ногам... Потом, иронически перекосив губы, поплыл на пустом пароме. Один мальчик, плача, вцепился в меня: «Не может быть, чтобы не нашелся хороший дядя! Придем после обеда, будет другой паромщик, он нас покатает. Обязательно покатает!»

Я не верила доброте этих пропитых рож и, когда дети после обеда спали, побежала туда и дала паромщику три рубля с просьбой покатать весь отряд, но чтобы дети о деньгах не знали.

Дети рвались к парому — уже не кататься, а проверить человеческую доброту, к которой они так тянулись. И престиж доброты был спасен! За три рубля!

Эмилия ЛЕГУТЕ,
Литовская ССР

✉ Сейчас многое меняется в жизни воспитанников детских домов, но есть, на мой взгляд, одна серьезная проблема, о которой пока умалчивают: это обеспечение выпускников детских домов жильем на льготных основаниях.

Ведь что получается? Я, например, вышел из детдомовской жизни в 1954 году и до 1974 года жил по общежитиям. А общежитие есть общежитие. Не каждый, особенно из детдомовских, решится создать семью, живя в общежитии. Я все же решился на тридцать шестом году жизни, но, немного помучившись, поехал с женой на Север, где нам предоставили опять же общежитие, правда, семейное.

Сейчас у меня с жильем хорошо. Имеем на семью из четырех человек трехкомнатную квартиру. Но Север есть Север, здоровье он подтачивает быстро. Случись, что врачи посоветуют переменить климат, поехать-то и некуда, ведь обмен квартирами на наш поселок маловероятен.

Коротко о себе. После детского дома окончил ремесленное училище, работал, служил в армии, снова работал и учился в вечерней школе, окончил институт. Сейчас работаю в системе телевидения. У меня двое детей.

Прошу вас, поставьте проблему льготного обеспечения жильем выпускников детских домов. Поверьте, они этого достойны!

И еще. Не могли бы вы напечатать мой адрес? Может быть, откликнется кто-нибудь из бывших воспитанников Домнинского детского дома Южского района Ивановской области: 184120, Мурманская область, Ковдорский район, поселок Енский, ул. Школьная, дом 1, квартира 124. Казаков Сергей Иванович.

✉ Я — бывший детдомовец, прошел приемник-распределитель, дошкольный детдом, школьный, школу-интернат. Учился в учреждениях трех типов. Сначала жил в детдоме, но учился в общеобразовательной школе. Потом учился в школе-интернате, но с детьми, которых родители забирали на выходные. И, наконец, в смешанной школе-интернате, где, кроме нас, учились дети, которых родители забирали на выходные, и нормальные дети, те, которые приходили к нам, как в обычную школу.

В детдоме мы постоянно дрались с городскими. Причин было много, например, мы им откровенно завидовали: они были лучше одеты, более свободны в прямом смысле слова. После школы могли пойти куда угодно, а мы строем возвращались в детдом и выйти могли только на следующее утро. Наверное, поэтому мы часто убегали, и нас так же часто наказывали. Причем всегда строго. Доходило до того, что отбирали всю одежду, и мы голые сидели в классе.

В школе-интернате было получше. Может, потому, что, кроме воспитателей, здесь уже что-то делали родители наших одноклассников. И мы были как-то спокойнее, не чувствовали себя оторванными от мира. Ведь ребята, которые приезжали в интернат в понедельник, рассказывали, что увидели, что узнали, что пережили.

Хочу рассказать о школе-интернате, где учились все вместе и приходящие

ежедневно, и живущие неделю, и мы. Мне лично нравится этот тип школ, где нет различий между городскими и детдомовскими детьми. Почему?

Я бы многое не узнал из того, что я знал к моменту выхода из школы, если бы не общение с городскими ребятами. Все-таки любая замкнутая система без влияния извне изживает себя. Взрослый шеф у каждого ребенка — это хорошо. Но ровесник тоже не последнее звено в цепи реабилитации. Да, да, ведь когда ребенок узнает, что он без родителей, — это травма. Я лично до сих пор стесняюсь называть себя сиротой.

Мне уже двадцать семь лет, а я ни разу не видел своих родителей, хотя знаю, что они живы. Оба скитаются по тюрмам.

Окончив школу, работал я на заводе, потом служил в армии. Когда вернулся, начались мои мучения. Сейчас нигде не берут на работу без прописки. А где может прописаться бывший детдомовец? Вот после армии многие и «ломаются». Девчатам немножко легче: они оканчивают школу, у них школьная прописка, так как в шестнадцать они еще учатся.

Может быть, стоит попросить детдомовцев написать, что они сами думают об этом? И как можно помочь в этом плане тем, кто сейчас живет в детдоме?

Мой адрес: 309103, Белгородская область, Белгородский район, поселок Майский, ул. Вавилова, 20, кв. 218. Черняк Александр Анатольевич.

✉ Все началось с обыкновенного шефского концерта, который давали мы со студентами в одном из детских домов Московской области. Подобные выступления нашего симфонического оркестра на предприятиях, в школах — дело привычное. Но нередко бывает так, что аудитория не настроена на восприятие серьезной музыки и поездка наши оказываются мероприятием «для галочки». Этот же концерт не был похож на все другие. Давно мы не видели таких благодарных, таких отзывчивых слушателей, давно у нас не было с ними такого духовного контакта, хотя вещи исполнялись вовсе не простые. Вот тогда каждый из нас, участников этой поездки, и задал себе вопрос: а что я — студент или преподаватель Государственного музыкально-педагогического института имени Гнесиных — могу сделать конкретно для этих детей? И пришло решение: пойти в детский дом и организовать там постоянные занятия музыкой.

Обратились за советом в районный

отдел народного образования, но там лишь недоуменно пожали плечами: «И зачем вам все это нужно? Мы рабочих должны готовить, а не музыкантов». Но мы ведь и не собираемся готовить профессиональных музыкантов. И разве наделенный музыкальной культурой рабочий — это плохо? В Главном управлении народного образования Москвы, куда мы пришли с ректором нашего института профессором С. М. Колбковым, нас поддержали, помогли связаться с детским домом № 50. И вот уже полгода пять раз в неделю мы встречаемся с ребятами. Заказываем автобус и везем детей к себе в институт (есть у нас школьный музыкальный абонемент, для детского дома он бесплатный) или же сами ездим к ребятам. Занятия (пока только в одной группе) ведем начиная с первого класса. Для студентов это практика, а для ребят — окно в музыкальный мир, окно, которое для них было закрыто.

Убежден: нет детей совершенно невосприимчивых к хорошей музыке, а есть такие, которых этому не научили. И потому главную задачу мы видим не в репетиторстве, хотя каждый наш ребенок сможет научиться играть на том инструменте, на каком пожелает, а в просветительстве. Интерес и любовь к нашей фантастически богатой национальной музыкальной культуре — вот что мы хотим пробудить. Но при так называемом массовом охвате слушающей публики это не получится, нужно глаза каждого слушателя видеть, нужен индивидуальный, если можно так выразиться, поштучный подход к каждому ребенку. И никакого принуждения, главный стимул — только интерес. Если я вижу, что дети на занятии начинают зевать, значит, сам преподаватель виноват, значит, сам я что-то не так делаю.

От азоров музыкальной грамоты, познаваемой в игре, до понимания сложных форм — такой путь пройдут наши дети за восемь лет систематических занятий. Уверен, они много дадут и студентам. Для них это будет действительно педагогическая практика. мечтаю, что они подружатся с ребятами, будут заниматься с ними не только музыкой, но и вместе ходить в театр, на выставку, в зоопарк, будут говорить с ними о жизни.

Мы должны стать для этих детей духовными пастырями.

Юрий СПЕРАНСКИЙ,
заслуженный деятель искусств
РСФСР,
профессор Государственного
музыкально-педагогического
института имени Гнесиных

ТРУДНЫЕ
ПИСЬМА

В стране создается Советский детский фонд имени В. И. Ленина — массовая народная организация, которая должна помочь детству. Во всех отделениях госбанка и сберегательных кассах открыт счет № 707 Советского детского фонда имени В. И. Ленина.

707

ФЕДОР СУХОВ

Ищу я уединения
И не ищу одиночества.
Воспринимаю как невидаль
Снежинку, что по ветру носится.

Что кружится, кружится,
кружится,
Порхает на заячьей последи
И, замирая от ужаса,
К моей прикасается проседи.

К моей седине прикасается
Волшебное великолепие,
Как будто на последи заячьей
Распластаны крылышки лебедя.

А может быть,
белого голубя?
Его замирает дыхание.
К угрюмо темнеющей проруби
Весна надвигается ранняя.

Проталиной утренней теплится
На каменистой угорине...
Воспряло поникшее деревцо,
В синичьем купается гомоне.

Я сам утопаю в серебряном,
Неутихающем посвисте,—
Уединенная вербина
В ольховой кручинится рошице.

Слезами горячими светится
В непозабитой уремине,
Печали кукушечьей вестница
К притихшей припала черемине.

Дышит на ладан старуха зима,
Утихомирились, сникли метели,
И никакая уже кутерьма
Не потревожит мой низенький терем.

Не заметожит приступок крыльца—
Нежится солнце на этом приступке.
Ходит,
девчоночья бродит краса,
Кажет себя сизокрылой голубке.

И к воробью приближает себя,
Жарко пылают девчончьи щеки...
Вербы, умильно слезясь,
серебрясь,
Слушают сказки болтливой сороки.

Слышат, как сыплется звон-перезвон
Неугомонной синички-сестрички,
Долго не может прийти в угомон,
Все гомонит по давнишней привычке.

Все-то тревожит синичка себя,
Радует вербу,
милует осину
И веселит моего воробья,
Мол, перемыкали зимушку-зиму!

Дышит на ладан старуха зима—
Ждет своего недалекого часа.
Расхорохорилась синь-синева,
Повеселела ольховая чаща.

Вышел к крылечку петух-петушок,
Смотрится в светлые-светлые лужи.
Дробно стучит—не его ль?
— посошок,
С самого раннего утра каплюжит...

Скворцы прилетели. Скворцы
Свои обживают скворечники.
И девица дивной красоты
В веснушчатом рдеет орешнике.

Не девица—
рдеет заря.
Взирает на равнину ростепель.
Видать,
не напрасно,
не зря
К серебряной клонится россыпи.

В каплюжине видит себя,
В ее невеликой горошине,
Бодрит,
веселит воробья,
Речами милует хорошими.

И не милует
скворца—
Не ведает роздыха скворушка.
А поблизь,
лобаста, пестра,
Великая горбится
горушка.

А поблизь горланят грачи,
Базарят в озляшем березнике.
Выходят на волю ручьи—
Мои колобродят
подснежники.

Заморозок

Он придержал,
он прихвятил
Весенней прыти иноходца,
Он пыл его охолодил,
Его он норов окатил
Звеньями серебром колодца.

Звенит литое серебро,
Хрустит под конскими ногами.
Я сам звенящее добро,
Переходя речушку аброд,
Топчу своими сапогами.

Я вроде печенег, я
Все разбиваю,
все-то рушу...
Стоит рассветная заря,
Она,
наверное, не зря
Свою оплакивает душу.

Скорбит о попоранном дворце,
Об оскверненном плачет храме,
Вздыхает о своем скворце,
Что на возвышенном крыльце
В грачинном пребывает грае.

Кричат— без умолку—
грачи,
Горланят в ивняковой пуще,
Чтоб приутихшие ручьи
Светло бежали по Руси,
В неударжимом бились буйстве.

Неутоленные поля
Живою утолили влагой
И,
ничего-то не боясь,
Мои взбодрили тополя
Своей неслыханной отвагой.

На хуторе Загорье

...А дети ждали— вот отец
Протянет к полке руку...
Отец первейший был кузнец
На сельскую округу.
Тянулся люд из деревень
К нему с нуждой-заботой.
У наковальни долгий день
Он истово работал.
С железом мастер был в ладах
И гнал взавшей усталость,
Стучал до грохота в висках,
До ломоты в суставах,
И вечерял после труда
Без суеты и с толком.
А дети маялись: когда
Он снимет книгу с полки?
Стояло книг на полке той,
По нашим меркам, малость—
Некрасов, Пушкин и Толстой,—
Но каждая читалась.
На донце в лампе керосин,
Смежаются ресницы,
Но весь вниманье старший сын,
И шелестят страницы.
Окрест ночная тишина,
Уснуло заозерье.
Светились окна допоздна
На хуторе Загорье.
В том нету спору, что поэт
Рождается поэтом,
Но, может, скромной полки свет
Стал путеводным светом.

...И навалилась на село
Тревога из тревог:
Проселки напрочь развзвло,
Как не было дорог,
В дугу сгибаемая силой злой
Вершины тополей,
Теснились тучи над землей
Одна другой темней.
Дождь уставал,
опять хлестал—

Так десять раз на дню.
А в поле хлеб перестоял,
Хлеб гибнул на корню.
С утра гудел в райцентре зал,
Как в колее «КамАЗ»,—
Штаб комсомольский заседал
Уже не первый час.
С налета дождь стучал в стекло,
Под бойкий треск речей
Сползали капли тяжело,
Иной слезы горчей.
...Привиделось:

порог в пыли,
И поперец дверей:
«Райком закрыт...»,
И: «Все ушли...»,
И: «Хлеб спасать с полей».

Едем в Мирный

Зимник скользкий, осторожно,
Друг-шофер, крути-верти.
Едем в Мирный.
Сколько можно!—
Третий Мирный на пути.
Мы неделю колесили
И опять, как в первый день.
Выдумка иссякла или
Шевелить мозгами лень?
Мне шофер, мужик занятный,
Межрайонных трасс мастак:

«Есть ли в Штатах,
пусть заштатный,

Город, чтобы звался так?»
А потом— мороз по коже!—
Срезал поворот крутой.
Надрел ему, похоже,
Я свою воркотней.
Говорю: не нужен атлас,
Без него готов ответ—
Города такого, ясно,
В Штатах не было и нет.
Едем в Мирный.
Вьюжный вечер,
Все трудней нащупать след.
Пробивается навстречу,
Виден достижимый свет.

Рейхстаг в мае 45-го

В. Субботину

И траков ляг, и посвист мин,
И плач бероз, и стон рябин,
И, наконец,— победа!
А он— Субботин— брал Берлин,
И сам о том поведаль,
Когда остыл накал атак,
Фашисты руки в гору,
Земляк наведалься в рейхстаг,
Их главную контору.
И, обходя за залом зал,—
Был чад прогорклый сладок,—
Он в учреждении застал
Ужасный беспорядок.
Все поэтажно оглядел,
В одном из кабинетов
Солдата встретил, тот сидел,
Махрой дымил при этом.
Лежал усталый автомат
На гербовой бумаге.
Спросил: «Что делаешь, солдат?»
«Сижу,— сказал.— В рейхстаге».

Мамина песня

Вспоминая,
Вспоминая,
Деревенский старожил,
Сам того не понимая,
Душу мне разбередил.
«Голосистой да пригожей
Помню матушку твою...»
Ты запомнил, может,
С кем-то слутал, говорю.
Он свое, что помнит юной,
Раскрасавица была
И на все село певуньей
Самой первой слыла,
К ней сватов своих задаром
Спал торгаш и мельник слал.
Продотрядовец с наганом
Ухажеров распугал.
«Он умчал отселе девку,
Помню, парень, наизусть
До сих пор ее запевку,
Коль не веришь— побожусь...»
За окном ольха скрипела
И гудели провода.
Я не слышал, чтобы пела.
Мама пела,— никогда.
В час веселья— стол качало!—
Под гармошку и питье,
Пели все.
Она молчала,
Словно не было ее.
...Радиоле в клубе тесно,
Над селом грохочет власть.
Почему так рано песня
Мамина оборвалась...

Лидия ОРЛОВА,
главный редактор
«Журнала мод»

МУЖЧИНЫ,

Ваш

ВЫБОР!

Когда мужчин всерьез стала занимать мода? Привыкнув считать, что она их мало интересует, мы едва не просмотрели этот момент.

Мужской костюм-тройка царствует в мужской моде уже второе столетие. Поэкспериментировав с длиной и объемами, он вполне стабилизировался, превратившись в нечто настолько застывшее, что мы уже почти не обращаем внимания на всевозможные новации, касающиеся лацканов, ширины брюк, формы воротничка.

Привычный мужской консерватизм поколебали женщины, которые весьма решительно забрали в свой гардероб все, что доселе считалось исключительно мужской одеждой. Брюки, пиджаки, жилеты, сорочки, галстук, кепки, шляпы — что еще? Пуловеры, свитеры, куртки, пижамы... Все это весьма успешно женщины приспособили к себе, сделав за счет этого невероятно разнообразной свою деловую, спортивную,

домашнюю и даже праздничную одежду.

Мужчины пытались вяло сопротивляться, говорили, что брюки женщинам нельзя носить, что в брючном костюме женщина становится похожей на мужчину... Но разве женщин так уж интересовало их мнение? Они выставляли свои неотразимые аргументы: если нам можно заниматься мужской работой, то почему нельзя носить мужскую одежду, которая для этой работы гораздо удобнее женской? Джинсовая мода довершила «грабеж»: ковбойские брюки оказались одеждой вне пола, они одинаково хорошо смотрелись и на женщинах, и на мужчинах. Мужчины стали проявлять интерес к одежде, которая не сковывала бы их, к одежде свободной и комфортной. И хотя костюм для многих мужчин по-прежнему единственная и в какой-то степени обязательная деловая одежда, многие из них стали отдавать предпочтение курткам, блузонам, жилетам, которые носят

вовне самостоятельно, независимо от костюма. Мужчины все чаще отказываются от одежды темных, мрачных тонов.

Любопытно, что проводящийся два раза в год Европейский салон мужской моды фиксирует постоянно растущий интерес к мужской моде. Так, например, в 1985 году Клод Мизери, президент Федерации французской мужской моды, отмечал, что если рынок женской одежды достиг точки насыщения, то рынок мужской одежды еще расширится на 50 процентов. «Наша статистика говорит о том, что 65 процентов мужчин все еще индифферентны, но 35 процентов пристрастились к моде — это вселяет надежду. Из этих 35 процентов четверть на разные случаи надевают разные вещи. Они знают, как сочетать цвета, подыскивают новые разнообразные атрибуты, вообще им просто нравится наряжаться. И, наконец, 10 процентов полностью раскованны и не останавливаются ни перед чем, они настоящая движущая

сила, «возмутители спокойствия».

В коллекциях, которые были показаны на Салоне, мужчинам предлагается не просто более удобная, мягкая и объемная одежда, но и более яркая. Набивная ткань, вышивки, пастельные тона, полоски любой ширины. Примечательно, что уходят галстуки, кроме тех, которые носят с ослабленным узлом. Свободные, пузырящиеся на коленях брюки, конусом сужающиеся к лодыжкам. Короткие, с округленными плечами куртки. Широкие и просторные рубашки, яркие майки. Вместо курток можно носить жилеты.

И экзотика — индийская у Кензо, китайская у Монтаны, гавайская у Кастельбажака. Гольтье, необузданный авангардист французской моды, утверждает, что времена изменились и идеал настоящего мужчины 30—40-летней давности устарел, так же как и костюм-тройка: «Он мрачен. Сейчас мужчины хотят быть в согласии с собой и своей одеждой. Им нужна одежда, выражающая их личности...

Мода — это игра, набор кодов». Гольте утверждает, что мода все больше становится бесполой.

И хотя французы, искусные в отношениях с модой, склонны опережать события, все же они хорошо чувствуют новые тенденции в том, как сами мужчины начинают относиться к одежде. Они оценили преимущества свободного, раскованного комплекта и вряд ли теперь откажутся от него. И хотя пока по-прежнему мужчины вынуждены носить традиционный костюм, они при любой возможности стараются оставить его в шкафу... В том случае, когда сделать это им не удастся, они пытаются внести в него некие черты вольности, устраняя традиционные пережитки «хорошего вкуса», требующего, к примеру, чтобы в кармане пиджака находился платок из ткани галстука или чтобы все — и обувь, и носки — было в тон костюма...

Думается, что знаменитый мужской консерватизм в отношении к одежде не что иное, как попытки застраховаться от ошибок, могущих ранить чрезвычайно болезненное мужское самолюбие. Но не только. Станным образом сложилось представление, что уделять внимание своей внешности — занятие легкомысленное, несерьезное и простиительно только женщинам. Представление обывательское, потому что все по-настоящему серьезные, деловые мужчины умели и одеждой, и всем обликом поддержать свою репутацию. Но никогда не позволяли себе вести разговоры «о тряпках», о моде — вот сами эти разговоры они считали недостойными мужчины. Они ограничивались минимумом информации о моде и следили — как

бы невзначай — лишь за шириной брюк, размером лацканов и формой воротничка сорочки. Но, судя по всему, скоро этого станет недостаточно для того, чтобы идти в ногу со временем, и мужчине волей-неволей придется осваивать премудрости того, что довольно общо и малопонятно называется культурой одежды.

Как всякая культура, культура одежды включает в себя очень многое, и прежде всего определенный уровень общей культуры. Мы же хотим подчеркнуть одну из главных черт культуры одежды: умение соотносить свой костюм со своими внешними данными.

Казалось бы, какие проблемы могут быть у высокого и стройного мужчины? Но и он, выбирая себе костюм, должен быть осмотрительным: если, к примеру, он наденет двубортный костюм, застегивающийся лишь на одну пуговицу, он рискует показаться нескладным, чрезмерно худым, или, как говорят, длинным. Гораздо больше ему подойдет тот же двубортный пиджак, но застегивающийся на две пуговицы плюс еще две верхние, декоративные, — такой пиджак оптически расширит грудь и как бы уравновесит пропорции фигуры. Надо иметь в виду: чем больше пуговиц, тем лучше смотрится костюм на высоком человеке и тем хуже — на низком, к тому же еще и полном. По этому правилу желательно, чтобы однобортный пиджак высокого мужчины застегивался минимум на три пуговицы, тогда как приземистому мужчине будет достаточно одной.

Все дело, как вы понимаете, в пропорциях — костюм должен либо не нарушать их, если человек хорошо сложен, либо сглаживать, подправ-

лять, если фигура его сама по себе непропорциональна. Поэтому высоким лучше не носить излишне длинные пиджаки, им рекомендуются комбинированные комплекты — пиджак из светлой или клетчатой ткани, а брюки темные. А вот полосатый костюм высокому мужчине пойдет только в том случае, если полоска будет скромной, едва заметной.

Пропорции фигуры нарушатся, если высокий мужчина будет носить излишне узкие брюки, если опрометчиво последует здесь указаниям моды: вид у него будет, мягко говоря, забавным, так как размер обуви у высоких мужчин отнюдь не маленький. Значит, надо соразмерять ширину брюк с величиной ботинок. Придется шляпу выбрать с низкой, а не с высокой тульей, чтобы она не прибавляла лишнего роста.

Этого же принципа — сохранения пропорций — должны придерживаться и полные невысокие мужчины. Однобортный пиджак с одной пуговицей, ткань без рисунка или в полоску (только не широкую!), брюки без манжет, желательно того же цвета, что и пиджак. Ширина брюк даже при настоячивых требованиях моды не должна быть чрезмерной, иначе фигура будет казаться еще более приземистой.

Если мешает живот, придется носить костюм-тройку. Жилет поможет в какой-то степени «подобрать» фигуру, оптически уменьшит полноту. Надо быть осторожным и с яркими, броскими дополнениями, и с остроумными деталями — привлекать внимание к себе можно лишь в том случае, если оно будет вам не во вред.

Мы все время говорили о костюме традиционном, классическом. Но

если мужчина предпочитает спортивный стиль? В этом случае законы все те же. Только одно важно: спортивный костюм требует спортивной фигуры. Расплывшуюся фигуру можно в какой-то степени замаскировать свободной, нараспашку курткой в сочетании с вязаным жилетом или пуловером, но, может быть, все же имеет смысл вместо этой сомнительной маскировки заняться собой? Сбросить вес, укрепить мышцы?

Уверенность в себе — она важна для мужчины — во многом зависит от того, в какой форме он находится, как одет, как выглядит. И все же при всем желании избежать досадных просчетов во взаимоотношениях с модой, наверное, иногда стоит идти на определенный риск, заменяя опасливую консервативность поиском, традиционность — экспериментом, зажатость — раскованностью.

Но в любом случае это должна быть не та раскованность, которая близка небрежности, а тем более неярливости. Это раскованность человека, знающего меру, имеющего вкус и понимающего, что одежде следует выбирать соответственно ситуации.

Образцы одежды, представленные на этих страницах, разработаны художниками-модельерами Московского Дома моды на основе отечественных тканей. Авторы моделей — Людмила Павлова, Вячеслав и Егор Зайцевы.

фото Вячеслава Зайцева

Воля ваша, но от них как-то веет больницей.

И дело не в ветхости их одежд, напоминающих пижамы и халаты. Не в странном рисунке привыкших к вымученным усмешкам обескровленных губ на бледных лицах. И не в гамме сопутствующих медицинских ароматов: спирта и прочих составных самых разных «эликсиров» — от портвейна до «джэфа»...

Из обязательных внешних атрибутов самой определяющей — волосы. Стянутые лентой (или обручем), зачесанные за уши (в левом может быть серьга...), разбитые на прямой пробор (а-ля Леннон), заправленные под воротник («не дразнить обывателя»), перехваченные резинкой в «конский хвост»...

Но непременно длинные, до лопаток. Немытые. Это знамя. Символ. Знак.

Их когда-то так и звали — волосатики. Насмешливо. Неприязненно. Порой зло.

Хиппи. Мне, признаюсь, нелегко сохранить объективность. Потому что и сам в свое время прошел искушение всем этим... Но поезд давно ушел, все позади, все в прошлом...

Но вот что удивительно: оказывается, некоторые остались на перроне. Хотя билеты были доступны всем.

Начальник Фрунзенского районного штаба КООД Владимир ФЕДУЛОВ:

— Есть на самом деле своего рода «могучая кучка» старых хиппи, которые четвертый десяток разменяли. Этих ветеранов горстка. Но они не теряют друг друга из вида, куда бы их ни закинуло.

И все же истых хиппи гораздо меньше, чем может показаться москвичам. Просто для сборов своих они выбирают места если и не самые людные, то на виду. Раньше это было самое начало улицы Горького. Затем «тусовочный центр» переместился выше — на Пушкинскую площадь. Сегодня все их сборы вне территории нашего района.

За хиппи часто принимают битломанов. Отчасти потому, что среди последних хиппи попадают, а сами хиппи исповедуют идеи и музыку «Битлз» чуть ли не поголовно. Как бы то ни было, многочисленную армию почитателей творчества Леннона — Маккартни нельзя рассматривать как разновидность хиппи. Потому что хиппи — прежде всего нигилизм самого мрачного окраса.

Непросто ответить на вопрос, какова причина прихода молодых людей в унылые ряды хиппиствующих. Инфантильность? Быть может, но только отчасти. Мода? Про хиппи сегодня этого не скажешь. Корысть? Тоже вроде нет. Хотя позиция хиппи явно иждивенческая. Попрошайничество — едва ли не единственный способ зарабатывать на жизнь. Это у хиппи называется «жить на аске».

...Одно время мне казалось: хиппи исчезли совсем. Перевелись. Как мамонты. А позапрошлым летом на концерте индийского гитариста Рави Шанкара в зале Чайковского увидел я «тьму и тьму» длинноволосых всех мастей.

Неужели ренессанс? Вернее, рецидив? Откуда эти полузабытые словечки? Складывающиеся в старые лозунги Make love, not war (занимайся любовью, а не войной)? Но ведь этой самой Любви в так называемой «системе» никогда не было!

Приходили в «систему» люди разные. Некоторые — с известными на всю страну фамилиями отцов и матерей — вырывались из душившего их ковроухрустального комфорта многокомнатных квартир. (Или, быть может, «сынки» да «дочки» просто с жиру бесились?) А бывало, придет обиженный человек. Его выслушают, дадут какой-

нибудь кров, купят булку, поделаются... портвейном. Глядишь, и «травкой» угостят. Бескорыстно. Так принято было.

Нет, никто ничего не навязывал. Не хочешь — не кури. Не нравится — не пей. Не привык — не глотай таблетки... Но чаще затыгивались, хлебали, глотали... Хотелось быть «своим».

Самое удивительное, что, калеча сверстников, приучая к наркотикам тех, кто помладше, матерые хиппи казались себе чуть ли не святыми!..

Нынешних хиппи можно, правда, весьма условно, разделить на три категории. Это три формы одного недуга.

«Могикане», которые поражены настолько основательно, что не вылечило их ни время, ни принудительная терапия родственников (здесь эффект зачастую был обратен ожидаемому). Их верность идеалам («свободная любовь», «полеты наяву», пацифизм как оправдание аполитичности, попрошайничество как воля духа) питает столь необходимую веру в свою исключительность, с помощью которой эти «мастодонты» убивают в себе желание вернуться в общество.

И не только в себе. Они заражают хиппи-вирусом совсем еще незрелых девчонок и мальчишек, составляющих, кстати, самую значительную (в количественном отношении) категорию хиппиствующих — неоhipпи.

Из протокола допроса юноши 1968 года рождения:

«В 1983 году в 8-м классе я стал появляться на Пушкинской площади, увлекался «панками». Увлекался я этим стал потому, что не находил в жизни удовлетворения, с родителями у меня были плохие отношения. Я покрасил свои волосы зеленой, поставил себе гребенку, вставлял булавки в щеку, в уши. На Пушкинской площади мы пили пиво, слушали музыку, нецензурно выражались... В этот пери-

од я ни разу не задерживался и не доставлялся в милицию. В сентябре 1985 года я начал увлекаться молодежным течением «хиппи». После окончания школы стал бродяжничать... В августе 1985 года устроился в НИВЦ МГУ препаратом, там же и выбыл из коимсомола по собственному желанию, так как я верю в бога и считаю комсомол несостоятельной организацией. На работу я мог не выходить, прогуливал. 20 апреля 1986 года я взял отпуск за свой счет и уехал в Пицунду. Там я жил в горах с друзьями, мы собирали цветы, крапиву, которую ели, загорали. ...С работы уволили 21 мая 1986 года. С середины октября 1986 года я живу у друзей... нас 11 человек, из них две девушки. В квартире у нас есть магнитофон, книги, гитары, губная гармошка, флейта и т. д. С 23.00 порядок общественной мы не нарушаем, никто на нас не жалуются... Деньги, одежда и еда у нас общие, у нас есть совет, который решает конфликты...»

Хипповое мироощущение привлекает обещанием безболезненного, пассивного Ухода, который они, кстати, и зовут Любовью. Бегство от неудач да пердряг, от своей слабости и неприспособленности, семейных неурядиц, проблем секса (отсюда и «свобода»!), неприятностей и сложностей. Как приятен и лестен намек на идеалы! Столь же дурманящие и неуловимые, как дымок «травы», обещающий точку опоры вне себя. Расплывчатые идеи привлекательны, если вслушиваться в них, как в восточную музыку, не пытаясь понять, а лишь недоуменно и восторженно внимая глухому перестуку табы и прозрачному перебору ситаров.

Не оттого ли уходят, что податься куда-нибудь надо, а куда? Клубы и дискотеки не всем по нраву. «Дружба во дворе» осталась в пятидесятых вместе с дворовыми песнями.

...Медицина описывает такой тип бациллоносителя, который, не страдая от хвори сам, представляет угрозу для окружающих, заражая их той самой гадостью, которая ему-то ничем... Вот вам и третья категория хиппи. Говорящие слова, в которые они не верят сами, и меняющие респектабельные «дневные» костюмы на вытертые одежды для вечеров. Хиппи как хобби, так сказать. Нет, они не симулянты, они болеют. Но легко, без осложнений. А вступающие с ними в контакт рискуют, коль скоро нет у них иммунитета, способа нормативной регуляции действий, целостной системы воззрений.

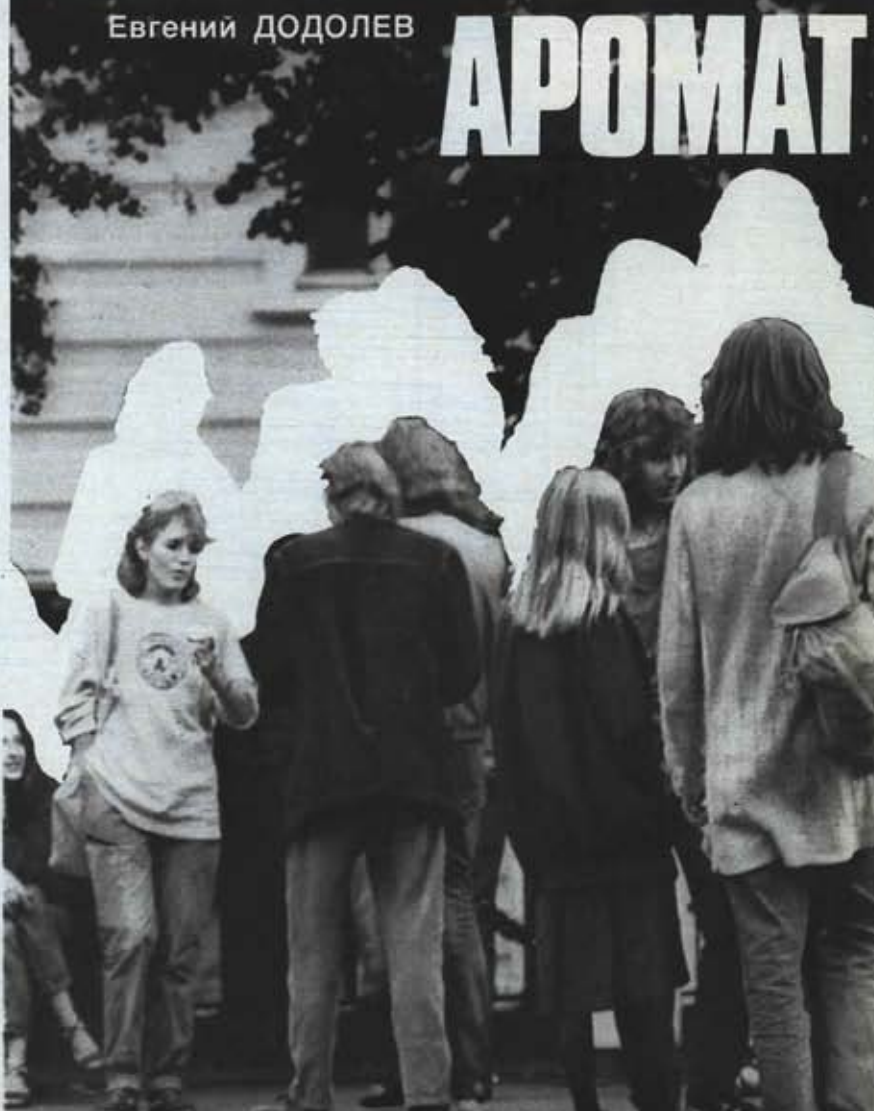
...Пасмурным, ветренным днем я зашел в «Скрипку» (так хиппи называют уютное кафе на Арбате). Дюжина ветеранов, возвращаясь из Коктебеля в город на Неве, встречалась в тихом московском кафе со своими столничными собратьями. И я рассчитывал, воспользовавшись случаем, повидать кого-нибудь из «старых». И в расчетах своих не ошибся. Хотя Женю «Свита» я не сразу узнал. Немудрено — не виделись бог весть сколько.

Слово за слово, выясняется: «Свит» по-прежнему живет с родителями. (Папа у Жени — академик, мама в прошлом — балерина.) Учился в матшколе, при этом вполне грамотно музицировал на нескольких инструментах. Короче, мальчик из «хорошей семьи». В девятом классе попал к хиппи. Лучшие годы. Последние каникулы пробежал босиком, в драных джинсах, путешествуя из Москвы на Кавказ, а от Черного моря к морю Балтийскому. Осенью милиция вернула блудного сына в квартиру на Кутузовском проспекте, которой предстояло выдержать не одно нашествие Жениных команд. Благодаря палиным усилиям аттестат зрелости Евгений получил-таки. И... укатил на рок-фестиваль в Тарту. За-

Евгений ДОДОЛЕВ

АРОМАТ

О недостатке социальной активности молодежи немало говорилось на XX съезде ВЛКСМ. Возможно ли в эпоху решительных перемен нашей общественной жизни бездействовать, влачить унылое существование крайнего индивидуализма, хоть и сбиваясь в группки, но все-таки в группки индивидуалистического толка? Увы, такие группы существуют. И у нас в стране есть те, кто называет себя «хиппи». Само по себе это явление возникло на Западе как протест против ненужности, на которую обречена часть западной молодежи. Но каковы причины возникновения этого мировоззрения у некоторых наших молодых? В материале, который мы публикуем, сделана попытка дать анализ этого явления. Как показала жизнь, всякие тенденции и умонастроения молодежи, даже негативного свойства — а может быть, негативного свойства прежде всего, — требуют пристального изучения. Они должны как можно скорее стать достоянием гласности.

крутился муторный летний калейдоскоп: поезда, сон вповалку на запыленных полах, десяток новых кличек на старый манер, мамы драгоценности, превращенные в бутылки портвейна, палины часы — в пачки лекарств, опять ночные поезда, забинтованные запястья, рваное кепи с надписью Sweet, дымок «косяков», ташкентские отделения милиции, стоптанные сабо, островки йода в пульсирующей ручьях вен, концерты «Високосного лета», драки с обитателями окраин, где эти концерты грохотали. И снова поезда.

Спасла Женю армия. Хоть прослужил-то он всего около года — комиссовался. В «кодексе чести» считалось существенным уклоняться от службы (а как же — «любовь, а не война!»). И среди нынешних хиппи многие «косят» — увиливают от армии под предлогом недугов, чаще душевных.

Покорившись, «Свит» взялся все-таки за ум. Проучившись худо-бедно семь лет (дважды брал «академку»), Женя получил диплом. Сейчас «свет доброе, разумное, вечное» в средней школе. Так-то. Интересно, как он находит общий язык со своими учениками?

— А-а, брось, они не такие. Снобы до мозга костей! Брейк там, чечетка какая-то. А музыка? Итальянцы... Бывший хиппи недоуменно пожимает плечами. — Заражены везицизмом, самоуверены по-глупому. Ценят друг друга по одежке. Не верят ни во что стоящее...

Вот так вот. Теперь уже «Свит» судит тех, кто моложе его. Сам в молодые годы больше всего нуждался не в суде, не в холодном взгляде со стороны, а в элементарном внимании, понимании, и на тебе. Не хочет. Ничего не хочет: ни вникнуть в проблемы нынешних молодых, ни разобраться в их истоках... Куда приятнее бесконечное пережевывание прошлого без всякой попытки понять, что же в нем было и почему результаты столь плачевны...

— Помнишь, — наваливается «Свит» джинсовой грудью на столик, — ведь в самом деле «все было впервые и вновь»...

Помню, разумеется. Латаные джинсы, грива до плеч, слэнг — значит, ты «свой». Измерение, выдуманное напуганными словом «жизнь». Она проходила мимо. А хиппи мчались в пространстве, влекомые синдромом перемены мест, и не замечали, что это бег по кругу. Застывшее время. Песни протеста... против угнетения краснокожих, коренных жителей Америки. Сопричастие? Ко всему, что не рядом.

Инструктор МГК ВЛКСМ Андрей СУЛЕМОВ:

— Некоторые хиппи утверждают: наш лозунг — общность душ. Но о каком единстве мыслей и целей может идти речь, если цели нет вовсе, а мысли-то все о том, что было вчера...

О чем беседуют длинноволосые философы? Где, какая была «тусовка». Кто был. С кем. Как было. И как могло быть, если бы... Редко услышишь «почему». А вот задуматься, почему к ним идут, — дело стоящее.

Парадокс в том, что они никого к себе не зовут. Нет жестких правил игры. Нет и аутсайдеров. Вот что заманчиво для неуверенных в себе молодых людей. Отсутствие прав на ведущую роль компенсируется отсутствием обязательств по отношению к «собратьям». Именно поэтому так много среди хиппи людей надломленных, а то и просто инвалидов. В прямом смысле слова совсем еще юноши, имеющие инвалидность всех групп...

В своем обращении в МГК ВЛКСМ «По поручению группы друзей» лидеры «системы» А. Подберезский («Сталкер») и Д. Нефедов («Генерал») пишут: «Объединение наше довольно разнообразно по составу и весьма многочисленно». Среди негативных сторон движения указаны ставшие притчей во языцех, когда речь заходит о хиппи, «наркотики, тунеядство». Вряд ли уместно закрывать на это глаза и принимать тезис о том, что «именно эти моменты, присущие отдельным лицам и не определяющие действительной картины, привлекли к себе наибольшее внимание и сформировали предвзятое отношение к объединению». Сухие цифры

камня на камне не оставляют от скромных полупризнаний относительно «отдельных лиц» и «предвзятого отношения». Цитируя Маркса: «Свободное развитие каждого есть условие свободного развития всех», вожаки хиппи не поясняют, что именно понимается под «свободным развитием». Свободная любовь? Или она уже не в фаворе среди хиппи?

Сами «системщики» признают: «Каждый год к нам приходит много молодых людей. Нам хочется, чтобы их не увлекли негативные тенденции, к сожалению, пока еще существующие в нашем объединении». Вся беда в том, что эти тенденции, по существу, являются неразрывными внутрисистемными связями. Похоже, если «системе» удастся изжить пороки, она самоликвидируется. Ей не на чем будет держаться.

...«Помнишь, помнишь...» Перебивая друг друга, вспоминаем всех апостолов, вожаков. Юра Бураков по слухам работает сторожем в Тбилиском зоопарке. Последний раз я видел «Солнце» лет пять назад в Елисеевском — короткая, хотя и не сказать что аккуратная стрижка, мятый костюм — какие там джинсы! — лицо еще более потрепанное, нежели пиджак. Опустившийся Будда, слившийся Христос. «Алена» Петров, поговаривают, организовал подпольную фирму по пошиву штанов, которые были когда-то одним из отличительных признаков «избранности». «Фил» пошел по стопам родителя — снимается в кино. Может быть, когда-нибудь Филипп сыграет роль человека, вспоминающего свою юность и пытающегося ответить на вопрос «почему?». «Джеймса» сейчас проще увидеть на экране телевизора в новогоднем шоу, нежели на улице Горького. Да и «Уайт» не расстался с гитарой... Но, честно говоря, я был удивлен, увидев его на эстраде гостиничного ресторана-люкс. Он развлекал тех, с кем в свое время призывал вести непримиримую борьбу до второго пришествия. А Юра Фокин забросил рок. Легендарный барабанщик, игравший вместе с Андреем Макаревичем, Александром Градским и Ста-

сом Наминым, сбежал в монастырь. Этот же русский монастырь в заоканской державе приютил и основателя лосностровского филиала «системы» Лешу Фрумкина по кличке «Фрося». «Скорпион» снова отправился в места, которые называют не столь удаленными. Опять наркотики. «Серая Шейка», похоже, стал завсегдатаем психиатрических лечебниц: он так и не смог прийти в себя после табаки «Яны». Она, увы, не единственная, ушедшая из «системы» под музыку рваных вен. Повесился «Виннету». А Варварин выбросился из окна...

Мы оба как-то резко смолкли. — Ладно, тезка, пойдем, что ли, — вздохнул «Свит». — Мне порой снится сон... Дурацкий в общем-то, но один и тот же, понимаешь? Будто сижу я в «Аромате», на Суворовском. И кто-то, как водится, читает стихи на салфетках. А кто-то делает из них цветы навряд бумажных корабликов... Потом в метро, снится мне, достаю их из кармана, разворачиваю «розу», читаю и ничего не пойму. Буквы, слова по отдельности, все разбираю, но ни черта смысла нет! И думаю: все, сошел с ума, «крыша поехала»... Неприятно как-то.

Заведующий сектором Всесоюзного института по изучению причин и разработке мер предупреждения преступности В. В. ПАНКРАТЬЕВ:

— Вряд ли оправдан разговор о хиппи как о некоей обособленной проблеме. Поскольку движение это за двадцать прошедших лет несколько раз перерождалось. И сегодняшних хиппи, хотя они того или нет, невозможно сравнивать со своими предшественниками, «поднявшимися» на антивоенных выступлениях в конце шестидесятых. Потому что изменился мир, их окружающий. Сейчас хиппи связаны с иными группами не только потому, что последних появилось за прошедшие годы достаточно много, но и по той простой причине, что происходит постоянное взаимопроникновение этих движений. И к хиппи часто примыкают «выбывшие» из других негласных союзов, привлеченные «стремлением к духовному совершенству, максимальному проявлению творческих потенций, нетерпимостью к бездушию и формализму в человеческих отношениях», которые вроде бы проповедуют хиппи. При этом декларируется неприятие мира таким, каков он есть. От притворного равнодушия ко всему окружающему до эгоцентризма один шаг. И, сделав этот шаг, молодой человек, к кому бы он себя ни причислял — хиппи или панкам, становится асоциален. Это не преступление само по себе. Но антисоциальное вырастает из асоциального.

И наркотики, и отъединенность притягивают подростков экстремальностью. Есть риск, неприятие — есть новая жизнь. Поскольку в реальной жизни они не находят точку приложения своим силам и желаниям.

Затравленность больших жестов. Шаркающая походка, сутулые спины, надлом неуверенных плеч. В глазах тоже надлом. В отрешенно-тусклых и воспаленно-горящих. Разных.

Те, кто болен безнадежно, идут бесконечным больничным коридором Гоголевского бульвара. Но ведь они манят за собой семнадцатилетних... Мне хочется их остановить. Крикнуть: «Вернитесь! Там только боль! Пустота!» Я хочу сказать тем, кто отворачивается от них: не надо ополчаться на всех и каждого, кто не похож на вас. Раз, мол, длинные волосы, значит, сексуально распущенный наркоман. Ерунда! Одно, кстати говоря, противоречит другому. Но не об этом речь.

Конечно, псевдофилософия хиппи опасна и вредна, это социальный синдром. Но бороться надо не с молодыми людьми, а за них! Увы, внешний вид, вызывающий раздражение пенсионеров, — не самый негативный симптом хиппи-болезни.

...Слепой свет стилизованных арбатских фонарей причудливо все омертвляет. И мне чудится, что на «Свите» не застиранный джинсовый костюм, а больничная пижама.

БУМАЖНЫХ РОЗ

К ЧИТАТЕЛЯМ.

Проще всего было бы, прочитав этот материал, обвинить его героев. Дескать, от сытости все это. От вседозволенности.

От детско-юношеского эгоизма — ведь во многих городских семьях по одному ребенку?! Но в первую очередь виноваты мы, взрослые!

Теперь время всем нам сообща исправлять упущенное. Как сделать, чтобы не «уходили» на улицу в общем-то неплохие парни и девушки, не бежали бы от одиночества в ряды «хиппиствующих»

и «панкующих» вступающие в жизнь люди?

Как восстановить доверительность между родителями и детьми, как вернуть доверие к школьному учителю?

Эти и многие другие вопросы ставит перед нами сама жизнь. Само время, в котором мы живем.

Давайте думать вместе. Всем миром. Ибо это наше общее дело — забота о будущем наших детей. Нашей страны. Ждем ваших писем!

«Смена» продолжает свой рассказ о молодых исполнителях, чье творчество вызывает особый интерес наших читателей. Ждем ваших писем с предложениями и пожеланиями.

МАРИНА КАПУРО

А все началось с детской игры. Забавно было стоять перед зеркалом и под звучащую пластинку изображать... «Битлз». Марина выросла в удивительно музыкальной семье, хотя по профессии родители не были музыкантами. Но сколько Марина помнит себя, в доме всегда звучала песня. Сестра-двойняшка не расставалась с гитарой, и как только Марина начинала петь, Татьяна тут же подбирала мелодию, подыгрывала на гитаре. Девчонки, как праздника, ждали дня, когда мать брала их с собой на работу. Они гордились профессией матери — экскурсовод. Как много интересного знала она о родном прекрасном городе Ленинграде! Но девочек больше всего привлекал экскурсионный автобус, и вот по какой причине: в автобусе был микрофон. И обычно под конец экскурсии Марину допускали к нему. Вот тут уже можно было вообразить, что находишься на сцене: в руках — настоящий микрофон,

в салоне — настоящие слушатели.

И хотя песня сопровождала Марину с раннего детства и хотя девочка пела в ансамбле Дворца пионеров имени Жданова и брала уроки пения у В. И. Морено, замечательного педагога, привившей ученице культуру пения, развившей и поставившей голос, о профессии певицы Марина и не мечтала. Просто пение воспринимала как нечто сугубо личное, только с собой неразрывно связанное.

— Однажды к нам в ансамбль пришли две семнадцатилетние девчонки, — вспоминает Юрий Берендюков, руководитель ансамбля «Яблоко». — Попросили прослушать их. Когда запела Марина, у меня даже дух захватило. Абсолютный слух! Какой тембр, окраска голоса! Для «Яблока» Марина была просто находкой.

Марина Капура. Сильный, красивый голос, теплые, задушевные интонации. И необыкновенное сочетание — русская народная песня

и современное, эстрадное исполнение. Видимо, потому так притягательна русская народная песня в исполнении Марины.

Она сама всегда удивлялась, откуда у нее, горожанки, такая сильная тяга к деревне, лесу, раздолью. При каждом удобном случае выезжала за город. До изнеможения бродила по лесу, а потом, сидя у костра, долго-долго слушала тишину. Горьковатый запах дыма, красоту листвы, звенящую тишину — все это неповторимое, не передаваемое словами хотелось перенести в город. В красивый, холодный, каменный город.

— Молодые предпочитают народной песне рок, «металл», поп-музыку, джаз, — говорит Марина Капура. — Мне кажется, это происходит только по одной причине — они просто плохо знают русскую народную песню. Потому что с самого раннего возраста молодых окружала грохочущая музыка. Но ведь это же дико — не знать истоков своей культуры. Рус-

ская песня... Во многих деревнях до сих пор сохранился обычай все главные события в жизни сопровождать песней. Женились, работали и умирали — на все случаи была своя, особая песня. Но традиции эти, к сожалению, утрачиваются. Песня, народная песня все реже звучит в доме. Ее не поют. Зачем? Есть магнитофон, радио, телевизор. И еще находят объяснение: песня, мол, не пропадет — вон сколько фольклорных ансамблей, народных хоров... Только бы не затерялись, не ушли на задний план они в бескрайнем море современной музыки, где и шум, и грохот, и цвет, и лазер...

Я стараюсь привлечь внимание слушателей к русской песне, придавая ей современное звучание, современную окраску. И мне кажется, в таком звучании народная песня может понравиться молодежи.

Светлана ТОНИНА

НИКИ ЛАУДА: РЯДОМ СО МНОИ В МАШИНЕ ВСЕГДА СМЕРТЬ

«Формула-1» — это самые мощные двигатели, самые высокие скорости, самые умелые гонщики. «Формула-1» — это смотр новейших достижений автомобильной промышленности и испытание новых головокружительных трасс.

«Формула-1» — это неизменно переполненные трибуны автодромов.

Наши читатели в своих письмах просят поближе познакомиться их с загадочным и сложным миром «Формулы-1» — серии гонок,

в которых разыгрывается звание лучшего автогонщика планеты. Кто разрешает в конечном итоге жесткое соперничество автомобильных концернов и срывает баснословные барьеры за победы на отдельных этапах?

Период с конца шестидесятых до середины восьмидесятых годов — почти два десятилетия — в автоспорте сейчас называют «эпохой Лауды». Два года назад трехкратный чемпион

мира в автогонках на машинах класса «Формула-1» австриец Ники Лауда распрощился с большим спортом. Теперь уже навсегда. Почему теперь? Однажды он уже уходил из спорта, но через два года вновь сел за руль сверхскоростной машины. В 1978 году Ники организовал частную авиакомпанию «Лауда Эйр». В 1980 году известный гонщик доставил на своем самолете в Москву на Олимпийские игры австрийскую наездницу Элизабет Тойнер с ее лошастью Мон-Шери. Элизабет стала олимпийской чемпионкой по выездке и вместе с Лаудой улетела обратно в Вену.

В первый раз Ники Лауда ушел из спорта после большой аварии: на трассе Нюрбургринг в ФРГ его машина на

скорости 240 километров в час внезапно ушла вправо и врезалась в металлическое ограждение, отскочила от него и, рассыпаясь на куски, загорелась. Гонщик был без сознания, когда его вынесли из пламени. Как говорит сам Лауда, «в память об аварии осталось изуродованное лицо».

Тогда, лежа в больнице, он заявил: «Я больше никогда не сяду за руль ужасных монстров». Но эти страшные минуты, проведенные в раскаленном «Феррари», когда языки пламени подступали к самым глазам и опалили правую половину лица, дни в больнице без всякой уверенности в счастливом исходе, — всего этого оказалось недостаточно, чтобы заставить Лауду отказаться от своей работы.

«Бросить или продолжать?» — спросил я себя, когда опасность миновала. — И решил продолжать. С этого момента я делал все, чтобы как можно скорее вернуться в строй. Мне удалось довольно быстро восстановить прежнюю форму и выйти на старт гонки по крайней мере на месяц раньше, чем предсказывали врачи». Так он писал позже.

Трудно, очень трудно возвращался Лауда в большой спорт. Приходилось бороться не только с собственным страхом, но и с чужим, зачастую необъективным и неверным мнением о себе. И, когда в 1984 году Ники Лауда в третий раз выиграл чемпионат мира, о нем вновь заговорили. И чего только не наговорили!

Он стал самым любимым, самым ненавидимым, самым спорным, самым прославленным из всех гонщиков.

Когда Ники Лауда появился в мире «Формулы-1», этот мир находился еще под впечатлением эры гонщиков — романтиков дорог, легендарных героев, о деяниях которых написано множество сомнительных книг и статей. Их авторы создавали для читателей — любителей мифов разного рода эпопеи, чаще всего высосанные из пальца, искусно драматизируя реальные события, изобретая совершенно фантастические подробности, романтизируя самые банальные эпизоды.

Появление Ники Лауды в этом мире было подобно взрыву бомбы. Он представлял собой антимиф, он принес в мир автоспорта жесткий рационализм, который сначала изумлял, а потом стал возмущать всех, для кого автоспорт ассоциировался с ароматом духов «Шанель № 5», перекрывающим запах отработанного горючего. Лауда превратил этот волшебный предмет — гоночный автомобиль — в орудие труда.

Когда в августе 1976 года с Лаудой случилось несчастье в Нюрбургринге, все решили, что это конец, врачи утверждали, что больше недели ему не прожить. Но Ники выжил и уже через шесть недель вновь сел за руль своего «Феррари». Его тут же стали называть «полубогом», «сверхчеловеком». Однако до поры до времени. На последнем этапе сезона 1976 года Лауда сошел с дистанции, тем самым сознательно распрощавшись с возможностью стать в тот год во второй раз чемпионом мира. «В этом мире есть более значимые ценности, чем победа, — сказал тогда Лауда, — например, жизнь. А во время соревнований шел такой ливень, что продолжать гонку было самоубийством».

Отказ от титула — это ли не мужество? Однако западная печать почти единодушно нарекла Лауду трусом, утверждая, что ему уже никогда не быть первым. Но великий спортсмен доказал, что его недоброжелатели не правы: еще дважды он выигрывал чемпионат мира.

Наш рассказ об этом выдающемся гонщике мы построим как некий судебный процесс, в котором примут участие обвинитель, защитник и сам Ники Лауда.

Высказывания «обвиняемого» Лауды и упомянутых выше «свидетелей»

подлинны, а «обвинение» и «защита» вымышлены, но вымышлены с учетом почти всего того, что пишется и говорится, и говорится в пользу этой суперзвезды мирового автоспорта и против него.

Еще раз напоминаем, что подобного процесса никогда не было да и не могло быть.

Итак, слушается дело Ники Лауды... **Обвинитель.** Общеизвестно, что самый быстрый гонщик середины восьмидесятых годов — француз Ален Прост. Да и побед у него было не меньше, чем у Лауды. Тем не менее Прост долго не мог стать чемпионом мира. Этот факт говорит о том, что в самой формуле чемпионата что-то не в порядке...

Защитник. Чемпионат мира имеет свой регламент, к стати сказать, одинаковый для всех гонщиков и всеми признаваемый, включая, естественно, и Проста, и Лауду.

Обвинитель. Да, но Гран-при «Формулы-1» присуждается за скорость, более того — за превосходство в скорости. Почему же его долго не удавалось самый быстрый из гонщиков? Почему Прост стал чемпионом мира лишь тогда, когда Лауда ушел из спорта?

Лауда. Скорость не является единственно верной меркой. Гонщик с блистательной манерой вождения, который способен показать вызывающее дрожь время, но не умеет выбрать себе машину или допускает слишком много ошибок, никогда не станет чемпионом независимо от его скорости.

Защитник. Это, однако, не относится к Просту, особенно по результатам сезона 1984 года, когда никто не видел, чтобы он допускал слишком много ошибок. В любом случае нельзя забывать, что он тогда проиграл Лауде всего 0,5 очка.

Обвинитель. Но именно эти пол-очка и ставят под сомнение чистоту победы Лауды. На это никто бы не обратил внимания, если бы Ники был самым быстрым.

Лауда. Самым быстрым из всех я не мог быть по той простой причине, что пятеро или шестеро из нас показывали одинаковую скорость. При одинаковых условиях я не могу ехать в более быстром темпе, чем любой из моих коллег, потому что все мы ограничены своими возможностями. Повторяю: на практике шесть гонщиков одного уровня за рулем одинаковой машины едут одинаково. Разница может быть только тогда, когда различны технические возможности машин.

Защитник. Но предельных скоростей нельзя добиться во всех точках измерения на протяжении всего заезда от старта до финиша. Ведь гонщик не может идти с одинаковой постоянной отдачей. Никто не в состоянии все время ехать на пределе возможностей. Проблема, по-моему, заключается в том, чтобы стремиться к возможно более высокому «среднему» уровню отдачи гонщика.

Обвинитель. Но ведь главное — это максимальная скорость!

Защитник. Ничего подобного. Главное — это средняя скорость. Она зависит от того, насколько постоянна отдача в ее пике, в ее кульминационной точке, насколько она не подвержена спадам.

Лауда. Чтобы выиграть заезд, нужно ехать на скорости, не превышающей необходимую. И даже если ясно, что ты не выиграешь, принцип все равно остается элементарным: ехать на той скорости, которую ты в состоянии держать. В этом весь секрет.

Обвинитель. Значит, вы настаиваете на том, что в гонке главное не скорость?

Лауда. Конечно! Это же очевидно. Главное — быстрота.

Обвинитель. Тогда поясните, в чем же разница между скоростью и быстротой.

Защитник. Может быть, есть гонщики, которые могут скорее, чем Лауда, пройти круг, два, десяток. Но скорость

относится к небольшим отрезкам времени и пространства, а вот быстрота — понятие, относящееся ко всей трассе в целом, и никто не может сравниться с Лаудой именно в быстроте. Чтобы сделать более очевидным различие между скоростью и быстротой, представим себе, что спринтер А в состоянии между пятьюдесятью и шестюдесятью метрами бежать со скоростью 44 километра в час и при этом он финиширует на 100-метровой дистанции с результатом 10,10 секунды. Спринтер Б, неспособный развивать такую скорость, делает только 40 километров в час, однако, обладая способностью бежать с этой скоростью дольше, чем А со своими 44 километрами в час, он придет к финишу с результатом 10 секунд ровно. Понятно теперь, кто быстрее?

Обвинитель. Тогда почему бы нам не называть чемпионат мира «чемпионатом стабильности»? Ведь вы, кажется, этого добиваетесь?

Защитник. О нет! Я чувствую, что необходимо все-таки получше разобраться в вопросе скорости, так как в основе лежит недопонимание, в которое следует внести ясность. Если быть точными, то на чемпионате мира 1984 года Прост показал более высокую скорость, чем Лауда при испытаниях, но зачастую в заезде все оказывалось наоборот.

Благодаря лучшим результатам, полученным на квалификационных соревнованиях, Прост часто стартовал в первых рядах, тогда как Лауда, стартовавший позже, терял время и не продвигался вперед в турнирной таблице, дарив Просту преимущество в драгоценных секундах. Однако, когда они встречались в очном поединке, сразу становилось заметно, насколько австриец в целом более скоростной, чем француз. Таковы факты.

Обвинитель. Но в некоторых случаях Прост был вынужден снижать скорость из-за технических проблем. Например, во время гонки в Монце Прост понесся вперед, чтобы оторваться от Лауды, но у него полетел турбонасос. Он же в этом не виноват.

Защитник. Ну, а почему нельзя сказать того же о Лауде и его заездах в борьбе за Гран-при, когда Прост финишировал первым, опережая Лауду?

Обвинитель. Но все же потерять звание всего лишь из-за половины очка должно быть мало приятно. А победить с разрывом всего в пол-очка — это простое везение.

Лауда. Напомню, что в 1976 году я должен был стать чемпионом мира, достаточно было лишь выиграть Гран-при в Японии. Но я не хотел продолжать идти по трассе в условиях, которые превращали гонку в разновидность абсурдной рулетки. И чемпионом мира стал Джеймс Хант. В 1984 году, победив с разрывом всего в пол-очка, я поздравил Проста и сказал ему, что нужно держаться. У меня тоже бывали трудные времена. Нужно уметь забывать неудачи и начинать с нуля.

Защитник. Разве Лауда не продемонстрировал свое мужество, сделав в Японии два круга, а затем поставив «Феррари» в бокс? Это был вызов, который Ники бросил миру автомобильных гонок, так часто опасаемому обвинений в отсутствии мужества.

Обвинитель. Что касается титула, потерянного в Японии, Лауда не может ничего обвинять. Он сам испугался и отступил.

Защитник. Естественно, когда на ситуацию смотришь со стороны, да еще по прошествии времени, она видится совсем в другом аспекте, так как, по счастью, и сам эпизод события был абсолютно бескровным. Что же касается Лауды в тот самый момент, то состояние его здоровья было еще неважным после драмы на трассе Нюрбургринг, а его психологическое состояние, возможно, еще не совсем нормализовалось, что, безусловно, несколько усложнило проблему.

Лауда. Уже на первом круге обещало быть светопреобразование с ранеными и погибшими. Риск катастрофы был слишком велик. Что лично меня окончательно подкосило, так это неожиданный конец дождя, я до сих пор в этом убежден. Когда резко кончается дождь, ехать становится еще хуже, чем в ливень, покрытие становится ужасным. Я убежден в том, что мне не повезло, а не в том, что я допустил ошибку.

Защитник. Многие считали, что у Ники хватило смелости побояться...

Обвинитель. Ну, это просто игра слов. На деле он испугался. «Страхом покрылся», как говорили на своем жаргоне механики фирмы «Феррари».

Лауда. Повторяю: есть вещи поважнее, чем чемпионат мира. Например, моя жизнь. Я оказался трусом? Ложь! Просто я думал головой, а не... После аварии я понял, что умереть очень легко. А погибнуть, совершив необдуманый поступок, еще легче. Короче говоря, нужно было больше смелости, чтобы остановиться, нежели продолжать. Мне хватило смелости выдержать весь тот поток грязи, который выливали на меня потом.

Обвинитель. А чем, как не трусостью, можно объяснить такой эпизод? В 1975 году на австрийском гоночном кольце «Цельтвег» в районе Граца один из этапов чемпионата мира проходил в сложнейших условиях, в дождливую погоду, покрытие было будто полито маслом. Гонка была прекращена после 29 кругов из 54, которые предстояло пройти. Аварии потерпели семь пилотов, а один — американец Марк Донован — погиб. Лауда в этих условиях не пожелал рисковать и, будучи на первых кругах лидером, затем при ухудшении видимости стал пропускать соперников вперед, заняв в итоге зачетное шестое место. Разве это не трусость?

Защитник. Скоро вы договоритесь до того, что любой разумный поступок, продиктованный осторожностью, будет называться трусостью. Я считаю, что в этом эпизоде четко проявился тот самый рационализм и правильный расчет Лауды, о котором много сегодня говорилось. И хочу напомнить, что в 1977 году в Лондоне Лауде вручили приз «Самого храброго спортсмена года». Принимая этот приз, он выступил против организаторов автогонок, которые жертвуют здоровьем, а порой и жизнью спортсменов для рекламы своей продукции, пренебрегая элементарными нормами безопасности.

Лауда. Да, я тогда сказал, что не считаю, будто нужно доказывать свою отвагу, стартуя в ненормальных погодных условиях и на плохо подготовленной трассе. Это просто глупо.

Обвинитель. Но разве риск не является обязательным компонентом опасных видов спорта, к которым, в частности, относятся все виды автоспорта?

Защитник. Но это не служит основанием для того, чтобы увеличивать степень риска. Наоборот, ее необходимо уменьшать в разумных пределах.

Лауда. Никому не нужно, чтобы автомобильный спорт превратился в ритуал жертвоприношений. Никому не нужно, чтобы в каждом соревновании погибало бы по два человека. Даже с применением всех современных мер безопасности никогда не удастся избежать человеческих жертв, а именно они, к сожалению, привлекают к себе внимание определенной части зрителей. И по этой причине не следует увеличивать и без того высокую степень риска и выбирать особо опасные трассы. А Нюрбургринг — более опасная трасса (и я это, к сожалению, продемонстрировал), чем любая другая, по одной простой причине: она очень длинна (кольцо около 23 километров), и из-за этого помощь может быть оказана только с опозданием, что приводит к печальному, а иногда и трагическим последствиям.

Защитник. Известно, что у Ники в Нюрбургринге были и удачные гонки начиная с первых лет его карьеры.

НЕУСТААНОВЛЕНННОЕ

Сергей УСТИНОВ

С покойно,— тихо сказал Северин, ободряюще подталкивая меня в спину.— Без паники. Тут огромные отделы литературы по всем специальностям, марки, открытки, эстампы, пластинки. А нам с тобой нужна покупка — это налево, и букотдел наверху. Проводим рекогносцировку. Ты на покупку, я в букотдел. Через полчаса встречаемся под лестницей, возле автоматов.

В принципе это вполне обычное в нашей работе дело, именуемое личным сыском. Северин называет его «пойди туда, не знаю куда, принеси то, не знаю что». Довольно точное определение.

Со временем я себе выработал кое-какие правила для подобных случаев. Первое среди них — постараться с ходу определить наиболее характерный тип поведения окружающих. И желательно не просто подладиться под него, желательно сыграть по системе Станиславского — с полным вживанием в образ. Разумеется, не забывая, что ты на сцене, то бишь на работе. Поставив минут десять в сторонке, я сориентировался, что все люди, находящиеся на небольшом пятачке возле длинного прилавка, за которым четыре или пять товароведов оценивали книги и выписывали квитанции, делятся на две основные категории. Одни с сумками, портфелями, даже чемоданами и рюкзаками или просто с книгами в руках стояли в длинной очереди на оценку. Естественно, их состав постепенно менялся. Сдав книги, они получали квитанцию и шли в конец прилавка, где им по квитанции сразу выдавали деньги. С деньгами в кармане они, как правило, в магазине больше не задерживались. У представителей второй категории ничего в руках не было, разве что легкая удобная сумка могла висеть через плечо. В очереди они не стояли, а как бы сопутствовали ей. Они как бы парили рядом с очередью, то приближаясь, то удаляясь, порой заговаривали с кем-нибудь из стоящих в ней, потом медленно отворачивались и вскоре делали новый заход... Между собой они были, кажется, почти все знакомы. Стояли по двое, по трое, переходили от одного к другому, о чем-то переговаривались негромко, смеялись. Всего я насчитал их человек двенадцать.

Не вызывало никаких сомнений, чем они занимаются. Картинка, в общем, довольно обычная для любого комиссионного. Я заметил, что перекупщиков интересует в основном или самый конец очереди, или самое начало, те, кто только что подошел, и те, кто уже выкладывает книги на прилавок. Мне, как не знающему броду, надо было бы занять место в непрофессиональной, так сказать, группе. Но с пустыми руками в очереди делать было совершенно нечего, и я решил рискнуть: в конце концов, рассуждал я, каждый из них тоже когда-то был начинающим!

Когда очередной сдатчик (всплыло почему-то в памяти умное слово «комитент»), потный, отдувающийся мужчина с большим саквояжем, появился в проходе, к нему немедленно устремились человек пять. Среди них был один в этом деле новичок, и ему, новичку, сразу дали на всякий случай понять что к чему. Во-первых, я опоздал — всего-то на полсекунды, сказалось отсутствие должной сноровки, да и реакция пока была не та. Но за эти полсекунды потный комитент оказался напрочь заслонен от моих посягательств спинами более ловких и удачливых соперников. А едва новичок попытался прорвать эту оборону, ему, не оборачиваясь, как бы случайно, но довольно уверенно заехали локтем в солнечное сплетение и угодили сумкой в лицо. Разозлившись (причем не только по системе Станиславского), я поднажал плечом, тяжело наступил на чью-то ногу и, доказав таким образом свое право, оказался среди избранных.

— Художественные есть? — требовательно спрашивали со всех сторон.— А по истории? Собрания сдаете? Покажите, что принесли!

Мужчина, слегка ошалевший от столь неожиданного внимания к своей персоне, поставил саквояж на пол, расстегнул «молнию» и достал несколько книг.

— У меня тут все по физике,— робко начал он.— Есть еще электроника и...— Он растерянно замолчал.

ЛИЦО

потому что количество книголюбов вокруг него резко убавилось до одного: опять сказала моя неотработанная реакция. Но и этот последний, помедлив секунду, вскоре гордо отошел к своим новым товарищам и встал среди них, ни к кому явно не присоединяясь, но уже отчетливо показывая, что представляет собой самостоятельную боевую единицу.

С разных сторон до меня доносились обрывки деловых разговоров:

— Сходи на Арбат, в «Военной книге» второй том лежит, необрезанный. Всего семнадцать пятьдесят дураки поставили...

— Козлов взял библиотеку, сидит без бабок. Поехали вечером, посмотрим?..

— Сколько? Полтора? Не смеши! У Вальки-историка за рубль с четвертью в издательском полгода лежит!..

Я прислушивался, не мелькнут ли где интересующие меня персонажи, но тщетно.

Полчаса уже истекали, когда у прилавка, за которым сидели товароведы, вспыхнул и мгновенно разгорелся скандал. А произошло вот что. Высокий старик с суровым лицом аскета принялся выкладывать на стол какие-то одинаковые кирпичного цвета томики, скорее всего собрание сочинений. Вероятно, это было что-то ценное, потому что сразу два или три коршуна из нашей стайки бросились к нему. Близость товароведа не давала им, как видно, развернуться в полные боевые порядки, они с двух сторон жарко бормотали что-то аскету, глядя не на книги даже, а на его ботинки. И тут старикан дал им жару.

— А ну отойди! — заговорил он намеренно громко, обнаружив хорошо поставленный бас.— Отойди, спекулянтская морда! Ничего тебе продавать не буду, ни дорож, ни дешевле!

Слабо пискнув, мальчики с перекошенными физиономиями стали пятиться, делая вид, что сказанное относится не к ним. Но дед, воодушевленный паникой в рядах противника, на этом не успокоился.

— Я тебя не первый раз тут вижу,— иерихонил он, тыча обличающим перстом в одного из перекупщиков.— И тебя тоже, и тебя! А вы куда смотрите,— повернулся он к товароведам, не сбавляя обвинительного пафоса,— когда на ваших глазах всякая шваль деньги государственные к себе в карман тащит?

Очередь невнятно, но в целом одобрительно зашумела. Коршуны с индифферентными лицами рассосались кто куда: к выходу, к прилавкам с технической литературой, самые смелые пристроились переждать лихое время в конце очереди. И тут на авансцене появилось новое действующее лицо — дородная женщина, перед которой, инстинктивно чувствуя в ней начальника, расступались случайные покупатели.

— Так,— звучно произнесла она, полководческим взором оглядывая поле сражения,— всех, кроме сдатчиков, прошу отойти от покупки.— И, поскольку я остался единственным, кто не успел благообразно ретироваться, сурово обратилась ко мне: — Вы сдаете, гражданин?

— Нет,— вынужден был честно признать я.

— Тогда проходите, или придется сейчас вызвать наряд.

Я вдруг подумал, что здесь есть мой шанс.

— А что такое? — спросил я громко и нахально.— Нигде не написано, что тут стоять нельзя!

Она посмотрела на меня удивленно, видно, такая реакция не была характерна для вечно закомплексованных перед лицом представителей администрации коршунов. Но мое лицо было ей незнакомо, и она, пожал округлыми плечами, прошла мимо, сметая перед собой остатки разбитой армии противника.

Поставив еще немного, чтобы соблюсти достоинство, я тоже двинулся в сторону выхода. У дверей стояла знакомая мне парочка — молодой блондин в очках с затемненными линзами и неопределенного возраста горбун, рыхлый лицом, на котором выделялся большой пористый нос. Я независимо остановился подле них, разминая сигарету.

— Зря ты с ней цепляешься,— криво ухмыляясь, не глядя на меня, сказал носатый.— С нее станет милицию вызвать.

— Да кто она такая, чтоб тут распоряжаться! — заметил я пренебрежительно.

Они переглянулись иронически, покачали головами, как бы говоря мне: молодой ты еще, не в меру горячий, а в нашем деле надо уметь смиряться, кричат — молчи, гонят — иди... Главное, опять вернуться.

— Это заводелом покупки,— снисходительно разъяснил блондин. И добавил, как заповедь: — Говорят тебе, не вяжись с ней.

Северин уже ждал меня возле автоматов. Я кратко пересказал ему, что успел увидеть и понять. Он хмыкнул:

— У меня работка была поприятнее. Там наверху такие девочки за прилавками стоят! Хочешь, познать?

Я терпеливо переждал, пока закончится вся эта обычная болтовня, без которой Северин не в состоянии, кажется, перейти к делу.

— Ни того, ни другого не знаю, — удрученно развел руками Стас. — Я так понял, что они с высоты своего прилавка всю эту шушеру презирают. В магазине те почти ничего не покупают, больше норовят перед магазином. У них серьезные люди в авторитете — доктора, академики, художники, писатели, крупные коллекционеры. Я тут, грешным делом, позаписал кое-кого на всякий случай...

Северин вытаскивал блокнот, принялся суетливо листать его, что-то бормоча себе под нос.

— Вот! — воскликнул он, найдя нужную страничку. — Вот, например, Потапенко, собиратель раритетов. Интересуется запрещенными и изъятными книгами восемнадцатого и девятнадцатого веков, прижизненными изданиями классиков, автографами, ну, еще много чем. И можешь себе представить, у меня дома как раз валяется для него парочка редких изданий басен Крылова! Извини, ничего лучше из школьной программы вспомнить не мог. Так что телефончик Николая Ивановича у нас в блокнотике имеется, и даже есть от кого обратиться: Ира из Дома книги! Только, чур, — предупредившая поднял руку Стас, — не говорить, что Николай Иванович — имя-отчество, редкое только в Полинезии. Это я сам знаю.

У меня, однако, не возникло никакого желания умалить северинские достижения: сегодня их набралось у нас так немного. В крайнем случае это подстегнуло во мне угасший было к вечеру здоровый дух соревнования, и я предложил:

— Не желаешь ли в таком разе пойти познакомиться еще с одной дамой?

— О! — обрадовался Северин. — В тебе проснулся мужчина?

— Когда ты ее увидишь, — пообещал я, — ты поймешь, что во мне проснулся лев.

В своем маленьком кабинете без окон заведующая покупкой Лия Семеновна Штоклова производила еще более внушительное впечатление, чем в торговом зале.

— Извините, — сказала она мне, возвращая наши удостоверения. Впрочем, смущения никакого на ее круглом лице не было. — Сами видите: воюем...

— Вот-вот, — похвалил Северин. — Мы и хотим вам помочь. Скажите, вы их всех, перекупщиков этих, по именам знаете?

Штоклова иронически усмехнулась и покачала головой.

— Не надо, ребята, делать из меня дурочку. Слава богу, двадцать пять лет книгами торгую. И ни разу не видела, чтобы уголовный розыск помогал мне со спекулянтами бороться. Говорите прямо, чего надо.

Мы с Севериным переглянулись, я чуть заметно пожал плечами: дескать, я не против, решай сам, — и Стас сказал в лоб:

— Алик по кличке Лошадь, Сережа по кличке Джим.

Она задумалась.

— По кличке точно не знаю. По именам... Алик? Сережа? Если б вы фамилию дали, можно было бы по квитанциям посмотреть. Там и адрес есть, и все паспортные данные...

— А имя-отчество в квитанциях фиксируется?

— Только инициалы... Но вот что, если вам так нужно, могу к завтрашнему дню поспрашивать кое у кого. Оставьте телефон.

— Только у нас просьба: никому... — понизив голос, доверительно начал Северин, но она остановила его:

— Ладно, знаю, не первый день замужем, как говорится... — И добавила, усмехнувшись: — Что-то в последнее время всех наша букторговля заинтересовала...

— Кого еще? — автоматически, скорее по профессиональной привычке никакую информацию не оставлять в незаконченном виде, спросил я, протягивая ей бумажку с телефоном.

— Из газеты, теперь вот вы...

Мы со Стасом замерли. Первым открыл рот Северин.

— А, — произнес он небрежно. — Троепольская, наверное. Да?

— Фамилию не помню, помню только, что молоденькая.

Я вдруг решил, что зря мы действительно играем в игры с этой немолодой, выдавшей всякое женщиной, и вытаскивал из кармана фотокарточку Ольги.

— Она, — сказала Штоклова.

— Что ее интересовало?

— Да вот тоже расспрашивала, как мы боремся с перекупщиками. А как мы боремся? Да никак! Гоняем, а толку мало. Ну, милицию вызовешь, заберут иного совсем обнаглевшего, поддержат час, да отпустят. За нарушение правил торговли, сами знаете, штраф великий — один рубль. А на спекуляции их не

поймаешь, они купят тут, а продадут-то совсем в другом месте.

— Про кого-нибудь конкретно она расспрашивала? — Нет. Вот книги ее какие-то интересовали. Из тех, что у нас наверху лежат. Спрашивала, можно ли выяснить, кто их сдал. Я ей объяснила, что в принципе можно, если квитанции поднять. Но мы все квитанции свозим в Мосбукнигу.

Северин вынул блокнот Троепольской.

— Посмотрите, не об этих книгах шла речь?

Она полистала блокнот.

— Вот эта у нас лежала, эта, эта... Две уже купили, кажется, одна пока есть.

— А цифры, наверное, номера квитанций?

— Да. Они пишутся рядом с ценой, а за ними, через дробь, — месяц и год приемки.

Я посмотрел: все даты относились к прошлому месяцу.

— Давно она у вас была?

— Дней десять назад, — прикинув что-то, ответила Штоклова и вдруг проницательно поинтересовалась: — Случилось чего с ней?

— Сами пока толком не знаем, — уклончиво ответил Северин.

В сущности, это было истинной правдой.

Когда мы подкатили к отделению, Балакин сидел, развалившись, на лавочке при входе и нежилась в лучах заходящего солнца.

— Ты посмотри на него, — мрачно сказал Стас, выходя из машины. — Вот закончим это дело, и не забыть провести проверку, как у них в районе с профилитической преступности. Достаточно ли загружены все работники по линии ОУР...

Но Балакин в ответ откровенно сладко потянулся, встал со скамейки и сделал приглашающий жест в сторону входа.

— Ладно, выкладывай новости, — буркнул Северин, тяжело опускаясь на стул в балакином кабинете. Глядя на ползущую в разные стороны хитрую Митину ухмылку, я уже тоже не сомневался, что новости есть.

— Во-первых, звонил Гужонкин, — начал Балакин. — Сумка ничего существенного не дала. Зато дал плащ, который лежал в ней. Помните, синий, скомканный? В правом кармане обнаружены остатки белого порошка. Правда, совсем немного, несколько крупинок, они их сейчас исследуют. Но Гужонкин уже сейчас почти не сомневается, что это морфий.

— Так-так, — забарабил пальцами по столу Северин. — Если это во-первых, значит, есть и во-вторых?

— Есть и в-третьих, — бодро заверил его Митя. — Но я по порядку. В квартире № 32 дома № 16, в той комнате, где был обнаружен труп, с 1946 по 1980 год проживала семья Яроповых. Яропов Кирилл Трофимович, 1899 года рождения, скончался в мае 1968 года. Яропова Анна Кузьминична, 1906 года рождения, умерла в доме для престарелых в феврале 1977 года. Яропов Илья Кириллович, 1938 года рождения, в 1980 году выписан с указанного адреса в связи с осуждением по статьям — обращаю ваше просветное внимание: 224, часть 2 — изготовление, хранение и сбыт наркотиков в крупных размерах и 226-1 — организация или содержание притона для потребления наркотиков!

— Давай дальше, — одобрительно проворчал Северин.

— Дальше нужно было немного раскинуть мозгами, — скромно продолжал Балакин. — Чуть-чуть, самую малость. Ровно столько, чтобы сопоставить эти крупинки с «куклой», которую мы с Невмяновым обнаружили у моего Копцова. Помнишь, Шура, я еще удивлялся, что ж такое надо было покупать? А ведь на сто тысяч даже по оптовой цене сухого морфия надо каких-нибудь граммов четыреста — пятьсот! Как идея?

— Ну, Митенька, если ты и в-третьих что-нибудь подобное выдашь, будем тебя сегодня качать, — сказал Стас.

— В-третьих, я не только головой все это время работал, но и ногами. В частности, прокатился на улицу Матросская Тишина, где в следственном изоляторе находится сейчас наш друг Иван Данилович Копцов. Вы, конечно, еще сами с ним поработаете, но я пока на всякий случай взял от него приметы хозяина «куклы». Это мужчина ростом примерно 180—185 сантиметров, широкий в плечах, но чуть сутулый, с длинными, как показалось Копцову, руками. Одет в белую рубашку и серые неприметные брюки. На голове кепка, надвинутая на самые глаза. Мужчина оставил «дипломат», дал Копцову 25 рублей и ушел. Было это в день убийства, около девятнадцати часов.

— Не хитрит инвалид? — спросил Северин.

— Не похоже, — покачал головой Балакин. — Какой смысл? Он клянется, что первый раз в жизни его видел. Я ему, между прочим, кое на что намекал. Зачем в его-то положении еще путаться в дело об убийстве, наркотиках и крупном мошенничестве?

— Постой, — сказал я. — А как он к нему попал, если раньше они не были знакомы?

— Вот! — Балакин торжественно поднял палец. — Очень верный вопрос! И ответ на него еще раз свидетельствует, что инвалид, видимо, не врет. Потому что человек с «дипломатом» передал ему привет от дав-

него знакомого по прозвищу Пявка. В миру — Ильи Кирилловича Яропова.

12

Уже через стекло витрины я увидел, что в глянцево-целлулоидном царстве вечнозеленых улыбок в этот ранний час нет ни души. Стол курносой приемщицы пустовал. Тем не менее я наудачу толкнул дверь. Сейчас же кольнула занавеска, отделяющая фойе от мастерской, и на пороге появился, что-то жуя, давешний неприятный фотограф с похожими на крылья ушами. Не говоря ни слова, он взял у меня из рук квитанцию и вывалил на стол кучу фотографий. Брезгливо переворачивая ее, нашел, что надо, кинул небрежно в конверт, сунул его мне в руки и, так не сказав ни слова, дожевывая, скрылся за занавеской.

Я вышел на улицу, вытаскивал на свет шесть своих изображений, уменьшенных до размера три на четыре сантиметра, и окончательно расстроился. Начало мое настроение портиться в тот момент, когда явившийся вместо очаровательного клерка представитель отряда ухкрытых окатил меня ушатом своего пренебрежения, но окончательно оно подухло при взгляде на его продукцию. Он ли тут виноват, или правда у меня лицо такое, рассуждать, к сожалению, было поздно. Ближайшие два года я буду ходить с таким портретом на удостоверении: совиные полуприкрытые глаза, зачем-то выдвинутая вперед нижняя челюсть и общее тупое, сонное выражение лица.

На небольшом производственном совещании в комаровском кабинете докладчиком выступил Стас.

— Начиная со вчерашнего дня, — сказал он, — намечались две основные линии: наркотическая и букинистическая. К сожалению, никакой связи между этими линиями мы пока не видим. Если, конечно, не считать того, что книгами и наркотиками занимались две поразительно похожие друг на друга женщины.

— Есть еще третья, — заметил я в порядке прений, и все с изумлением повернулись ко мне. Пришлось объяснить: — Не женщина третья, а линия. Я имею в виду рукопись Троепольской. Она, как никак, пропала, а, между прочим, в ней могут содержаться очень ценные сведения. Причем не только для нас.

— Ну, хорошо. — Северин великодушно махнул рукой. — Если Невмянов настаивает... Хотя я могу найти массу вполне разумных объяснений, куда она делась.

— Каких? — спросил я упрямо.

— Например, Троепольская дала ее почитать кому-нибудь из знакомых. Или взяла к себе домой, а оттуда уже ее украли вместе с книгами, что вполне естественно. Да мало ли что еще? В то же время у нас есть две действительно перспективные версии, и, по моему, расплыть силы и время, которых и так...

Он недоговорил, удрученно покрутив головой: мол, все и без лишних слов понятно. Если честно, я и сам был с ним по большому счету согласен, но, уже заведясь с ним спорить, хотел хотя бы чисто теоретически настоять на своем:

— Сослуживцы утверждают, что она никогда никому рукопись не давала. И домой не брала, потому что у нее дома машинки нет.

Комаров, который до сих пор молча слушал наши дебаты, пристукнул ладонью по столу, что означало: обсуждение окончено, слушай мою команду.

— Сделаем так, — сказал он раздумчиво, как бы на ходу прикидывая, как именно сделать. Но мы-то знали, что решение у него уже готово в окончателном виде, обжалованию не подлежит, и потому навести уши на макушке. — Невмянов пусть едет в редакцию и занимается этой рукописью. Северин продолжает работать по книгам. А Балакин со своими сыщиками и участковыми собирает все, что известно про Яропова. Кто-нибудь в отделении еще помнит его?

Митя отрицательно покачал головой.

— У нас одна молодежь в основном. Я самый старый, в восьмидесятом пришел. Но мы найдем стариков, Константин Петрович, — бодро заверил он. — И по дому мы работаем.

Заведующий отделом писем Вячеслав Евгеньевич Чиж внешне мало соответствовал своей птичьей фамилии. Во-первых, сходству мешала обильная, даже буйная растительность на голове и на лице, а во-вторых, Вячеслав Евгеньевич был, мягко говоря, не щелкун. Каждое слово приходилось вытаскивать из него клещами. Вот образчик нашего диалога:

— Вы были в курсе того, чем последнее время занималась Троепольская?

— Да-а.

— Чем?

— Наркотиками...

Я чуть не падаю со стула.

— А разве не книгами?

— Книгами сначала. Потом наркотиками.

— Она рассказывала какие-нибудь подробности? Кто ее интересовал? С кем она встречалась?

— Не-ет.

— А про книги?

Тут хватает отрицательного движения головой.

Я догадываюсь:

— Она вообще ни с кем не делилась? Только тему сообщала?

Положительный кивок.

Я пробую его расшевелить:
— Что вы можете сказать об Ольге как ее руководитель? Понимаете, нам необходима психологическая характеристика, чтобы лучше понять кое-какие ее поступки...

Но не тут-то было. После паузы мне выдается:
— Умна. Взаимодействительна. Инициативна. Азартна.— Короткое раздумье и:— Потребность лезть в драку по поводу и без.

Мне начинает казаться, что я веду беседу не с человеком, а с ЭВМ. И тогда я решаю поиграть с ним в детскую игру «да» и «нет» не говорите». Вынудить его давать мне по возможности развернутые ответы.

— О чем Ольга писала в своем «Дневнике»?
— Обо всем. На то и дневник.

— Говорят, она зачитывала отсюда иногда куски. О чем или о ком они были?
— О тех, кому зачитывала.

— Про кого еще она могла там писать?
— Про всех, с кем общалась.

Тут я наконец понял, что мне все равно его не переговорить, и пошел в любовную атаку:
— У вас есть какие-нибудь соображения насчет того, кто мог взять рукопись из сейфа?

Меньше всего на свете я рассчитывал получить однозначный ответ. Но получил:
— Есть.

На некоторое время я тоже потерял возможность складно говорить. Мы оба молчали, наверное, целую минуту. Потом я в манере Чиж, чтоб не дай бог не спугнуть, коротко спросил:

— Кто?
И тут впервые за всю нашу беседу услышал развернутую фразу.

В дальнейшем я нашел не одно подтверждение тому, что малоразговорчивость заведующего отделом писем прямо соотносится с темой разговора. Если Чиж считает, что ему есть что сказать, он не молчит. Мы славяно с ним беседовали на кое-какие актуальные для меня темы и даже разработали небольшой план, который предполагалось осуществить в ближайшее время.

Проходя по коридору, я задержался перед портретом Ольги Троепольской в черной рамке. Почему-то коллеги-журналисты выбрали снимок, на котором Ольга улыбалась, почти смеялась. Я стоял, вглядываясь в ее лицо, и внезапно осознал, что она перестала быть просто объектом моих профессиональных действий. Что я хочу найти ее как можно скорее не только потому, что этого требуют мои обязанности...

Неожиданно я вспомнил того корреспондента из молодежи, который написал материал про всю историю с Кошкодамовым. Ника Калинина после нашего исключения, оказывается, тоже подала заявление о переводе в Новосибирский университет, а в редакцию написала письмо, где все изложила — и про себя с Кошкодамовым тоже.

Этот парень из газеты (надо же, забыл его фамилию!), маленький невзрачный очкарик, сначала произвел на нас со Стасом неблагоприятное впечатление. Ничего путного мы от него не ждали и не очень охотно с ним разговаривали. Он все бегал по факультету, чиркал что-то в своем блокноте. А потом, когда мы уж и думать про него забыли, вдруг появилась статья. И надо сказать, наделала шума.

Корреспондент нарыл много интересных фактов. И в том числе такой: никто, оказывается, не мог толком сказать, каким образом кошкодамовская физиономия оказалась на Доске почета. Комитет комсомола думал, что это по инициативе профкома, профком грешил на комитет комсомола... Поэтому, когда статья вышла, порешили до выяснения фотографию пока снять — на этот раз днем.

И тут Кошкодамов не выдержал — сорвался. Он решил во что бы то ни стало добиться реабилитации и захотел сделать это старым, испытанным способом: переговорить окружающих правильными словами. Говорят, он лично звонил домой всем однокурсникам, ходил по комнатам в общежитии, созывая народ на собрание. А когда все собрались, он вышел на кафедру и сказал речь.

Нас с Севериным там не было — мы сочли это ниже своего достоинства. Но ребята потом рассказывали, что по открытости эта речуга не уступала Фултонской. Кошкодамов заявил, что благодаря проискам врагов его не выбрали в комитет комсомола, что его нарочно завалили на каком-то там экзамене, зачитывал вслух интимные письма Ники Калининой. Он на всех произвел такое отвратительное впечатление, что наше сонное царство вдруг проснулось. Ему врезали по первое число, разнесли в ключья. Постановили: ходатайствовать перед деканатом о восстановлении Невмянова и Северина и об отчислении Кошкодамова, причем с небывалой доселе формулировкой: «За попытку использования коллектива в личных целях».

Но, конечно, мы со Стасом восстанавливаться уже не стали: работа в милиции оказалась не такой уж занудной, нас позвали в розыск, так что нам вполне хватило вечернего отделения. Да и Кошкодамов, гад, вывернулся. Не отчислили его, простили, спустили на тормозах: учили, что он покался, бил себя в грудь, обещал исправиться. По иронии судьбы он теперь где-то адвокатом.

Так что, если смотреть отстраненно, справедливость хоть и восторжествовала на словах, на деле все это было махание кулаками после драки. Но все равно я иногда вспоминаю кошкодамовскую историю и единственное, за что себя корю, — за то, что так скептически отнеслись мы с Севериным к очкарику-корреспонденту...

Ольга иронически улыбалась мне с траурного портрета. Сегодня утром мы обсуждали с Комаровым, не пора ли объявить в редакции об ошибке. И снова решили немного повременить. Дело даже было не в том, что о действительной судьбе Троепольской мы ничего взамен сообщить пока не могли. Просто весь наш оперативный опыт говорил о том, что любая информация, которой располагаешь ты и не располагают другие, дает тебе некоторое преимущество.

13

В управление я приехал часам к двенадцати. Комковский сидел под сенью цыкуты перед пишущей машинкой, обложившись со всех сторон бумагами.

— Братцы, — взмолился он, — возьмите в дело! Совсем канцелярия замучила!

— Только мальчиком, — сурово ответил я. — За харч и науку.

— Мальчиком я и так у вас работаю, — уныло сказал Игорь. — Вернее, девочкой. Выполняю секретарскую работу. Во-первых, тебе звонил Стас. Вот, я тут записал... Он от двенадцати до часу ждет тебя в Доме книги. И еще: «Был в Мосбуккниге, смотрел квитанции. Сережа-Джим — Цаллин Сергей Федорович», тут адрес, он просил проколоть его через ЦАБ, я сделал. Есть такой, работает сменным диспетчером в бойлерной ДЭЗ-13. И последнее, — сказал Комковский, голосом давая понять, что из секретаря-машинистки он преобразуется в моего начальника: — Где фотографии?

Я хлопнул себя по лбу и вытащил из кармана конверт.

Северина я обнаружил в отделе технической литературы. Он углубленно изучал «Основы агрохимии».

— Топай полегонку через служебный вход к машине, — тихо сказал он мне, не отрываясь от своего увлекательного чтения. — Там встретимся.

На этот раз Стас, слава богу, спрятал машину в тень, хотя, вероятно, им руководили отнюдь не соображения моего удобства.

— В диспетчерской нет — выходной, — с ходу начал он, едва мы залезли внутрь, — дома тоже никто не берет трубку. Очень может быть, что болтается тут. Но вот беда, в лицо мы его не знаем. Какие будут предложения?

— Пойду опять толкаться возле покупки, что же еще? Авось, сойду там теперь за своего.

— Мудро, — одобрил Северин. — У меня возникла та же идея... час назад. Поэтому я тут для тебя кое-что организовал.

Он залез под сиденье и вытащил спортивную сумку. Со словами: «Будешь у нас, Шурик, не хуже других» — растегнул ее и стал извлекать одну за другой старинные книжки в роскошных переплетах.

— Ты где это все взял? — ахнул я.

— Можешь быть спокоен, не украл, — отвечал Северин. — Помнишь пианисточку, к которой я Комковского посылал? У нее папаша — профессор консерватории в четвертом поколении. Хорош бы я был ее дядя — звонить туда по твоему совету! — добавил он саркастически.

— Когда ж ты успел? — поразился я.
— Вчера вечером. Позвонил, а она меня домой пригласила. Ну, с папашей мы сразу сошлись душа в душу. Он только одного не любит: про музыку говорить. Так это и я не люблю.

— Тебя там не женят? — спросил я подозрительно.

— Ты что? — обиделся за новых знакомых Северин. — Интеллигентные люди! Да и потом нужен я им... со своей специализацией...

— Книжек тебе, во всяком случае, отвалили по родственному, — заметил я с легкой завистью. Как это у Северина получается, что его с первой минуты начинают любить все, от домработниц до профессоров консерватории? Не говоря уж про пианисток. — Тут, небось, на тысячу рублей.

— На тысячу не на тысячу, — сказал Северин, — а постарайся не потерять. Я ему хотел расписку написать, так мы чуть не поссорились. Почти что семейный был скандал.

Я упаковал книги обратно и собрался вылезать из машины.

— За мной не смотри, — напутствовал меня Стас. — Я буду все время в поле зрения. Если найдешь Джима, постарайся отвести его за чем-нибудь в сторону и перевесь сумку с правого плеча на левое.

Мне повезло. Видимо, по раннему времени большого потока сдающих еще не было, поэтому товароведы и перекупщики — все томились бездельем. Я издали приметил своего горбатого-носатого приятеля, но подходить не стал, сразу направился к покупке и начал быстро выкладывать книги на стол.

Мой неожиданный рейд по тылам достиг цели: никто из коршунов не успел на меня скирковать, перехватить по дороге, и теперь они барражировали на рас-

стоянии, бросая на меня и на мои книги плотоядные взгляды. Впрочем, по тому, как округлились глаза у двух товароведов, я понял, что Северин, видимо, хорошо объяснил своему музыкальному профессору задачу, а тот жаться не стал — выдал самое лучшее. Я и сам только теперь рассмотрел книги как следует. Почти все это были исторические сочинения. Три тома некоего А. Брикнера в роскошных тисненых, с золотым обрезом переплетом: «История царствования Екатерины II», томик Ключевского «Жития святых как исторический источник», что-то Костомарова. Последних двух мне даже приходилось читать.

Товаровед, пожилая строгая женщина в очках, деловито листала засаленные от частого употребления страницы каталога, перебирала карточки в ящиках, сдержанно советовалась с коллегами и называла цену, всегда трехзначную. Я с достоинством кивал, не то благодаря, не то соглашаясь.

— Будете сдавать? — небрежно спросила она под конец.

— Буду, — ответил я решительно, краем глаза отмечив, как буквально задергались парящие неподалеку зрители.

— Паспорт давайте, — сказала товаровед, придвигая к себе пачку квитанций.

— Не захватил, — огорченно развел я руками. И спросил наивно: — А без паспорта нельзя?

— Вы что, первый раз, что ли? — неприязненно поинтересовалась товаровед, строго блеснув стеклами.

— Забыл, надо же, забыл, — корил я сам себя, укладывая книги в сумку. — Завтра обязательно с паспортом приду!

Едва я отошел на несколько шагов, ко мне подскокил носач.

— Пойдем поговорим, — сказал он мне, не поднимая головы, кося глаз на товароведов, которые, в своей черед, смотрели на него нехорошими глазами. — Я у тебя без паспорта все куплю.

— Да брось, — ответил я развязно. — Есть у меня паспорт, не беспокойся. Ты что думаешь, я сдавать хотел? Пусть застрелится! Надо же было цены ваши московские накнохать. Понять, от чего толкаться.

— А, — протянул он то ли с разочарованием, то ли с облегчением. — Так ты приезжий. А я смотрю и думаю: совсем у человека крыша съехала — такие книги в таком виде сдавать. Что ты хочешь-то за них? — добавил он уже по-деловому.

— Мне бабки не нужны, — ответил я решительно. — Мне обмен нужен. У нас в Риге такого вот навалом, а того, что надо, нет.

— Чего тебе надо? — спросил он, мгновенно делая стойку, как мой Антон, почувывая запах пенки.

— Запрещенные и изъятые восемнашки и девятнашки, — начал я, употребляя за неимением лучшего жаргон торговцев картинками и иконами, но мой собеседник, кажется, принимал меня прекрасно. — Потом прижизненные, вообще всякие автографы... — В ход шел весь набор интересов Николая Ивановича Потаненко.

Носатый сник. Его личный интерес ко мне явно утрачивался, но на смену ему приходило профессиональное уважение.

— Это тебе с Историком надо похрюкать. Или с Козловым. Такие вещи, знаешь, каждый день на дороге не валяются.

— А вот мне еще ребята в Риге про Джима какого-то говорили... — заметил я.

— Про Джима? — удивился он. И сказал презрительно: — Да у него бабок и современную библиотеку взять не всегда хватает. Вечно бегаёт, ищет кого-нибудь в долю. Сейчас все больше Лошадь его туда-сюда гоняет. Вот, — оживился носач. — С Лошадью тоже можно. Познакомить вас, что ли? — Он явно прикидывал, можно ли сломить с меня за посредничество.

— Познакомь при случае, — сказал я равнодушно, давая понять, что в принципе обойдусь и сам. — Я долго здесь еще пробуду.

Побродив около часу по Дому книги с тяжелой сумкой на плече, потолкавшись на покупке в безуспешных попытках опередить более удачливых и сноровистых перекупщиков, я начал приходить к выводу, что термин «нетрудовые доходы» дает в этом конкретном случае не совсем верное представление о сути дела. Это был труд, да еще какой! За один только моральный климат любой профсоюз объявил бы это производство вредным. Работа была связана с постоянной опасностью в любую минуту быть униженным, оскорбленным, даже раздвоенным общественным презрением со стороны сдатчиков, товароведов или просто доброхотов из публики. Но игра, видимо, стоила свеч. Доходы, называй их нетрудовыми или, по старинному, неправедными, оправдывали любые издержки. Я видел, как тихо ликовал мой носогорбый дружок, откупив у не дошедшей до товароведов растерянной близорукой женщины стопку потрепанных книжек. Верхней в стопке лежало первое издание «Кон-армии» Бабеля... Двое коршунов, среди них вчерашний блондинчик, прячущий за светозащитными стеклами свои глаза, прямо от входа завернули развязного красномордого парня с авоськой, где книги лежали вперемежку с пустыми бутылками. В окно я мог

наблюдать, как они все вместе сели в блондиновую машину и укатили, надо думать, «брать библиотеку». Я смотрел вокруг и думал о Троепольской. Думал о том, что десятки, сотни, тысячи видели то же, что она. Ругались, возмущались, стыдили, гоняли конкретного спекулянта и перекупщика. И никто как будто не видел в этом Проблемы.

Наверное, тут важен склад характера. Как это Чиж про нее сказал? «Умна, взбалмошна, инициативна, азартна». Что еще? «Потребность лезть в драку...» Ольга увидела Проблему и по своему обыкновению полезла в драку. Мы же теперь всего лишь выясняем, чем это для нее обернулось.

Тем временем в каких-нибудь десяти метрах от меня мой квазимодообразный приятель остановился возле долговязого типа в светлых застиранных джинсах и полосатой майке. Он что-то говорил ему, бесцеремонно кивая головой в мою сторону. Потом оба неторопливо двинулись ко мне. Представили нас друг другу так:

— Это Джим. А это клиент из Риги. Если чего-нибудь выйдет, не забудьте прислать мне коньячок.

Джим сунул мне вяловатую ладошку.

— Сережа.

— Шурик,— сказал я, перевешивая сумку на левое плечо.— Пойдем поболтаем, только лучше на свежем воздухе.

Когда мы вышли на улицу, я снова коротко изложил идею программы неведомого мне Н. И. Поталенко, для пущей солидности прибавив от себя пару названий из буйновского списка. Судя по всему, мои запросы произвели впечатление. Джим остановился, в задумчивости кусая ноготь большого пальца.

— Есть кое-что на примете,— процедил он наконец.

— О бабках договоримся,— заверил я.— Были бы книги.

И, объяснив, что остановился у родственников в Бирюлеве без телефона, я аккуратно переписал на сигаретную пачку уже известный мне телефон Цаплина Сергея Федоровича, условившись с ним созвониться сегодня вечером. Засим я побрел неторопливо по Калининскому проспекту в сторону Садового. Сейчас дело было за Севериным. Но я не сомневался теперь, что даже если Джим в самое ближайшее время не приведет его к Алику-Лошади, сегодня вечером или завтра утром мы с ним познакомимся.

В управлении, однако, меня ждал сюрприз. Пока я с тяжелой сумкой, которую приходилось перевешивать с одного плеча на другое теперь уже отнюдь не из конспиративных соображений, плелся по жаре до троллейбусной остановки, пока «букашка», трясясь, везла меня до Садово-Каретной, пока, проклиная щедрость консерваторских профессоров, я тащился от угла до проходной, механизированный Северин, с ветерком катаясь по городу, кое в чем преуспел.

Не заходя больше в Дом книги, Джим уселся за руль облезлого «Москвича» и подъехал к вышке на площади Восстания. Здесь его ждали. Из роскошной белой «семерки» вылез крупный вальяжный брюнет лет тридцати в светлом костюме. В руках у него была небольшая сумка. Они немного поговорили, после чего брюнет с сумкой скрылся в одном из подъездов. Из ближайшего автомата Стас позвонил в отдел Комковского, и как раз к моему приходу уже было известно, что «семерка» принадлежит Овсову Альберту Николаевичу, санитару 4-й Градской больницы. Но самое главное Северин, как всегда, приберег напоследок.

Именно в этом доме и в этом подъезде проживает собиратель раритетов и любитель прижизненных изданий классиков Николай Иванович Поталенко.

14

— И какие будут предложения? — сумрачно поинтересовался Комаров после того, как я на скорую руку обрисовал ему ситуацию. Стас все еще ждал возле вышки, но к нему в помощь уже отправили оперативную машину с двумя сотрудниками.

Я замаялся. Откровенно говоря, мы с Севериным не пришли на этот счет к общему мнению. Поэтому я ответил осторожно:

— С одной стороны, очень хочется задержать прямо сейчас. А с другой — есть соображения в пользу того, чтобы подождать...

Промямлив все это, я выжидательно взглянул на Комарова. Но номер не прошел: наш начальник иронически хмыкнул и беззвучно похлопал раза два в ладоши, изображая аплодисменты.

— Отличный пример инициативного, самостоятельно мыслящего оперуполномоченного. «С одной стороны, с другой стороны...» А решает пусть тот, у кого зарплата больше, так, что ли?

Я попытался хотя бы изобразить смущение.

— Так ведь правда непонятно, что делать, Константин Петрович. Первый вариант: брать немедленно, как только он выйдет, потому что если книги у него, то нельзя допустить, чтобы он их куда-нибудь дел, ищи потом ветра в поле. Даже если книга при себе у него нет, то для задержания уже достаточно факта спекуляции: у Троепольской в блокноте есть цены, по которым они покупали у Горбатенькой, в магазине есть квитанции с совершенно другими ценами, налицо скупка, умысел на перепродажу и нажива. Получим поста-

новление на обыск... Короче, главное — ввязаться в бой, а там посмотрим.

Это было предложение Северина.

— Но тут есть «но», — продолжал я. — Если Цаплин, или Овсов, или оба они вместе имеют отношение к убийству, то книжки из комнаты Троепольской за эти три дня могли оказаться где угодно, даже в другом городе. А если к тому же бабушка-старушка по старости лет начнет путаться, что и за сколько она продала, что вполне возможно, то мы вообще окажемся с носом...

— Давай второй вариант, — потребовал Комаров.

— Погодите. Поработать за ними, постараться получить более крепкие зацепки. — Я сам склонялся больше к этому мнению, но честно прибавил: — Здесь тоже есть свои минусы, прежде всего время. У нас на руках труп неизвестной женщины и черт знает куда пропавшая журналистка. И еще «вальтер». Если один из них ходит по городу с этой штукой...

Замолчав, я не без злорадного удовлетворения стал наблюдать за своим глубоко задумавшимся начальником.

— Вот что, — наконец прихлопнул ладошкой по столу Комаров. — Свяжись с Севериным, скажи, пусть пока поведет по городу этих книголюбов, я сейчас распряжусь, чтобы им подслали в помощь еще кого-нибудь. А сам езжай-ка к этому Поталенко, машину тебе дам. Вот если и там ничего, тогда посмотрим.

От Комарова я вышел, унося с собой твердый вывод: если решать самостоятельно надо уметь при любой зарплате, то откладывать решение, слава богу, пререгати́ва тех, у кого зарплата выше.

Впрочем, понадобилось всего каких-нибудь минут сорок, чтобы мой жизненный опыт пополнился еще одним любопытным рассуждением: большую зарплату, по крайней мере в МУРе, зря не платят. Я сидел за огромным обеденным столом красного дерева, прихлебывая великолепный липтонский чай из тончайшего мейсенского фарфора, слушал рассказы о великих книжниках прошлого и вертелся как на иголках. Меня интересовали книжники современные, и с Николаем Ивановичем Поталенко, очаровательным стариком, бывшим летчиком-испытателем, мне совершенно не пришлось хитрить. Едва я заговорил о своем интересе к старым книгам, он словоохотливо вывалил мне все свои свежие, но уже наиболее проблемные.

— Ух, эта молодежь! — весело кричал он, увесисто пристукивая по столу сухоньким, но крепким кулачком, так, что мейсенский фарфор угрожающе звякал. — Звери! И откуда берут-то? За последние два месяца весь мой обменный фонд распотрошил! Я уж думал: все, успокоился, так нет! Позавчера является ко мне, приносит: Пушкин прижизненный, «Евгений Онегин», Радищев, еще бог знает что! И ведь знает, подлец, на чем подловить старика! «Я у вас оставлю все это, Николай Иванович, посмотрите, дескать, в спокойной обстановке, подумайте!» Да какая тут может быть спокойная обстановка — я две ночи не сплю, все полки облизал: что им отдать, что продать? А сегодня, представьте, является и все забирает: у меня, говорит, еще покупатель появился, думайте до вечера, а то уйдет в другой город. И ведь уйдет же!

Поталенко полушутливо-полусерьез хватался за голову, а я, хоть у меня самого все внутри дрожало так, что даже чашку пришлось поставить, дабы не кокнуть ненароком, ужасно хотел его успокоить: не волнуйтесь, Николай Иванович, не уйдет. Но тут же мне пришло на ум, что, обоснуй я ему как следует мою уверенность, она, пожалуй, мало его утешит. Вот почему вместо этого я дождался паузы, извинился и попросил:

— Можно мне от вас позвонить? Меня товарищ на улице ждет, надо ему кое-что срочно передать.

Что было частью правдой.

— Слушайте, Овсов,— спросил Северин,— а откуда у вас такая странная кличка — Лошадь?

К тому времени, как я подъехал к Балакину в отделение, куда Северин доставил задержанного, беседа между ними была в разгаре. Стас с угрюмым видом расхаживал по кабинету, заложив руки за спину. Круглое, щекастое лицо Альберта расцветилось пятнами, стало похожем на подмохшую, перезрелую клубнику. Сейчас он страдальчески скривил пунцовые губы и умоляюще прижал ладони к груди.

— Ну почему сразу кличка, братцы? Вы что, правда считаете, будто я уголовник какой, а? — Его узкие глазки-щелочки из-под припухших век тревожно перескочили с Северина на меня, потом на Балакина. — Ей-богу, братцы, по-моему, вы меня с кем-то спутали! А что Лошадью... Долго объяснять. — Он безнадежно махнул рукой и совсем понурился. — Это... ну, в общем, из классики...

— Понятно,— буркнул Северин. — Оно, конечно, милиционерам про классику объяснять без толку. Они книжечками не торгуют, стало быть, их и не читают. — И неожиданно поинтересовался: — А что, прижизненный Чехов тоже в хорошей цене, да?

Овсов запнулся окончательно, замекнул что-то оправдательное. Но Северин прервал его:

— Стоп! Поехали по второму кругу. Значит, вы утверждаете, что это ваши книги?

— Мои,— уныло согласился Альберт.

— Как они к вам попали?

— Я их купил...

Северин бросил мне быстрый многозначительный взгляд.

— Так. У кого?

— У... у женщины...

— Это мы уже слышали. Но я так и не понял: она ваша знакомая?

Не надо было быть крупным психологом, чтобы по лицу Лошади определить, что сейчас он судорожно пытается принять, как ему кажется, очень важное решение. Я даже знал, какое. Руку даю на отсечение, он прикидывал, задержали мы его в связи с Ольгой или по какому-нибудь другому поводу. Если по другому, то ему нет никакого смысла самому лезть в петлю, связывать книги с Троепольской. А если все-таки в связи с ней, ложь сыграет против него.

И тут я увидел спасительный ход и похолодел. Ибо спасительным ход был для Овсова. А в следующую секунду я обреченно понял, что и он нашел его.

— Знакомая... — выдохнул Альберт.

— Имя? Фамилия? — напористо расспрашивал Северин.

И Овсов ответил окрепшим голосом:

— Троепольская Ольга Васильевна.

Наверное, я бы дрогнул. Но Стас (то ли еще не понял, к чему клонится дело, то ли нервы у него железные) продолжал как ни в чем не бывало:

— И сколько вы за них заплатили?

Мне показалось, что Овсов содрогнулся всем телом. Я буквально ощутил, как его сейчас раздрает страшная мысль: «Неужели не угадал?!» Но отступить теперь было некуда. И он пролепетал еле слышно уже известную нам минимальную каталожную цену:

— Четырнадцать тысяч...

— Отлично! — Северин плюхнулся на стул, придвинул к себе лист бумаги. — Дайте-ка нам теперь координаты этой — как вы говорите? — Троепольской!

Я уже понял, что Стас блефует, но этот блеф был того сорта, который принято иначе называть хорошей миной при плохой игре. Овсов тем временем услужливо продиктовал адрес Ольги, ее домашний и рабочий телефоны. Записав, Северин поднялся, бодро сказал:

— Сейчас мы будем кое-что проверять, а вы пока посидите в соседней комнате, отдохните. Товарищ Балакин, проводите гражданина.

Вид у Овсова был жалковатый. Стас же держался орлом. И только когда мы остались с ним одни, он повернул ко мне озабоченное лицо:

— Не влипли мы с тобой, Шурик, а?

Потом мы молча сидели и оба, видимо, думали об одном и том же. Как мы, два лохуха, не смогли предусмотреть такую простую возможность! Хотя в общем-то понятно, как... Словно стажеры-первогодки увлеклись собственной версией: именно книги похищены из комнаты Троепольской. Ну, а раз есть похититель вместе с похищенным — давай его хватать! Мы то думали, что знание того, что убитая не Троепольская, суть наше преимущество, а оказывается, Овсов на этом выезжает! Валит себе преспокойно на мертвую, как он считает, Ольгу! И поди опровергни его, пока не нашли журналистку, которую искать собирались через него же...

— Может, устроить ему опознание голоса по телефону? — неуверенно предложил я. — Петрова с Пырскойовой его узнают, там были угрозы...

Но Северин махнул рукой: дескать, безнадежно.

— Если не дурак — отвертится... Скажет: сначала ругались, потом помирились. Чего в жизни не бывает? Презумпция невиновности — это, знаешь, такая штука...

— Старушка? — в форме вопроса предположил я. — Вкупе с блоком Троепольской?

— Да мы уж говорили с тобой, — досадливо закусил губу Стас. — Слабовато, все слабовато. Уже видно ведь: не дурак. Выкрутится, обязательно выкрутится!

— Лангуева? — продолжал я перечислять варианты.

— Что Лангуева? Будет себе стоять на своем — ей-то что! Зацепка нужна, хоть какая-нибудь зацепка! И ведь оба врут — и Овсов, и Лангуева, я это чувствую! А зацепиться не за что...

Тихо вошедший за минуту до этого Балакин сказал:

— А может, мы и с Лангуевой увлеклись? Почему она обязательно врет? Да, конечно, бабушка-старушка носила книги именно ей, и Джима с Лошадью Троепольская подслушала в ее магазине. Но согласитесь, ни одного прямого доказательства, что Лангуева лично знакома с Овсовым, у нас нет! Вдруг это он приходил в квартиру после убийства? Может, стоит еще раз внимательно на фоторобот поглядеть?

Он открыл ящик стола и выложил две увеличенные карточки: одна — с усами и щетиной, другая — на случай возможного маскарада — без них.

— Ничего общего, — пробормотал Северин, вертя их так и этак. — И вообще, извините, даже если бы было, это тоже не ахти какое доказательство. Мало ли кто может быть похож на фоторобот. Вот этот, например, без усов — вылитый Невмянов.

Я обиделся.

— Неужто у меня правда рожа такая противная?

— А что, — засмеялся Балакин, — действительно похож.

Я взгляделась внимательней. И, еще не очень веря себе, робко полез во внутренний карман за остатками полученных утром фотографий. Положил их рядом с фотороботом. Северин с Балакиным молча разглядывали этот вернисаж. Кажется, они еще не понимали того, что уже понял я.

Куда смотрела Лангуева, описывая Стасу незваного визитера? Поверх моей головы? Если она лгала, то для того, чтобы не пугаться; ей нужна была натура. Она рисовала портрет с меня.

15

На коротком совещании было решено в ближайшие наши планы начинать не посвящая, действовать на свой страх и риск. Я, правда, заикнулся про то, что, если у нас опять будет прокол, нам это припомнят вдвойне, но Северин сказал:

— Пожалуйста. Только сейчас докладывать, какие мы болваны, пойдешь сам.

Сломив таким образом мое слабое сопротивление, он пододвинул к себе телефон, снял трубку, взвесил ее на ладони, как гранату перед броском, шумно выдохнул и стал набирать номер. Но едва на том конце подошли к аппарату, голос его сделался бодрым, деловым:

— Нина Ефимовна, здравствуйте, Северин из МУРа беспокоит. Помните такого? Ага, очень хорошо! Вот-вот, как раз по этому поводу и звоню. Задержали тут одного типчика, похож по приметам. Если мы сейчас за вами машину пришлем, а? Ну и хорошо, ну и ладуськи! Минут через двадцать спускайтесь.

Он аккуратно положил трубку на место и посмотрел на нас.

— Что, ребятки, развалим мы их сейчас или нет? Ибо разработанный нами план состоял в постановке небольшого, но, как мы надеялись, драматического спектакля, конечной целью которого был сакраментальный «момент истины». Режиссерский замысел ясен, роли распределены, билеты проданы. Осталось только ждать.

Через зарешеченное окно я видел, как к отделению подкатил патрульный «уазик». Открылась задняя дверца, и в воздухе показалась, ища опоры, суховатая ножка в не слишком изящной стоптанной туфле. Рядом возник Северин. Лангуева прыгнула на землю и немедленно принялась отряхивать пепел с юбки. В углу рта у нее торчала сигарета.

Я не один наблюдал в окно за этой сценой. В эти самые секунды Балакин выводел из соседнего кабинета и неторопливо вел по коридору Алика Овсова. Он двигался с таким расчетом, чтобы буквально нос к носу столкнуться с Севериным и Лангуевой именно в том месте, где длинный милицейский коридор делает крутой поворот на девяносто градусов. Столкнуться — и тут же разминуться, свернуть за угол, потерять друг друга из виду. Стоя у окна, я мог только гадать, как все идет. Мне была отведена молчаливая, но важная роль — что-то вроде статуи командора. Дверь за моей спиной открылась.

— Проходите, — услышал я сухой, казенный голос Стаса. — Сюда, к столу, пожалуйста. Вот фоторобот, составленный по вашему описанию...

При этих словах я повернулся.

— А это, так сказать, оригинал, — закончил фразу Северин и спросил протокольным тоном: — Узнаете? Но Лангуева смотрела не на карточку и даже не на меня. Взгляд ее был прикован к аккуратно разложенным на столе книгам.

Кончиком тонкого пальца она откинула обложку одной из книжек, убедилась — то самое — и хлопнула обратно. Потом уселась на стул, высоко закинув ногу на ногу, щелкнула сумочкой, извлекла сигарету, прикурила. И только выпустив первую струю дыма, хмыкнула себе под нос и пробормотала что-то вроде:

— Можно было ожидать...

— Чего ожидать? — склонился к ней Северин.

— Имейте в виду, — сказала Лангуева, обводя стол скрюченными пальцами с зажатой в них сигаретой. — Я к этому отношению не имею.

Но я заметил, что сигарета подрагивает в ее руке.

— В каком смысле? — заглянул ей в лицо Стас.

— А в таком смысле, что книжек я не брала. Просто примчался этот идиот с выгученными глазами...

Нина Ефимовна скривилась, то ли от дыма, то ли от неприятного воспоминания, — кричит: «Такой случай! Никто не знает!» Пододнок...

Пепел покотился ей на юбку.

— Ну, я ему сказала: делай что хочешь, а я ни при чем. Наверть, когда придут, могу чего-нибудь по старой памяти, так и быть, но я ни при чем, — твердо повторила она.

— А зачем милицию вызывала? — чуть было не спросил я злорадно и осекся за мгновение до быстрого предупреждающего взгляда Северина. Действительно, если Нина Ефимовна Лангуева хочет пока думать, что может вот таким детским способом сухой выскочить из воды, — пусть думает. Пока.

— Отлично, — воскликнул Северин, усаживаясь за стол напротив нас и доставая стопку бланков. Тон его из протокольного сделался почти что дружеским.

— У меня от следователя прокуратуры имеется

отдельное поручение официально допросить вас по этому эпизоду. Не возражаете?

— Валайте, — согласилась Лангуева, зажигая новую сигарету.

Когда допрос подошел к концу, я взял у Балакина ключи и сходил за Овсовым. Пардон за каламбур, вид у Лошади был загнанный. Время, проведенное наедине с собой после мимолетной встречи в коридоре, не прошло для него бесследно. Пока я конвоировал его от кабинета к кабинету, он то и дело нервно утирал платком шею и красное разгоряченное лицо. А зрелище окутанной дымом Лангуевой перед столом с протоколом допроса dokonало его окончательно.

— Вот он, голубчик, — зло и торжествующе приветствовала Алика вобла, которая к концу допроса стала почти такая же разговорчивая, как при нашей первой встрече, только, так сказать, с обратным знаком. — А вы знаете, — удивленно повернулась она к Северину, — я вот вам тут все рассказывала-рассказывала, а сейчас вдруг подумала: может, он и мне тогда нравал, а? Может, он сам ее и убил?

С Аликом при этих словах случилось что-то ужасное. Он из красного сделался белым, пошатнулся, оперся на стену и стал медленно сползать вниз. Я еле успел подхватить его под мышки.

— Боже мой... — шептали его губы, ставшие из пунцовых синими. — Я не убивал... Боже мой...

Через час, отпояв Овсова валерьянкой, мы знали все. Разумеется, я имею в виду: все, что было известно самому Овсову. Но новое наше знание не только не продвинуло нас в раскрытии убийства и в поисках Ольги, но, пожалуй, запутало еще больше.

16

Как ни удивительно, Пивявкой Илюшу Яропова прозвали не друзья-блатари и даже не дворовые приятели, а родная мама Анна Кузьминична. Видать, нежным и ласковым сыночек был с самых отроческих лет. Справедливости ради надо сказать, что и сама Анна Кузьминична, или просто Нюрка, как звали ее все вокруг до самой старости, добротой и мягкостью нрава никогда не отличалась. Лупила своего отпрыска по делу и без дела, с пьяных глаз и потрезве, что, впрочем, бывало не часто, лупила до тех самых пор, пока сынишка не подрост. Тогда они поменялись ролями.

Скучная история. И хотя стараниями балакинских сыщиков и участковых удалось найти немало бывших жильцов шестнадцатого дома — свидетелей яроповского безобразного бытия, существенных деталей не всплывало. Ну, пили, ну, дрались, ну, ходили к ним разные компании... Тогдашний участковый, ныне пенсионер, старался побольше иметь дело с этой семейкой, «осуществлял профилактические меры», соседи старались поменьше.

Правда, с тех пор как Анна Кузьминична, полуразбитая предварительно параличом, переселилась от сына сначала в дом для престарелых, а через полгода в мир иной, поведение Ильи Яропова изменилось. Сказать, что в лучшую сторону, было бы неправильным. Просто в другую. Во всяком случае, жалоб от соседней участковой убавилось. Да и то сказать, самих соседей за годы становилось все меньше. Кое-кто из населяющих огромную коммуналку умирал, другие получали благоустроенные квартиры как очередники, а новых сюда селили неохотно — дом давно уже по генплану предназначен был под капремонт. Яропов по-прежнему нигде не работал постоянно, числился за грузчиком в одном месте, то чернорабочим в другом, но поскольку вреда, то бишь шума, драки и других антиобщественных действий, от него теперь видно не было, его более или менее оставили в покое.

На том, собственно говоря, и сгорел тогдашний участковый, отправившись на пенсию несколько раньше, чем ему хотелось. Это произошло вскоре после того, как выяснилось, что просторная комната Яропова в полупустынной, отживающей век коммуналке стала постоянным местом встреч вполне определенной категории лиц. Тихие, нешумные, скользили они тенями по плохо освещенному коридору, стараясь никого не потревожить, не привлечь к себе внимания. Слабым оправданием, но не утешением для старика участкового, который, и теперь еще смущаясь, рассказывал про эту историю Балакину, было, что в те времена наркомания как явление считалась в нашем обществе несуществующей. На худой конец могли иметь место отдельные нетипичные случаи. А нетипичное, понятное дело, характерно тем, что его до смешного мало, иначе какое же оно нетипичное. И чем меньше, тем лучше.

Яропову было предъявлено обвинение в содержании притона для потребления наркотиков. А в процессе следствия стало известно, что Пивявка славился среди соответствующего контингента как человек, у которого всегда можно найти «травку», «колеса», а то и порошок. Он получил десять лет в колонии усиленного режима, где находится и поныне.

Конечно, бывают в жизни совпадения. Но теперь никто из нас уже не сомневался, что тут «тепло». Наркоманка, убитая в той самой комнате, где много лет назад был притон наркоманов... Крупицы морфия

в кармане плаща... «Кукла», которую принес человек, сославшийся на Пивяку...

В принципе надо было собираться в командировку в Мордовию, на встречу с Яроповым. Правда, для разговора материала до смешного мало: фотография убитой, смутные приметы человека с «куклой»... В Мордовию путь неблизкий; а ну как упрется Пивяка? Скажет: не знаю, не помню — и баста. А время, время бежит!

Ибо мы сейчас расследуем не просто убийство неизвестной. Фактически на руках у нас два дела: второе — по факту исчезновения Ольги Троепольской. Где она? Жива ли? С каждым днем шансы на это уменьшаются. Поэтому, посоветовавшись с Комаровым, мы решили с поездкой к Яропову повременить, попытаться завтра реализовать кое-какие надежды, которые оставались здесь, в Москве.

Первую я связывал с редакцией, точнее, с ведущим отделом писем по фамилии Чиж. Вторая появилась благодаря Балакину: ему удалось разыскать некоего Кошечкина Валерия Петровича, единственного из жильцов дома, кто был вхож к Яропову. Его, Кошечкина, незадолго до посадки Пивяки самого случайно задержали «под кайфом», нашли при нем шприц и пакетик с опиумом, осудили на два года. Он уже давно вышел, по сведениям из отделения милиции по месту жительства, ведет нормальный образ жизни, женат, имеет ребенка. Сейчас он в командировке, должен приехать завтра днем. Третья надежда тускло светила нам сквозь бурелом овсовских показаний...

Усталые, злые и недовольные, мы собирались расхаживать по домам, когда на столе у Балакина зазвонил телефон. Я стоял ближе всех и снял трубку.

— Копытин, дежурный из 107-го, — послышался неторопливый басок. — Это ваша будет девочка? — Я буквально увидел, как он листает папку со сводками: — Троепольская Ольга Васильевна, рост 165, волосы темные, глаза...

— Наша! — заорал я так, что Северин с Балакиным вздрогнули.

— Ага! — удовлетворенно констатировал он. — Тогда, значит, вот какое дело. Тут один госавтоинспектор, из 5-го, доставил пьяного, а у меня карточка вашей барышни под стеклом на столе, ну, как положено...

Он совершенно никуда не торопился, а я просто приплясывал вокруг телефона.

— Так вот, значит, он говорит, видел вашу девочку!

— Когда? Где? — выдохнул я.

— Сейчас... — басил Копытин, — сейчас... Я записал. В воскресенье, шестого. В районе пересечения Вернадского с Ломоносовским. В двадцать часов ноль семь минут.

— А что она там делала? — поинтересовался я, недоумевая, откуда такая точность.

— Машиной ее сбило, — объяснил дежурный и добавил обстоятельно: — «Жигулями».

— Насмерть? — спросил я, вчуже удивившись, как вдруг сел мой голос.

— Да вроде нет, — ободряюще пророкотал Копытин. — Вроде, когда везли в больницу, еще жива была. А там он не знает...

— В какую больницу?

— Говорит, в Боткинскую.

— Подождите, пожалуйста, у телефона, — попросил я и, прикрыв трубку рукой, сжато изложил новости Северину и Балакину. Новости тем более ошеломительные, что время совпадало с днем убийства, а место — с районом, где расположено дом Троепольской.

— Ну вот и разгадочка, — улыбнулся Мита. — Она, оказывается, все это время в больнице лежала.

— Погоди радоваться, — жестко возразил Северин. — Мы же больницы проверяли.

И тут, словно услышав его, далекий Копытин крикнул в трубку:

— Алло! Слышите? Тут, правда, есть одна загвоздка. Этот гаишник... Дежурный помедлил. — Он ее по карточке опознал. А вот насчет фамилии... Он точно не помнит, но говорит, там была какая-то другая. Могло так быть?

Могло, подумал я, очень даже могло. И спросил:

— Как фамилия инспектора?

— Старший лейтенант Игнатов.

— Вот что. Соединитесь с дежурным по отделению ГАИ, объясните им ситуацию. Скажите, пусть немедленно свяжутся с Игнатовым и попросят его подъехать в Боткинскую, к приемному покою. Мы будем там через пятнадцать минут.

Северин добавил:

— Пускай, пока мы будем ехать, дежурный посмотрит по книге происшествий ее фамилию и прочие данные, а потом по рации передаст инспектору. Чтб нам в больнице не терять времени.

Гаишник уже ждал нас возле пандуса, по которому заезжают машины «Скорой помощи». Он оказался высоким и плечистым богатырем с круглым улыбочивым лицом. Словно уловив флюиды нашего нетерпения, он с места в карьер перешел к делу:

— Салина Александра Игоревна, вот адрес, я записал на бумажке.

— Пошли с нами, по дороге расскажешь подробности, — скомандовал Северин.

Лауда. Несмотря на то, что это кольцо опасно, я все-таки не вижу в Нюрбургринге что-то сверхъестественное, он не бросит мне больше вызова. Вначале он мне даже нравился, так как сам я идеальный тип гонщика именно для трасс с подобными характеристиками. Это трек для тех, кто непрерывно совершенствуется, он рассчитан на тонкую и терпеливую работу. Я показывал на нем хорошие результаты, поэтому что отлично знал эту трассу. Перед первым стартом, еще в «Формуле-V», я тренировался там целую неделю. Я участвовал в гонках всех возможных категорий на этой трассе, даже в гонках «24 часа» (и выиграл их), и никогда ничего не имел против самой дистанции. И это потому, что меня не волновала безопасность трассы: наряду с обычной опасностью автоспорта я, не задумываясь, встретил и дополнительную, лишнюю опасность.

Обвинитель. Если гонщик начинает слишком задумываться над опасностью, ему лучше сменить профессию.

Защитник. Что значит, — слишком задумываться? Одни задумываются над опасностью, другие — нет.

Лауда. Я попытаюсь объяснить. Это началось, когда я уже «прибыл» к «Формуле-I». Конечно, и раньше мне доводилось видеть аварии с человеческими жертвами, но они не трогали меня так сильно, потому что не было окончательного ответа на вопрос, не допустил ли сам гонщик какой-нибудь ошибки. Может быть, он выпил лишнего накануне вечером и из-за этого не был достаточно сосредоточен. А может, это просто не очень опытный гонщик и, следовательно, не совсем пригодный к данному виду спорта. Поэтому я особенно не задумывался над подобными вопросами. Мое отношение к этому изменилось только тогда, когда я вошел в число спортсменов мирового класса и увидел, как погибают такие же гонщики, как я, то есть люди, о чьих способностях и умениях я мог судить. Когда приходится постоянно видеть, как гибнут гонщики, не допустившие никакой ошибки, дело обретает совсем иной вид. Начинаешь поневоле задумываться, не обращать внимания невозможно.

Защитник. Какие именно аварии привели вас к такому выводу?

Лауда. Например, та, в которой погиб Роджер Вильямсон в Зандворте, хотя это и случилось в основном из-за абсолютно непригодного огнетушителя на борту, при помощи которого разве что спичку можно было погасить. Или тот случай, который стоил жизни Ревсону в Южной Африке, когда Петер врезался в бортик. Или как снесло голову Хельмуту Конниггу в Уоткинс-Глене. Если человек сталкивается с подобными фактами и не делает никаких выводов — это бесчувственный человек. А я, с тех пор как осознал все это, постоянно борюсь с теми источниками опасности, которых можно избежать. Иногда в некоторых из нас просыпается «герой», а другие просто недостаточно шевелят мозгами. В 1976 году в Нюрбургринге я поступил необдуманно, удовлетворившись обещанием, что этот заезд будет последним.

Обвинитель. Может быть, в молодости Лауда был не такой, как в последние годы выступлений?

Защитник. Безусловно, он был не так опытен, но стиль свой он сумел продемонстрировать достаточно рано.

Лауда. Правильное суждение о моих возможностях автогонщика высказал Курт Бергман, менеджер команды, за которую я выступал вместе с Хельмутом Марко еще в «Формуле-V». «Никто ничего ему не дарил, — заявил Бергман. — Даже в его команде. Он первым в «Формуле-V» сделал круг по треку Нюрбургринг меньше чем за 10 минут, но потом Марко обошел его на виражах. В технике он ничего не смыслил, но у него было развитое чутье, отличная интуиция, не находящая себе реалистического объяснения и не сочетающаяся с существующей теорией. Он целиком посвятил себя автомобильному спорту. Я думал, что он станет отличным гонщиком «Формулы-II». Един-

ственное, что могло бы ему воспрепятствовать, это финансовые трудности, ведь деньги часто являются основополагающим фактором карьеры. Ники, можно сказать, был готов на все, но мне он казался человеком, никогда не доводящим дела до конца. И тот факт, что жил он очень скромно, не мог ему помочь. Он всегда носил одну и ту же одежду и ничем не увлекался, кроме автоспорта».

Обвинитель. Типичная сентиментальная история о бедном юноше! Но если отвлечься от романов, мнение Бергмана хоть и обосновано, но не до конца, так как машины, на которых ездил Лауда в те времена, — это скоростные машины.

Лауда. Бергман был первым, кто заметил мои успехи. «Я заметил, — пишет он, — что Лауда делал успехи по мере увеличения числа мощности двигателей. Если бы машины «Формулы-I» и по сей день имели бы всего по 200 лошадиных сил, Лауда не стал бы чемпионом мира. Если бы, наоборот, они имели бы по 1000 лошадиных сил, его превосходство над соперниками было бы более существенным».

Защитник. Бергман безапелляционно заявляет: «В технике Лауда ничего не смыслил». Мне это кажется спорным, более того, неверным. О Ники всегда говорили как о большом автоиспытателе, все признавали за ним большие достоинства при освоении новой модели. Инженеры Бернхард и Мецгер, разработавшие на фирме «Мак-Ларен» новый двигатель «Тэг Порше турбо», многим обязаны неустанной педантичной заботе Лауды обо всех тонкостях и деталях нового двигателя.

Лауда. Немного менее строгим было мнение Фрица Индры, технического директора команды BMW в 1973 году. «Не нужно строить иллюзий, — сказал Индра, — относительно технических знаний гонщиков. Почти никто из них не имеет глубоких представлений о технических проблемах. Даже теоретические знания Лауды немного стоят, но он, возможно, и не смог бы объяснить с техниками точнее, чем все остальные гонщики высшего уровня. Когда он указывает на неполадки, он уточняет — «спереди, справа», и можно быть уверенным на сто процентов, что неполадки действительно именно там. Поэтому с ним мы быстрее всего добиваемся устранения дефектов. Глубокой информацией он не располагает, но все же имеет больше технического чутья, чем любой другой гонщик».

Обвинитель. Ну, может быть, Крис Эмон и посильнее Лауды в этом отношении. Как гонщик он ни разу не завоевал Гран-при, но как испытатель он выше всех, ему ничему ни у кого не надо было учиться.

Лауда. Наиболее сбалансированное аналогичное сравнение принадлежит Мауро Форгыери, технику, которого я не устаю называть гениальным, хотя имел с ним кое-какие чисто житейские проблемы, особенно в последний период моего пребывания на фирме «Феррари». В частности, он на редкость неуживчив. Так вот Форгыери, которого я цитирую с удовольствием, так как не подозреваю его в любви к себе (равно как и он не подозревает меня в любви к нему), сказал очень справедливо: «Говорят, что Лауда — отличный диагност, но Эмон значительно опережает его, так как он определял не только «болезнь», но и средство от нее. Это очень упрощенное сравнение, но если мы все же хотим их сравнить, сделать это будет очень трудно: они жили и работали почти в одно время, однако в техническом отношении эпохи были очень далеки друг от друга. Кроме того, многое из того, что требовалось от Эмона, мы никогда не хотели от Лауды, потому что мы ушли вперед, потому что у нас появились новые приборы и инструменты, помогающие нам выявлять недостатки в той или иной системе автомобиля, потому, наконец, что тогдашние недостатки не являются сейчас проблемой. Поэтому сегодня труд-

но сказать, кто стоит большего, так как сама работа усложнилась или, другими словами, повысился уровень механизации. Сейчас мы стали придирчивее, так как требуем от гонщика выжимать из машины все до предела. А информацию мы научились получать не от него, а от обработки данных, из статистики, от подсчета вероятности, дающего возможность планировать аналогичные технические вмешательства в аналогичных ситуациях».

Обвинитель. Я не подвергаю сомнению утверждение Форгыери, но гонки были и остаются гонками, то есть спектаклем, в котором некоторые актеры в состоянии вызвать у нас сильные эмоции, зажечь нас, а другие не в состоянии. И Лауда, с моей точки зрения, в числе последних.

Защитник. Позвольте процитировать: «А для меня Лауда остался принадлежностью героического автомобильного спорта, где большие скопления народа, где крутые виражи, шум моторов и старты, старты!.. Сейчас крутых виражей практически больше не существует. Вести машину стало легче, хотя на самом деле это впечатление обманчиво, стало сложнее. Ведь ее стало труднее понять. Но, думаю, нельзя отрицать, что Ники — великий гонщик». Это сказал знаменитый Энцо Феррари, с которым Лауда расстался не самым мирным образом.

Лауда. Феррари в своей книге писал: «Лауда был приглашен на фирму «Феррари». Он произвел впечатление серьезного молодого человека, созданного исключительно для совершенствования профессиональной подготовки, освоения машины, что получалось у него естественным, подсознательным образом. В соревнованиях он показал себя надежным и четким человеком. За короткое время он стал настоящим, умным гонщиком, это бесспорно. На фирме «Феррари» он много сделал, но гораздо больше мог бы еще сделать. Что касается его характера, то я обычно не высказываюсь об этом. Свое мнение я держу при себе, так как убежден, что человека можно судить строго, только если сам побываешь точно в таких же обстоятельствах».

Защитник. Это суждение авторитетного специалиста. Но вернемся к разговору о Ники. Подведем итог его спортивной карьеры. В апреле 1968 года он принял участие в первой своей гонке — по горной трассе в Австрии на машине «Мини Купер С», то есть на обыкновенном легковом автомобиле. Уже через четыре года он выступал в тридцати гонках разной сложности, в том числе для машин класса «Формула-II» и «Формула-I». В 1973 году Ники подписал контракт с фирмой «Феррари», в то время одной из ведущих фирм, производивших машины класса «Формула-I». В свой последний звездный год он выступал за транснациональную фирму «Мак-Ларен». Трижды Лауда становился чемпионом мира, 24 раза выигрывал Гран-при. За почти два десятилетия он участвовал в 296 тяжелых гонках, в которых набрал более четырехсот очков. И это с учетом двух пропущенных лет. Так скажите же, разве возможны такие результаты у «хладнокровного резонера», «жующего» свои колеса, у человека сверхвезучего, а не талантливого?

Обвинитель. Не подлежит сомнению, что Лауда — чемпион из чемпионов с точки зрения того, какие споры он вызывает у болельщиков. Но я признаю, что иногда он помогает им стать счастливыми.

Защитник. Неизвестно только, счастлив ли он сам...

Лауда. Я не ломаю голову над этим вопросом. Стараюсь всегда заниматься тем, что люблю, что мне доставляет удовольствие. До сих пор мне это удавалось. Если это и есть счастье, то я человек счастливый.

Материал подготовил
Валерий ШТЕЙНБАХ.

СМЕНА '87

Читайте в ближайших номерах:

Что нового в кооперативах.

Драматург Виктор Розов. Как трудно быть молодым.

Когда генералу всего тридцать девять.

Борис Гребенщиков и его

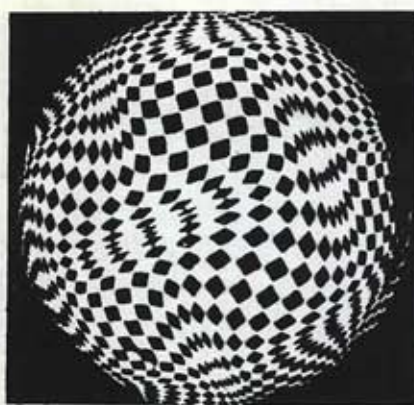

Интимная жизнь молодых. Продолжение разговора.

Великий скульптор Анна Голубкина. Очерк Юрия Нагибина.

Новый роман Юлиана Семенова.

Подписка на «Смену» не закончилась, она продолжается. Вы можете выписать журнал в любом почтовом отделении, в агентстве «Союзпечати» до 1-го числа предподписного месяца. В розницу журнал поступает в ограниченном количестве.

29-я шахматная олимпиада

Под редакцией гроссмейстера
Виктора ЧЕПИЖНОГО

Не всегда шахматному композитору для воплощения своего творческого замысла удается найти подходящую угрозу. Но в распоряжении автора есть еще один технический прием, с помощью которого он может управлять шахматными фигурами.— цугцванг.

Цугцванг — это такое положение, когда у одной или у обеих сторон (обояднй цугцванг!) нет полезных ходов, более того, любой ход ведет к ухудшению собственной позиции.

Это более сложный, чем угроза, прием составления шахматных задач, так как очень часто приходится механически ограничивать подвижность фигур, чтобы исключить «лишние» защиты. Это ведет к более громоздким позициям. Кроме того, приходится бороться с многочисленными дуалиями, которые в позициях на цугцванг неприятны.

Все же очень много миниатюр построено именно на цугцванг. Это связано с тем, что силы черных в миниатюрах весьма незначительны и часто представлены «голым» королем.

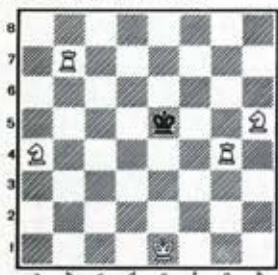
Двенадцатый тур

Белые: Крg7, Фf1, Ла8, Се1 (4).

Черные: Крh2, Ка7, Кс8 (3).

Мат в 2 хода (1 балл).

Белые: Кре1, Лb7, Лg4, Ка4, Кh5 (5).

Черные: Кре5 (1).

Мат в 4 хода (3 балла).

Белые: Крf8, Фd7, Чh4 (3).

Черные: Крh8, Сс3, Сd3, Кd6 (4).

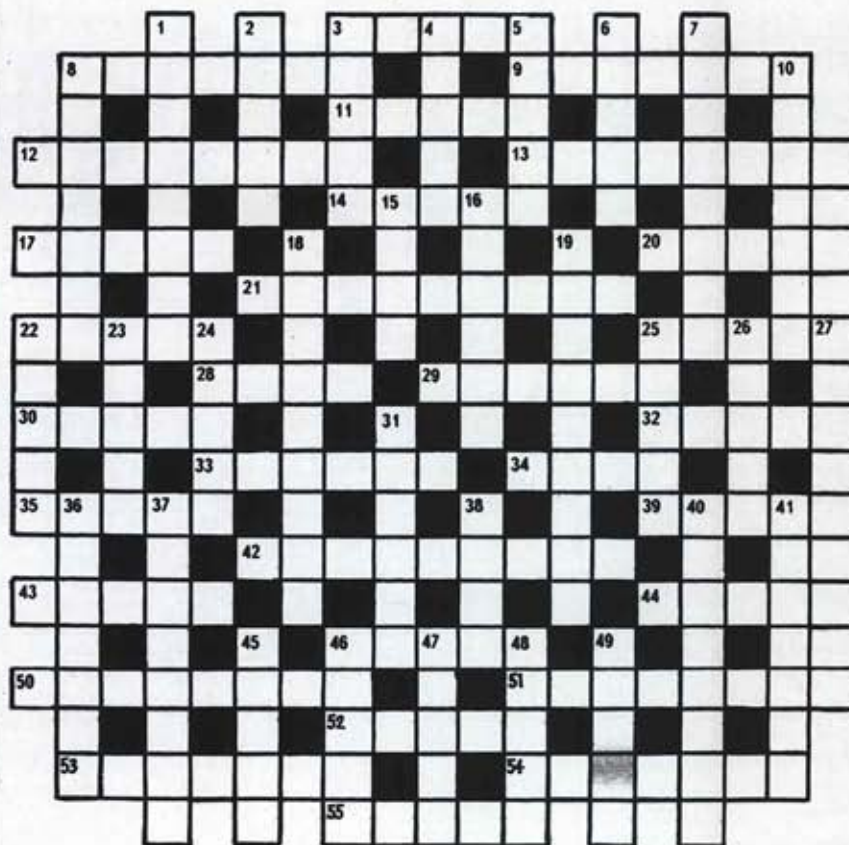
Мат в 4 хода (3 балла).

Ответы на задания присылайте только на открытках (без конвертов!) с пометкой «29-я шахматная олимпиада. 12-й тур». Последний срок отсылки писем (по почтовому штемпелю) — 1 октября.

КРОССВОРД победителя конкурса кроссвордистов-87

Составила А. ДЕНИСОВА. Курск

«ЛИТЕРАТУРА И ИСКУССТВО»

По горизонтали:

3. Рассказ А. Чехова о пианисте, вынужденном за плату продавать свой талант. 8. Музыкальный инструмент, символ застывания, замерзания у Н. Римского-Корсакова. 9. В Адыгее — камыль, в Башкирии — курай, в Туркмении — тойдук (русское название). 11. Название опер В. Беллини и Ц. Кюи. 12. Датский художник, награжденный титулом «чрезвычайный и полномочный посол Юмора». 13. Сигнальный инструмент казаков Запорожской сечи. 14. Напоминающая примитивный лук абхазская флейта, игрой на которой сопровождают военные и исторические песни. 17. Танец инков, самый популярный в Андах. 20. Инструмент, с которым М. Горький сравнил Неаполь, похожий на «старинную гравюру». 21. Инструмент, впервые изображенный на картине Веронезе «Пир в Кане». 22. Автор «Броненосца «Потемкин» — одной из первых советских опер на революционную тему. 25. Неаполитанский композитор, чей «Орфей и Эвридика» был первым в истории Франции оперным спектаклем. 28. Бурятский инструмент, в сопровождении которого поют старинные протяжные песни. 29. Предшественник бандуры, в эпоху Возрождения популярный в Италии и Герма-

По вертикали:

1. Растение, из которого сделана флейта Пана на картине М. Врубеля. 2. Лейттема балета Д. Шостаковича «Золотой век». 3. Вокальный песенный цикл у пенджабцев. 4. Герой мифа Овидия и оперы Ф. Гиза. 5. Семнадцатиструнный инструмент жонглеров в средневековой Франции. 6. Барабан, дополняющий ситар при исполнении любовной лирики в Индии. 7. Судья человеческих душ в тибетской мифологии. 8. Флейта Пана в грузинском варианте. 10. Латвийский рог, на котором юноша, собираясь жениться, исполняет грустные мелодии. 15. Жилище Баира, героя оперы Б. Ямпилова «Чудесный клад». 16. Первая часть «Лунной сонаты» Бетховена. 18. Эстонская вольнка. 19. Усовершенствованные старинные цимбалы, названные по имени мастера. 22. Тамильский инструмент, обращавший врагов в паническое бегство («Махабхарата»). 23. Будапештский мастер, реконструировавший в XIX веке цимбалы. 24. Эпизод во «Временах года» Гайдна, в кото-

ром солируют четыре валторны. 25. Арабский гобой. 26. Духовой инструмент русских скомокохов. 27. Египетская богиня с храмовой погремушкой, или систром, как ее называли в древности. 31. Советский композитор, автор трех мюзиклов по А. Сухово-Кобылину. 36. Инструмент, необходимый при исполнении балета А. Хачатуряна «Гаянэ». 37. Инструмент, звучащий в эплоге оперы М. Глинки «Иван Сусанин». 38. Чилийский народный певец, выступающий с гитарроном. 40. Опера Д. Верди, первая в лирико-психологическом ряду. 41. Главная тема поэмы О. Бергольц «Февральский дневник». 45. Первое музыкальное произведение основоположника австрийской оперетты Ф. Зуппе. 46. Советская пианистка, чьей игрой восхищался М. Горький. 47. Самый большой барабан, надлежавший вождю у народов Замбии. 48. Музыкальный термин, которым щеголяет Мартышка у И. Крылова. 49. Самозвучащий инструмент, популярный в Конго и Заире.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 16

По горизонтали:

3. Кобза. 8. Пианола. 9. Наккарт. 11. Гамба. 12. Тальянка. 13. Талампот. 14. Нгома. 17. Тибия. 20. Анзад. 21. ...гармоника... 22. Кошук. 25. Рабоб. 28. Уда. 29. Локука. 30. Сапаи. 32. Габал. 33. Торбан. 34. Бала. 35. Тарка. 39. Санса. 42. Дильрубаб. 43. Домра. 44. Фагот. 46. Ребаб. 50. Зарамане. 51. Эмиртон. 52. Гануэ. 53. Омубала. 54. Тариджа. 55. Лиома.

По вертикали:

1. Данылигу. 2. Зорна. 3. Каган. 4. Бомбо. 5. Аната. 6. Икили. 7. Шарманка. 8. Пианино. 10. Троканю. 15. Гема. 16. Миньон. 18. Бандурия. 19. Скаудамас. 22. Кусат. 23. Шапар. 24. Куита. 25. Рагас. 26. Бубен. 27. Бала. 31. Карье. 36. Абокано. 37. Кордавун. 38. Дуда. 40. Акадинда. 41. Сяосона. 45. Набат. 46. Регал. 47. Бунго. 48. Бэнта. 49. Цитра.

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ
ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА ВЛКСМ

Основан в январе 1924 года.
Выходит два раза в месяц.

№ 17 (1447)

сентябрь 1987

Москва, издательство «Правда»

Главный редактор
Альберт ЛИХАНОВ

Редколлегия:

Валерий ВИНОКУРОВ
Борис ДАНОШЕВСКИЙ
(ответственный секретарь)
Владимир ДЕСЯТЕРИК
Михаил КИЗИЛОВ
(заместитель главного редактора)
Александр КУЛЕШОВ
Иосиф ОРДЖОНИКИДЗЕ
Роберт РОЖДЕСТВЕНСКИЙ
Евгений РЯБЧИКОВ
Вадим САЮШЕВ
Виталий СЕВАСТЬЯНОВ
Владислав СЕРИКОВ
Игорь СЕРКОВ
(заместитель главного редактора)
Олег ШЕСТИНСКИЙ

Главный художник
Виталий ФЕДОРОВ

Художник
Геннадий КОРНЫШЕВ
Технический редактор
Александра ГУСЕВА

101457, ГСП, Москва,
Бумажный проезд, 14

212-15-07 — для справок. Отделы:
212-21-59 — рабочей молодежи и науки,
250-29-39 — коммунистического воспитания,
251-32-84 — фотоочерка,
212-21-38 — военно-спортивный,
212-13-19 — международной жизни,
251-04-10 — литературы и искусства,
212-11-27 — писем и массовой работы.

Рукописи, фото и рисунки
не возвращаются.
Рукописи объемом
более одного авторского листа
(24 машинописные страницы)
редакцией не рассматриваются.

© Издательство «Правда».
«Смена», 1987 г.

Сдано в набор 20.07.87.
Подписано к печати 31.07.87.
А 05114. Формат 70x108%.
Глубокая печать. Усл. печ. л. 5,60.
Уч.-изд. л. 11,55. Усл. кр.-отт. 21,7.
Тираж 1 300 000 экз.
Изд. № 2379. Заказ № 1035.

Ордена Ленина
и ордена Октябрьской Революции
типография имени В. И. Ленина
издательства ЦК КПСС «Правда»,
125865, ГСП, Москва, А-137,
улица «Правды», 24.

В будущем году читатели нашего журнала вновь встретятся как с традиционными, полюбоившимися рубриками «Смены», без которых ее просто невозможно себе представить, так и с новыми рубриками, рождение которых нам подсказывают события, составляющие суть времени, несущие на себе его отпечаток, и письма наших читателей, в которых они предстают все более активными, все более заинтересованными.

«КОМСОМОЛ И ПЕРЕСТРОЙКА», «ЧТО ВОЛНУЕТ МОЛОДЫХ», «АДРЕС ИНТЕРЕСНОГО ОПЫТА», «ИССЛЕДУЕМ ПРОБЛЕМУ» — в материалах, которые будут опубликованы под этими рубриками, читатель встретится со своими молодыми современниками, узнает, о чем они думают, о чем тревожатся, где они способны одолеть недостатки, где пасуют перед ними. В материалах этих рубрик будет создан своеобразный портрет молодого поколения нашего времени, живущего в трудное, но на редкость интересное время.

«ОТЕЧЕСТВО», «СИЛУЭТЫ» — рубрики, которыми гордится журнал, которые придают ему неповторимое звучание, которые горячо любят наши постоянные читатели. В новом году материалы о памятных местах нашего Отечества приобретут большую критическую направленность, остроту, наступательность. От любования и поклонения мы хотим призвать наших читателей к совместной борьбе за сохранение наших культурных ценностей. А среди литературных силуэтов гениев мировой культуры читатели найдут не только отечественных писателей, но и зарубежных классиков.

«НРАВСТВЕННАЯ НОРМА», «ЗАКОН И ТЫ». Лучшие публицисты страны поедут по командировкам «Смены» во все уголки, где люди сталкиваются с несправедливостью, хамством, высокомерием, алчностью, бескультурьем, насилием, чтобы поднять на страницах журнала свой голос в защиту тех, чье человеческое и гражданское достоинство попирается, кто нуждается в помощи. Обсуждение,

гласное и прямое, таких проблем, осуждение тех, кто ставит себя над людьми, мешает им жить по-человечески, должно способствовать улучшению нравственной атмосферы нашей жизни, победы справедливых начал.

«ИНТИМНАЯ ЖИЗНЬ МОЛОДЫХ», «БЕРЕГИ ЗДОРОВЬЕ СМОЛОДУ» — в этих рубриках ведущие специалисты, врачи, психологи, социологи поведут с молодыми людьми разговор о тех сторонах человеческой жизни, которые все еще покрывает пелена умолчания, ложной стыдливости. Хотелось бы, чтобы эти публикации уберегли молодых от неверных шагов в жизни, раскрыли им всю красоту и единственность подлинных человеческих чувств, привили им иммунитет от пошлости, грубости, жестокости.

«ЗВЕЗДЫ МИРОВЫХ АРЕН», «ФУТБОЛЬНЫЙ КЛУБ «НАДЕЖДА», «СПОРТИВНЫЙ АВТОГРАФ». В материалах этих популярных рубрик наши читатели встретятся с самыми прославленными спортсменами планеты, чьи достижения раздвигают представления о возможностях человека, являются примером для юных поклонников спорта. Но мы намерены рассказать и о том, что противостоит идеалам спорта, что несовместимо со званием советского спортсмена.

«КЛУБ «МУЗЫКА С ТОБОЙ» за годы своего существования рассказывал, кажется, обо всем, что происходит в мире музыки. Но интерес молодежи к музыке, популярным исполнителям не угасает, поэтому клуб будет постоянно появляться на журнальных полосах, а гостями будут те, кого назовут в письмах читатели.

Приглашаем вас, дорогие друзья, подписаться на «Смену». 24 журнальные книжки, годовой комплект, стоит 8 рублей 40 копеек, подписка на полгода — 4 рубля 20 копеек, на три месяца — 2 рубля 10 копеек. Наш индекс 70820.

Напомним: в розницу журнал будет поступать в ограниченном количестве. До встречи на страницах «Смены».